

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Серия социально-гуманитарных наук

***ПОЛИТОЛОГИЯ**
***ИСТОРИЯ**
***ФИЛОСОФИЯ**
***ПЕДАГОГИКА**

№ 2 (10) - 2026

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Серия социально-гуманитарных наук

SCIENTIFIC NOTES

**The series of social-humanitarian
sciences**

**РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ
(СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ**

Основан в 2018 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
Серия социально-гуманитарных наук

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 2 (10) - 2026 г.

Душанбе – 2026

RUSSIAN TAJIK (SLAVONIC) UNIVERSITY

Founded in 2018

SCIENTIFIC NOTES
The series of social-humanitarian
sciences

SCIENTIFIC JOURNAL
№ 2 (10) – 2026

Dushanbe – 2026

Учредитель: Межгосударственное образовательное учреждение высшего образования «Российско-Таджикский (Славянский) университет»

Главный редактор:

Холматова Лола Юрьевна, кандидат философских наук, доцент

Редакционная коллегия:

Негматова Шахноза Рузиевна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель главного редактора

Рахманова Мавджуда Джамшедовна, кандидат педагогических наук, доцент, ответственный секретарь журнала.

по политическим наукам:

Курбанова Зульфия Махманабиевна, доктор политических наук (Таджикистан)

Негматова Шахноза Рузиевна, кандидат исторических наук (Таджикистан)

Шарифзода Лохути Шариф, доктор политических наук (Таджикистан)

Шаропов Отабек Муродович, кандидат политических наук (Таджикистан)

Наими Исмоил Нурулло, кандидат политических наук (Таджикистан)

Мухаммадзода Абдурахмон Навруз, доктор политических наук (Таджикистан)

Малышева Дина Борисовна, доктор политических наук (Россия)

Ежова Марина Юрьевна, кандидат политических наук (Россия)

Сангинов Нарзулло Наимович, кандидат политических наук (Таджикистан)

Каримов Шамсиддин Турсунматович, доктор политических наук (Таджикистан)

по историческим наукам:

Мухидинов Сайдали Раджабович, доктор исторических наук (Таджикистан)

Майдинова Гузель, доктор исторических наук (Таджикистан)

Рахматова Заррина Юнусовна, кандидат исторических наук (Таджикистан)

Пирумшоев Хайдаршо Пирумшоевич, доктор исторических наук (Таджикистан)

Маликов Махмуд Хакимович, доктор исторических наук (Таджикистан)

Абдулвахидов Рахматулло Миразорович, кандидат исторических наук (Таджикистан)

Абдурашитов Фозил Маматович, доктор исторических наук (Таджикистан)

Сенин Александр Сергеевич, доктор исторических наук (Россия)

Артыков Абдурафик Абдурахманович, кандидат исторических наук (Таджикистан)

по философским наукам:

Сайфуллаев Нигматулло Мирзоевич, доктор философских наук (Таджикистан)

Ладыгина Ольга Владимировна, доктор философских наук (Россия)

Диноршоева Зарина Мусоевна, доктор философских наук (Таджикистан)

Махмадали Музаффари, доктор философских наук (Таджикистан)

Мирзоев Гаффор Джаборович, доктор философских наук (Таджикистан)

Джураева Нигорахон Ниёзбабаевна, кандидат философских наук (Таджикистан)

Холматова Лола Юрьевна, кандидат философских наук (Таджикистан)

Маркин Владимир Ильич, доктор философских наук (Россия)

Попова Наталья Викторовна, кандидат философских наук (Россия)

Брызгалина Елена Владимировна, кандидат философских наук (Россия)

по педагогическим наукам:

Рустамова Гульбахор Абдурашидовна, кандидат педагогических наук (Таджикистан)
Юлдашева Мавджуда Рахматовна, доктор педагогических наук (Таджикистан)
Ибрагимова Ирода Асо-Ахуновна, кандидат педагогических наук (Таджикистан)
Рахманова Мавджуда Джамшедовна, кандидат педагогических наук (Таджикистан)
Саидова Лейла Вайсидиновна, кандидат педагогических наук (Таджикистан)
Раджабова Мехри Рахматовна, кандидат педагогических наук (Таджикистан)
Каримова Ирина Холовна, доктор педагогических наук (Таджикистан)
Гусейнова Татьяна Владимировна, доктор педагогических наук (Таджикистан)
Мошкина Елена Васильевна, кандидат педагогических наук (Россия)
Федоренко Елена Юрьевна, кандидат психологических наук (Россия)
Худойкулов Хол Жумаевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Редактор:	Л.Ю. Холматова
Технический редактор:	М.Д. Рахманова
Перевод на английский язык:	М.Р. Раджабова
Перевод на таджикский язык:	З.М. Диноршоева

Компьютерная верстка:	Ш.К. Кодыров
-----------------------	--------------

Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан.
Свидетельство о регистрации № 342/ЖР-97 от 12.04.2024 г.

Адрес редакции: 734025, Республика Таджикистан, город Душанбе,
улица М.Турсунзаде, 30
Тел.: (+992 37) 227 78 53
www.rtsu.tj
uchoniezapiski_rtsu@mail.ru

© Российско-Таджикский (Славянский) университет
Типография РТСУ

Founder: Interstate educational institution of higher education «Russian-Tajik (Slavonic) university»

Editor-in-Chief:

Kholmatova Lola Yurievna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

Editorial board:

Negmatova Shakhnoza Ruzievna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Editor-in-Chief

Rakhmanova Mavjuda Jamshedovna, candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Executive Secretary of the Journal.

in Political Science:

Kurbanova Zulfiya Makhmanabievna, Doctor of Political Sciences (Tajikistan)

Negmatova Shakhnoza Ruzievna, Candidate of Historical Sciences (Tajikistan)

Sharifzoda Lohuti Sharif, Doctor of Political Sciences (Tajikistan)

Sharopov Otabek Murodovich, candidate of political sciences (Tajikistan)

Naimi Ismoil Nurullo, candidate of political sciences (Tajikistan)

Muhammadzoda Abdurakhmon Navruz, Doctor of Political Sciences (Tajikistan)

Malysheva Dina Borisovna, Doctor of Political Sciences (Russia)

Ezhova Marina Yurievna, candidate of political sciences (Russia)

Sanginov Narzullo Naimovich, candidate of political sciences (Tajikistan)

Karimov Shamsiddin Tursunmatovich, Doctor of Political Sciences (Tajikistan)

in Historical Sciences:

Mukhidinov Saidali Radzhabovich, Doctor of Historical Sciences (Tajikistan)

Maidinova Guzel, Doctor of Historical Sciences (Tajikistan)

Rakhmatova Zarrina Yunusovna, Candidate of Historical Sciences (Tajikistan)

Pirumshoev Khaidarsho Pirumshoevich, Doctor of Historical Sciences (Tajikistan)

Malikov Makhmud Khakimovich, Doctor of Historical Sciences (Tajikistan)

Abdolvakhidov Rakhmatullo Mirazorovich, candidate of historical sciences (Tajikistan)

Abdurashitov Fozil Mamatovich, Doctor of Historical Sciences (Tajikistan)

Senin Alexander Sergeevich, Doctor of Historical Sciences (Russia)

Artykov Abdurafik Abdurakhmanovich, Candidate of Historical Sciences (Tajikistan)

in Philosophical Sciences:

Sayfullaev Nigmatullo Mirzoevich, Doctor of Philosophy (Tajikistan)

Ladygina Olga Vladimirovna, Doctor of Philosophy (Russia)

Dinorshoeva Zarina Musoevna, Doctor of Philosophy (Tajikistan)

Makhmadali Muzaffari, Doctor of Philosophy (Tajikistan)

Mirzoev Gaffor Jaborovich, Doctor of Philosophy (Tajikistan)

Juraeva Nigorakhon Niyozbabaevna, Candidate of Philosophical Sciences (Tajikistan)

Kholmatova Lola Yurievna, Candidate of Philosophical Sciences (Tajikistan)

Markin Vladimir Ilyich, Doctor of Philosophy (Russia)

Popova Natalya Viktorovna, Candidate of Philosophical Sciences (Russia)

Bryzgalina Elena Vladimirovna, Candidate of Philosophical Sciences (Russia)

in Pedagogical Sciences:

Rustamova Gulbahor Abdurashidovna, candidate of pedagogical sciences (Tajikistan)
Yuldasheva Mavjuda Rakhmatovna, Doctor of Pedagogical Sciences (Tajikistan)
Ibragimova Iroda Aso-Akhunovna, candidate of pedagogical sciences (Tajikistan)
Rakhmanova Mavjuda Jamshedovna, candidate of pedagogical sciences (Tajikistan)
Saidova Leila Vaisidinovna, candidate of pedagogical sciences (Tajikistan)
Radjabova Mekhri Rakhmatovna, candidate of pedagogical sciences (Tajikistan)
Karimova Irina Kholovna, Doctor of Pedagogical Sciences (Tajikistan)
Guseinova Tatyana Vladimirovna, Doctor of Pedagogical Sciences (Tajikistan)
Moshkina Elena Vasilievna, Candidate of Pedagogical Sciences (Russia)
Fedorenko Elena Yurievna, Candidate of Psychological Sciences (Russia)
Khudoykulov Khol Zhumaevich, Doctor of Pedagogical Sciences (Uzbekistan)

Editor: L.Yu. Kholmatova
Technical editor: M.J. Rakhmanova
Translation into English: M.R. Radjabova
Translation into Tajik: Z.M. Dinorshoeva

Computer layout: Sh.K. Kodirov

The magazine is registered with the Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan.
Certificate of registration No. 342/ZhR-97 dated 04/12/2024.

Editorial address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe,
M. Tursunzade street, 30
Тел.: (+992 37) 227 78 53
www.rtsu.tj
uchoniezapiski_rtsu@mail.ru

© Russian-Tajik (Slavonic) university
RTSU Printing House

Муассис: Идораи байнидавлатии таълимии таҳсилоти олии «Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон»

Сармуҳаррир:

Холматова Лола Юревна, номзади илмҳои фалсафа, дотсент

Ҳайати таҳририя: Негматова Шаҳноза Рузиевна, номзади илмҳои таърих, дотсент, ҷонишини сармуҳаррир

Раҳманова Мавҷуда Ҷамшедовна, номзади илмҳои педагогӣ, дотсент, котиби масъули маҷалла

Оид ба илмҳои сиёсатшиносӣ:

Қурбонова Зулфия Маҳмаднабиевна, доктори илмҳои сиёсатшиносӣ (Тоҷикистон)

Негматова Шаҳноза Рузиевна, номзади илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Шарифзода Лоҳутӣ Шариф, доктори илмҳои сиёсатшиносӣ (Тоҷикистон)

Шаропов Отабек Муродович, номзади илмҳои сиёсатшиносӣ (Тоҷикистон)

Наимӣ Исмоил Нурулло, номзади илмҳои сиёсатшиносӣ (Тоҷикистон)

Муҳаммадзода Абдурахмон Навруз, номзади илмҳои сиёсатшиносӣ (Тоҷикистон)

Малышева Дина Барисовна, номзади илмҳои сиёсатшиносӣ (Россия)

Ежова Марина Юревна, номзади илмҳои сиёсатшиносӣ (Россия)

Сангинов Нарзулло Наимович, номзади илмҳои сиёсатшиносӣ (Тоҷикистон)

Каримов Шамсиддин Турсунматович, номзади илмҳои сиёсатшиносӣ (Тоҷикистон)

Оид ба илмҳои таърих:

Муҳидинов Саидалӣ Раҷабович, доктори илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Майтдинова Гузел, доктори илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Раҳматова Заррина Юнусовна, номзади илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Пирумшоев Ҳайдаршо Пирумшоевич, доктори илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Маликов Маҳмуд Ҳакимович, доктори илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Абдулваҳидов Раҳматулло Мирзорович, номзади илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Абдурашитов Фозил Маматович, доктори илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Сенин Александр Сергеевич, доктори илмҳои таърих (Россия)

Ортиқов Абдурафиқ Абдурахмонович, номзади илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Оид ба илмҳои фалсафа:

Сайфуллоев Нигматулло Мирзоевич, доктори илмҳои фалсафа (Тоҷикистон)

Ладыгина Ольга Владимировна, доктори илмҳои фалсафа (Россия)

Диноршоева Зарина Мусоевна, доктори илмҳои фалсафа (Тоҷикистон)

Маҳмадалӣ Музаффарӣ, доктори илмҳои фалсафа (Тоҷикистон)

Мирзоев Ғаффор Ҷабборович, доктори илмҳои фалсафа (Тоҷикистон)

Ҷураева Нигорахон Ниёзбабаевна, номзади илмҳои фалсафа (Тоҷикистон)

Холматова Лола Юревна, номзади илмҳои фалсафа (Тоҷикистон)

Маркин Владимир Ильич, доктори илмҳои фалсафа (Россия)

Попова Наталья Викторовна, номзади илмҳои фалсафа (Россия)

Брызгалина Елена Владимировна, номзади илмҳои фалсафа (Россия)

Оид ба илмҳои педагогӣ:

Рустамова Гулбаҳор Абдурашидовна, номзади илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)

Юлдашева Мавҷуда Раҳматовна, доктори илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)

Ибрагимова Ирода Асо-Ахуновна, номзади илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)

Раҳманова Мавҷуда Ҷамшедона, номзади илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)

Саидова Лейла Вайсидиновна, номзади илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)

Раҷабова Меҳри Раҳматовна, номзади илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)

Каримова Ирина Холовна, доктори илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)

Гусейнова Татьяна Владимировна, доктори илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)

Мошкина Елена Василевна, номзади илмҳои педагогӣ (Россия)

Федоренко Елена Юревна, номзади илмҳои раёвониносии (Россия)

Худойкулов Хол Ҷумаевич, доктори илмҳои педагогӣ (Ўзбекистон)

Муҳаррир: Л.Ю. Холматова

Муҳаррири техникӣ: М.Д. Раҳманова

Тарҷума ба забони англисӣ: М.Р. Раҷабова

Тарҷума ба забони тоҷикӣ: З.М. Диноршоева

Веростори компютери: Ш.К. Қодиров

Маҷалла дар Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон ба қайд гирифта шудааст.
Шаҳодатномаи бақайдгирӣ № 342/ЖР-97 аз 12.04.2024 с.

Суроғай редакция: 734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, шаҳри Душанбе,

кӯчаи М. Турсунзода, 30

Тел.: (+992 37) 227 78 53

www.rtsu.tj

uchoniezapiski_rtsu@mail.ru

© Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
Типографияи ДСРТ

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Ученые записки» (Серия «Социально-гуманитарные науки») публикует статьи профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, аспирантов и соискателей Российско-Таджикского (Славянского) университета. Журнал также предоставляет возможность для публикаций своих работ ученым из других вузов и учреждений Республики Таджикистан, ближнего и дальнего зарубежья. Для публикации в Журнал могут быть представлены материалы по фундаментальным и прикладным проблемам социально-гуманитарных наук, исследованиям в области истории, политологии, философии и педагогики.

Материал, представляемый в редакцию журнала, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других научных изданиях. Ответственность за оригинальность статьи несет автор статьи.

Рукопись регистрируется при поступлении в редакцию ответственным секретарем издания. В целях недопущения плагиата и заимствований источников без указания авторства, а также с целью повышения качества научных статей работа должна пройти экспертизу через систему проверки «Антиплагиат». Процент оригинальности научной статьи должен составлять не менее 70%.

Редакция оставляет за собой право отбора материала, а также право сокращения публикуемой статьи.

Авторы представляют рукописи в электронной форме с распечаткой статьи в одном экземпляре. Статьи принимаются на рассмотрение редакционной коллегии при наличии рецензии от специалиста, имеющего ученую степень доктора наук (если автор статьи является доктором наук), доктора или кандидата наук (если автор статьи является кандидатом наук, соискателем или аспирантом). Аспиранты и соискатели представляют в редакцию отзыв научного руководителя с рекомендацией статьи к публикации. Рецензия должна содержать обоснованное перечисление положительных качеств материала, в том числе научную новизну работы, её актуальность, фактологическую и историческую точность, корректность цитирования, ясный стиль изложения, использование современных источников, а также мотивированное перечисление недостатков материала. В заключении дается общая оценка материала и рекомендация для редакции (опубликовать материал, опубликовать материал после доработки, направить на дополнительную рецензию специалисту по определенной тематике, отклонить). Объем рецензии - не менее одной страницы текста. Рецензия должна быть подписана рецензентом с указанием ученой степени, ученого звания, должности, даты ее подготовки и заверена печатью организации, где он работает.

Статья, принятая к публикации, но нуждающаяся в доработке, направляется автору с замечаниями рецензента и редактора. Автор должен внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом рукописи. Рецензирование рукописи осуществляется конфиденциально. Разглашение конфиденциальных деталей рецензирования ру-

копии нарушает права автора. Рецензентам не разрешается снимать копии с рукописей для своих нужд.

Материалы представляются в редакцию на электронном носителе и в распечатанном виде (1 экз.). Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту статьи.

Основным языком журнала является русский. Статьи зарубежных авторов издаются на английском языке, что позволяет расширить географию читателей и усилить интеграционные процессы в мировом научном сообществе.

Титульная страница статьи должна содержать: УДК, фамилию, имя, отчество (полностью) автора/авторов, его/их ученую степень, звание, должность, место работы и контактную информацию (почтовый адрес с индексом, телефон, E-mail), шифр и наименование специальности, аннотация должна ясно излагать основное содержание статьи и быть пригодной к публикации отдельно от статьи. Объем аннотации составляет: **150-200** слов на русском, английском и таджикском языках; ключевые слова (не менее 7 слов и выражений через точку с запятой).

Объем научной статьи не должен превышать **1 п.л.** и включать такие структурные части, как актуальность темы, цель исследования, его новизна, основные положения и выводы.

Название статьи должно отражать проблематику работы, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, определяющие основные аспекты работы.

В статье обязательны ссылки на источники информации, в том числе на источник получения статистических данных. Рисунки, диаграммы, таблицы размещаются в соответствующем по смыслу фрагменте текста. Они должны быть озаглавлены, пронумерованы и сопровождаться ссылками на источник заимствования данных. Объем рисунков и таблиц не должен превышать 1/3 объема научного текста.

Источники, не являющиеся научно-аналитическими (законодательство, материалы публицистического характера, архивные документы, официальные документы, интернет-материалы), указываются в постраничных сносках на языке оригинала. Научная литература приводится в библиографическом списке в конце текста статьи в алфавитном порядке (сначала литература на русском языке, затем литература на иностранных языках). В списке литературы должно быть не менее **20** наименований научной литературы, в том числе отражающей современные взгляды и подходы к обсуждаемой проблеме. Приветствуется использование материалов, опубликованных в рецензируемых научных изданиях. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р705-2008.

При цитировании или при ссылке на ту или иную работу в тексте статьи используются квадратные скобки, в которых указаны номер источника в перечне литературы и цитируемая страница (напр.: [6, с.39]). Ссылки нумеруются согласно порядковому номеру источника в списке литературы.

Источники публицистического характера, в том числе из печатных и электронных СМИ, официальные документы, архивные материалы, статистические издания и т.д. указываются в постраничных сносках на языке оригинала.

Разрешаются общепринятые сокращения. Аббревиатура приводится сначала полностью с указанием в скобках принятого сокращенного варианта для его дальнейшего использования в тексте (например, Российско-Таджикский (Славянский) университет (далее – РТСУ)).

Ответственность за содержание статьи, достоверность и полноту описания библиографических данных несёт автор статьи.

Завершают рукопись название статьи, данные о её авторе/авторах, текст аннотации и ключевые слова на английском и таджикском языках.

Библиографический список приводится на двух языках: русском и английском.

В редакцию принимаются тексты, подготовленные в формате MS Word for Windows. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 14, списка литературы – 12 интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25. Размер полей: сверху – 2 см, снизу – 2 см, слева – 3 см, справа – 1,5 см.

Все страницы, начиная с титульной, должны быть последовательно пронумерованы.

Текст присылаемой рукописи является окончательным и должен быть представлен тщательно выверенным и исправленным.

Отклоненные рукописи статей, а также рукописи, принятые к публикации, не возвращаются автору.

Статьи печатаются в порядке очередности их поступления в редакцию. Если статья направляется автору на доработку, то датой поступления считается дата возвращения автором переработанной статьи.

СОДЕРЖАНИЕ

• ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Курбонзода З.М. Потенциал зеленой дипломатии во внешней политике Таджикистана в реализации целей устойчивого развития	19
Саидов Х.С. Геополитическая реконфигурация Центральной Азии: Россия, Иран и Афганистан в новой архитектуре региональных отношений	28
Негматова Ш.Р. Угрозы транснационального терроризма и меры по их нейтрализации	41
Наими И.Н. Концепция геополитической конкуренции и её место в теориях международных отношений	58

• ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Майтдинова Г. Художественный язык декоративно-прикладного искусства саманидской эпохи и его значение для формирования таджикской художественной традиции	75
Пирумшоев М.Х. Противостояние Англии и России на Памире в русской историографии	98
Раджабов Т.Х. Роль советской культурной политики в создании профессионального таджикского театра в 1920-е годы в трудах профессора Н.Х. Нурджанова	112
Одинаева Н.Н. Исторические предпосылки участия России в становлении и развитии науки и образования Таджикистана	125

• ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Диноршоева З.М. Развитие научно-философского мышления как фактор противодействия религиозному фанатизму	137
Ульмасов Р. Кадровый дефицит в современной России как социально-философский феномен	145
Холматова Л.Ю. Методологические подходы к изучению социальных изменений в условиях глобализации	167
Джураев Р.З. Влияние информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта на возникновение новых форм девиантного поведения	179

• ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рахманова М.Дж. Повышение мотивации к изучению иностранного языка как важнейший фактор развития конкурентоспособной личности	196
---	-----

Раджабова М.Р. Способы развития критического мышления у студентов в ходе изучения английского языка	209
Курбонова З.Ш. Инновационные подходы в экологическом воспитании дошкольников: теория, методика, практика	220

CONTENT

• POLITICAL SCIENCES

Qurbonzoda Z.M. The potential of green diplomacy in Tajikistan's foreign policy for achieving the sustainable development goals	19
Saidov Kh.S. Geopolitical reconfiguration of Central Asia: Russia, Iran and Afghanistan in the new architecture of regional relations	28
Negmatova Sh.R. Threats of transnational terrorism and measures for their neutralization	41
Naimi I.N. Concept of geopolitical competition and its place in theories of international relations	58

• HISTORICAL SCIENCES

Maitdinova G. The artistic language of decorative and applied arts of the Samanid era and its significance for the formation of the Tajik artistic tradition	75
Pirumshoev M.Kh. The confrontation between England and Russia in the Pamirs in Russian historiography	98
Rajabov T.Kh. The role of soviet cultural policy in the creation of the professional Tajik theater in the 1920s in the works of professor N.H. Nurdjanov	112
Odinayeva N.N. Historical prerequisites for Russia's participation in the formation and development of science and education in Tajikistan	125

• PHILOSOPHICAL SCIENCES

Dinorshoeva Z.M. The development of scientific and philosophical thinking as a factor in countering religious fanaticism	137
Ulmasov R. Labor shortage in modern Russia as a socio-philosophical phenomenon	145
Kholmatova L.Yu. Methodological approaches to the study of social changes under globalization	167
Dzhuraev R.Z. The influence of information and communication technologies and artificial intelligence on the emergence of new forms of deviant behavior	179

• PEDAGOGICAL SCIENCES

Rakhmanova M.J. Increasing motivation to learn a foreign language as the most important factor in the development of a competitive personality	196
---	-----

Radjabova M.R. Ways to develop students' critical thinking while learning English	209
Kurbonova Z.Sh. Innovative approaches in environmental education of preschoolers: theory, methodology, practice	220

МУНДАРИҶА

• ИЛМҲОИ СИЁСАТШИНОСӢ

Қурбонзода З.М. Иқтидори дипломатияи сабз дар сиёсати хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар самти татбиқи ҳадафҳои рушди устувор	19
Саидов Ҳ.С. Реконфигуратсияи геополитикии Осиёи Марказӣ: Россия, Эрон ва Афғонистон дар меъмори нави муносибатҳои минтақавӣ	28
Негматова Ш.Р. Таҳдидҳои терроризми фаромилӣ ва чораҳои рафъ кардани онҳо	41
Наимӣ И.Н. Мафҳуми рақобати геополитикӣ ва ҷойгоҳи он дар назарияҳои муносибатҳои байналмилалӣ	58

• ИЛМҲОИ ТАЪРИХ

Майтдинова Г. Забони бадеии санъати ороишӣ-амалии аҳди сомониён ва аҳамияти он дар ташаккули суннати ҳунарии тоҷик	75
Пирумшоев М.Х. Зиддияти Англия ва Русия дар Помир дар таърихшиносии рус	98
Рачабов Т.Х. Нақши сиёсати фараҳангии шӯравӣ дар ташкили театри касбии тоҷик дар солҳои 1920 дар осори профессор Н.Ҳ. Нурҷонов	112
Одинаева Н.Н. Заминаҳои таърихӣ иштироки Россия дар ташаккул ва рушди илму Маорифи Тоҷикистон	125

• ИЛМҲОИ ФАЛСАФА

Диноршоева З.М. Рушди тафаккури илмӣ-фалсафӣ ҳамчун омили муқовимат ба таассуби динӣ	137
Улмасов Р. Норасоии кадрҳо дар Россияи муосир ҳамчун зуҳуроти иҷтимоӣ-фалсафӣ	145
Холматова Л.Ю. Равишҳои методологӣ нисбат ба омӯзиши тағйироти иҷтимоӣ дар шароити ҷаҳонишавӣ	167
Ҷӯраев Р.З. Таъсири технологияҳои иттилоотӣ-коммуникатсионӣ ва зеҳни сунӣ ба пайдоиши шаклҳои нави рафтори девиантӣ (мунҳариф)	179

• ИЛМҲОИ ПЕДАГОГӢ

Раҳмонова М.Ҷ. Баланд бардоштани ҳавасмандӣ ба омӯзиши забони хориҷӣ ҳамчун омили муҳимтарини рушди шахсияти рақобатпазир	196
--	-----

Рачабова М.Р. Роҳҳои рушди тафаккури интиқодӣ дар до- нишҷӯён ҳангоми омӯзиши забони англисӣ	209
Қурбонова З.Ш. Равишҳои инноватсионӣ дар тарбияи экологии кӯдакони томактабӣ: назария, методология, амалия	220

УДК 327(575.3):502.131.1

**ПОТЕНЦИАЛ ЗЕЛЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТАДЖИКИСТАНА
В РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ**

Курбонзода Зульфия Махмаднаби

доктор политических наук, профессор,
проректор по стратегическому развитию и управлению качеством
Международный университет туризма и
предпринимательства Таджикистана
734055, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. Борбад, 48/5
Тел.: +(992) 979 66 00 10 (м.)
zulkurbonova@gmail.com

В статье исследуется потенциал зеленой дипломатии как одного из ключевых инструментов реализации внешней политики Республики Таджикистан в контексте достижения Целей устойчивого развития (ЦУР). Раскрываются теоретические и концептуальные основы формирования экологического измерения современной дипломатии, а также особенности интеграции принципов устойчивого развития в систему национальных внешнеполитических приоритетов. Анализируются основные направления государственной политики в области рационального использования водных ресурсов, климатической адаптации, развития возобновляемой энергетики, сохранения ледников и охраны окружающей среды, а также их взаимосвязь с международными обязательствами страны и национальными стратегическими документами. Большое внимание уделено роли Республики Таджикистан в продвижении глобальной водной, климатической и криосферной повестки, реализации международных инициатив в рамках ООН, развитии экологического партнерства и укреплении многостороннего сотрудничества по вопросам экологической безопасности. Рассматриваются возможности использования инструментов зеленой дипломатии для привлечения международных финансовых, научно-технологических и институциональных ресурсов, необходимых для достижения национальных приоритетов устойчивого развития, повышения климатической устойчивости и реализации экологических проектов. Отдельно отмечается значение экологической дипломатии для укрепления региональной стабильности в Центральной Азии и развития трансграничного водного сотрудничества. Сделан вывод, что внешнеполитическая стратегия, основанная на принципах экологической ответственности и климатической солидарности, способствует росту международного авторитета Республики Таджикистан и эффективному достижению ЦУР на всех уровнях.

Ключевые слова: зеленая дипломатия; внешняя политика; устойчивое развитие; Цели устойчивого развития; Таджикистан; климатическая дипломатия; водная дипломатия; экологическая безопасность; международное сотрудничество.

В условиях ускоряющихся трансформаций глобального мира концепция устойчивого развития превратилась в неотъемлемую часть стратегического мышления как на международном, так и на национальном уровнях. Она охватывает ключевые приоритеты в сферах экономического прогресса, социальной гармонии и экологической целостности. Эта модель развития, впервые официально признанная мировым сообществом на Саммите ООН по вопросам окружающей среды и развития, состоявшемся в Рио-де-Жанейро в 1992 году, с тех пор прочно вошла в законодательные и политические рамки множества государств. В 2015 году Генеральная Ассамблея ООН утвердила новую повестку дня в виде 17 Целей устойчивого развития (ЦУР), включающих 169 конкретных задач, направленных на системное улучшение условий жизни на планете до 2030 года. Данная повестка продолжила и значительно расширила рамки прежних Целей развития тысячелетия, добавив к ним комплексные подходы к решению таких актуальных проблем, как искоренение бедности, защита окружающей среды, устойчивое управление ресурсами и социальное равенство [2, с. 94-102].

Сущность идеи устойчивого развития заключается в обеспечении согласованного взаимодействия между экономическими интересами, социальной ответственностью и сохранением экологического баланса. Это философия стратегического планирования, в основе которой лежит принцип удовлетворения потребностей настоящего поколения без ущерба для возможностей будущих поколений. Такая модель предполагает не только рациональное и осознанное использование природных богатств, но и постоянную адаптацию к меняющимся условиям с сохранением устойчивости институтов и сообществ. Сегодня, когда мир сталкивается с нарастающими климатическими угрозами, опустошением биоресурсов и ростом социального давления, устойчивое развитие становится не просто актуальным, а жизненно необходимым механизмом выживания цивилизации. Именно в рамках этой концепции формируется новая архитектура международного сотрудничества, основанная на принципах партнерства, инноваций и долгосрочной ответственности. Для стран, стремящихся к стабильному будущему, реализация ЦУР становится неотъемлемой частью государственной стратегии и важнейшим инструментом интеграции в глобальные процессы.

Республика Таджикистан, реализуя политический курс, сформулированный Основателем мира и национального единства – Президентом страны, уважаемым Эмомали Рахмоном, занимает активную позицию в международной повестке устойчивого развития, одновременно демонстрируя лидерство в формировании новой экологической дипломатии. Благодаря стратегически выверенному руководству, страна уверенно продвигается

как по пути внедрения национальных программ в области устойчивого роста, так и в направлении расширения своего вклада в глобальные трансформационные процессы [11].

Сегодня Таджикистан выступает не только в роли приверженного участника выполнения Целей устойчивого развития (ЦУР), но и как инициатор широкомасштабных международных усилий, направленных на продвижение «зеленых» приоритетов. Практическая реализация стратегий в таких сферах, как 100 водная безопасность, климатическая адаптация и переход к возобновляемой энергетике, свидетельствует о серьезности и системности государственной политики. Выступая 24 сентября текущего года на 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Президент страны, уважаемый Эмомали Рахмон, указал на беспрецедентные вызовы, с которыми сталкивается мировое сообщество, подчеркнув, что только коллективные и скоординированные действия способны обеспечить стабильность, безопасность и устойчивое будущее. Он особо отметил необходимость ускорения выполнения Повестки дня 2030, обращая внимание на то, что ситуация требует немедленного усиления международных усилий в области финансирования и ресурсного обеспечения программ устойчивого развития [10].

Президент страны также обратился к тревожным выводам отчета Генерального секретаря ООН, согласно которому к 2030 году может быть достигнуто лишь около 17% поставленных целей. Это свидетельствует о риске системного срыва реализации глобальных обязательств и подчеркивает значимость срочных корректирующих шагов. В этом контексте таджикский лидер акцентировал внимание на рациональном управлении природными ресурсами, укреплении экосистемной устойчивости и необходимости инновационного подхода к экономическому планированию в условиях изменяющегося климата.

Одним из ключевых предложений уважаемого Эмомали Рахмона стало внесение на рассмотрение Генассамблеи инициативы о разработке и принятии специальной резолюции, посвященной применению технологий искусственного интеллекта для ускоренного достижения Целей устойчивого развития в странах Центральной Азии. Эта идея отражает прогрессивный подход Таджикистана к объединению устойчивого развития и цифровых инноваций. Важно подчеркнуть, что приведенные выше примеры лишь малая часть системной международной деятельности Лидера нации, направленной на выстраивание устойчивого будущего как для страны, так и для региона в целом.

Его инициативы в сфере защиты водных ресурсов, предотвращения климатических угроз, экологической модернизации экономики и развития многостороннего диалога, стали основой авторитетной и признанной на международной арене экологической политики Таджикистана. Следует,

безусловно, признать, что уважаемый Лидер нации – архитектор зеленой дипломатии страны, заложивший интеллектуальные и институциональные основы для ее развития. Благодаря его лидерству и последовательной политике, Республика Таджикистан заняла прочное место в числе государств, формирующих новый облик глобального взаимодействия в области охраны окружающей среды и устойчивого роста [1, с. 14-30]. Так называемая «зеленая» дипломатия представляет собой современное направление внешнеполитической деятельности, основной целью которого является решение глобальных экологических проблем через механизмы международного сотрудничества и переговорных платформ. Ее главная задача заключается в выстраивании устойчивого взаимодействия между государствами и международными организациями для достижения приоритетных экологических целей – таких как противодействие, климатическим изменениям, переход к низкоуглеродной экономике и реализация принципов устойчивого развития [9].

В условиях стремительного изменения климата и роста экологических угроз «зеленая» дипломатия и устойчивое развитие приобретают все большую значимость как взаимодополняющие и концептуально связанные явления. Эти подходы формируют новую парадигму международных отношений и глобального экономического взаимодействия, направленную на минимизацию разрушительного воздействия хозяйственной деятельности человека на окружающую среду и продвижение принципов социальной справедливости.

Именно посредством дипломатических каналов, диалога и коллективных решений обеспечивается продвижение стратегических инициатив в области экологии. На сегодняшний день можно с уверенностью утверждать, что экологически ориентированная дипломатия становится краеугольным камнем устойчивого международного партнерства. Она способствует формированию таких моделей экономического роста, которые базируются на рациональном и бережном использовании природных ресурсов, сохранении биологического разнообразия и экологическом равновесии. Одной из наиболее приоритетных сфер, охватываемых «зеленой» дипломатией, является борьба с негативными последствиями изменения климата.

Международная практика показывает, что только через заключение многосторонних соглашений, таких как Парижское соглашение 2015 года, возможно достижение значительных результатов в снижении объемов выбросов парниковых газов и переходе к устойчивой энергетике. Наряду с этим, экологическая дипломатия играет важную роль в разработке и внедрении стратегий рационального природопользования, особенно в управлении водными и земельными ресурсами. Надлежащее регулирование в этих

сферах обеспечивает не только охрану окружающей среды, но и закладывает основу для устойчивого социально-экономического роста. Влияние «зеленой» дипломатии распространяется далеко за рамки экологической тематики, охватывая также вопросы продовольственной безопасности, энергоэффективности и трансграничного взаимодействия в области природных ресурсов [15, с. 300-304].

Следует отметить, что экологическая внешняя политика создает предпосылки для формирования целостной, ориентированной на устойчивость, государственной стратегии. Она способствует реализации комплексных программ, направленных как на снижение уровня бедности, так и на стимулирование экономического развития на основе экологических стандартов и инновационных технологий. В этом контексте опыт Республики Таджикистан является особенно показательным. Благодаря дальновидной политике Лидера нации – Президента страны, уважаемого Эмомали Рахмона, вопросы экологической безопасности и устойчивого управления ресурсами заняли центральное место в международной повестке страны. На сегодняшний день Таджикистан заслуженно рассматривается мировым сообществом как одно из передовых государств в области водной дипломатии и управления трансграничными водными потоками. Предпринимаемые глобальные инициативы Лидера нации, направленные на решение актуальных климатических и водных проблем, служат наглядной иллюстрацией эффективности «зеленой» дипломатии. Эти инициативы не только способствуют стабилизации экосистем Центральной Азии, но и вносят вклад в формирование новой модели международного взаимодействия, основанной на принципах устойчивости, взаимной поддержки и коллективной ответственности. Внимание, уделяемое Таджикистаном вопросам водных ресурсов, подчеркивает стратегический характер экологической политики страны и ее стремление играть активную роль в глобальной трансформации в сторону устойчивого и справедливого будущего.

Хотелось бы подчеркнуть, что вчера, 25 июня 2026 года в преддверии празднования 29-й годовщины Дня Национального единства страны Генеральной Ассамблеей ООН принята резолюция под названием «Международное десятилетие укрепления мира для будущих поколений, 2027-2036» [12]. Следует подчеркнуть, что для Республики Таджикистан, принятие данной инициативы является не просто знаковым событием, а историческим днем, ибо страна в первые годы своей государственной независимости была втянута в навязную гражданскую войну.

Принятие данной инициативы следует считать очередным успехом и победой стратегически целенаправленной таджикской дипломатии. Необходимо подчеркнуть, что данная инициатива послужит примером для многих стран, и, хотелось бы верить, что отныне на нашей любимой Земле будет всегда мир, устойчивость и процветание.

Литература

1. Курбонзода З.М. Вода как ключевой фактор устойчивого развития в условиях глобализации // Международные отношения и безопасность. – 2026. – № 1 (17).
2. Курбонова З.М. Зеленая дипломатия в действии: курс Таджикистана на региональное лидерство // Устойчивое развитие и зеленая экономика. – 2025. – Т. 1. – № 1 (1).
3. Министерство иностранных дел Республики Таджикистан. Концепция внешней политики Республики Таджикистан. Утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 27 января 2015 года, № 332 // Министерство иностранных дел Республики Таджикистан: официальный сайт. - URL: <https://mfa.tj> (дата обращения: 26.06.2026).
4. Организация Объединённых Наций. International Year of Glaciers' Preservation, 2025: Resolution adopted by the General Assembly A/RES/77/158 of 14 December 2022 // United Nations: official website. - URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n22/756/40/pdf/n2275640.pdf> (дата обращения: 26.06.2026).
5. Организация Объединённых Наций. United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC). – New York, 1992 // UNFCCC: official website. - URL: <https://unfccc.int> (дата обращения: 26.06.2026).
6. Организация Объединённых Наций. Water for Sustainable Development, 2018-2028: Resolution adopted by the General Assembly A/RES/71/222 of 21 December 2016 // Организация Объединённых Наций: официальный сайт. - URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n16/463/90/pdf/n1646390.pdf> (дата обращения: 26.06.2026).
7. Организация Объединённых Наций. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/70/1 от 25 сентября 2015 г. // Организация Объединённых Наций: официальный сайт. - URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n15/291/89/pdf/n1529189.pdf> (дата обращения: 26.06.2026).
8. Республика Таджикистан. Обновлённый национально определяемый вклад (Nationally Determined Contribution, NDC). – Душанбе, 2025 // UNFCCC: official website. URL: <https://unfccc.int/NDCREG> (дата обращения: 26.06.2026).
9. Стратегия развития «зеленой экономики» в Республике Таджикистан на 2023–2037 годы. Утверждена постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 сентября 2022 года № 482. – Душанбе, 2022. – URL: https://adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=137568 (дата обращения: 15.06.2026).
10. Эмомали Рахмон. Выступление на 79-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций (г. Нью-Йорк, 24 сентября 2024 г.) // Организация Объединённых Наций: официальный сайт. - URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 10.04.2026).
11. Эмомали Рахмон. Инициатива по созданию Международного фонда защиты ледников: выступление на Международной климатической конференции (2023 г.) // Министерство иностранных дел Республики Таджикистан: официальный сайт. - URL: <https://mfa.tj/en/berlin/view/7222/202103031614790902> (дата обращения: 12.04.2026).

12. Эмомали Рахмон. Поздравительное послание в связи с принятием Генеральной Ассамблеей Организации Объединённых Наций резолюции «Международное десятилетие укрепления мира для будущих поколений, 2027-2036 годы» и Днём национального единства // Президент Республики Таджикистан: официальный сайт. - URL: <https://www.president.tj/event/news/56007> (дата обращения: 26.06.2026).
13. Oberthür S. Green Diplomacy: Theory and Practice in International Environmental Relations // Global Environmental Politics. - 2001. - Vol. 1. - No. 4. - P. 58-77.
14. Paris Agreement. Adopted under the United Nations Framework Convention on Climate Change, Paris, 12 December 2015 // UNFCCC: official website. - URL: Paris Agreement (дата обращения: 26.06.2026).
15. Qurbonzoda Z. M. The Role of the President of the Republic of Tajikistan in Shaping the International Agenda on Cryosphere Protection and Water Security // Green Economy in the Context of Climate Change: Transition Towards Sustainable Development: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. – Dushanbe, 2025.
16. Sachs J.D. Sustainable Development for the 21st Century: Solutions and Strategies. - Princeton: Princeton University Press, 2023. - P. 123-188.
17. Susskind L.E., Ali S.H. Environmental Diplomacy: Negotiating More Effective Global Agreements. - Oxford: Oxford University Press, 2014. - P. 201-256.
18. UNESCO. The United Nations World Water Development Report 2025: Mountains and Glaciers – Water Towers. – Paris: UNESCO, 2025. - URL: UNESCO World Water Development Report 2025 (дата обращения: 26.06.2026).
19. United Nations Environment Programme (UNEP). Emissions Gap Report 2025. – Nairobi: UNEP, 2025. - URL: UNEP Emissions Gap Report 2025 (дата обращения: 26.06.2026).
20. UN-Water. Progress on Water-related Ecosystems: SDG Indicator 6.6.1 Progress Report 2024. – Geneva: UN-Water, 2024. - URL: UN-Water SDG 6.6.1 Report (дата обращения: 26.06.2026).

THE POTENTIAL OF GREEN DIPLOMACY IN TAJIKISTAN'S FOREIGN POLICY FOR ACHIEVING THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS

Qurbonzoda Zulfiya Mahmadvani

Doctor of Political Sciences, Professor,
Vice-Rector for Strategic Development and Quality Management
International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan
734055, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Borbad Str., 48/5
Ph.: (+992) 979 66 00 10 (m.)
zulkurbonova@gmail.com

The article explores the potential of green diplomacy as one of the key tools for implementing the foreign policy of the Republic of Tajikistan in the context of achieving the Sustainable Development Goals (SDGs). It reveals the theoretical and conceptual foundations of forming the environmental dimension of modern diplomacy, as well as the specifics of integrating sustainable development principles into the system of national foreign policy priorities. The main directions of state policy in the areas of rational water resources management, climate adaptation, renewable energy development, glacier preservation, and environmental protection are analyzed, along with their correlation with the country's international obligations and national strategic documents. Great attention is paid to the role of the Republic of Tajikistan in promoting the global water, climate, and cryosphere agenda, implementing international initiatives within the UN framework, developing environmental partnerships, and strengthening multilateral cooperation on ecological security. The possibilities of utilizing green diplomacy tools to attract international financial, scientific, technological, and institutional resources necessary for achieving national sustainable development priorities, increasing climate resilience, and implementing environmental projects are considered. The significance of ecological diplomacy for strengthening regional stability in Central Asia and developing transboundary water cooperation is highlighted separately. It is concluded that a foreign policy strategy based on the principles of environmental responsibility and climate solidarity contributes to the growth of the international prestige of the Republic of Tajikistan and the effective achievement of the SDGs at all levels.

Keywords: green diplomacy; foreign policy; sustainable development; Sustainable Development Goals; Tajikistan; climate diplomacy; water diplomacy; environmental security; international cooperation.

ИҚТИДОРИ ДИПЛОМАТИЯИ САБЗ ДАР СИЁСАТИ ХОРИЧИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН ДАР САМТИ ТАТБИҚИ ҲАДАФҲОИ РУШДИ УСТУВОР

Қурбонзода Зулфия Маҳмаднабӣ

доктори илмҳои сиёсӣ, профессор
муовини ректор оид ба рушди стратегӣ ва идоракунии сифати
Донишгоҳи байналмилалӣ сайёҳӣ ва соҳибкорӣ Тоҷикистон
734055, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. Борбад, 48/5
Тел.: +(992) 979 66 00 10 (м.)
zulkurbonova@gmail.com

Дар мақола потенциали дипломатияи сабз ҳамчун яке аз воситаҳои калидии амалисозии сиёсати хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар заминаи ноил шудан ба Ҳадафҳои рушди устувор (ҲРУ) таҳқиқ мешавад. Асосҳои назариявӣ ва концептуалии ташаккули ҷанбаи экологии дипломатияи муосир, инчунин хусусиятҳои ворид намудани принципҳои рушди устувор ба авлавияти сиёсати хориҷии миллӣ ошкор карда мешаванд. Самтҳои асосии сиёсати давлатӣ дар соҳаи истифодаи оқилонаи захираҳои об, мутобикшавӣ ба иқлим, рушди энергетикаи таҷдидпазир, ҳифзи пирияхҳо ва нигоҳдории

муҳити зист, инчунин робитаи мутақобилаи онҳо бо уҳдадориҳои байналмилалӣ кишвар ва ҳуҷҷатҳои стратегии миллий таҳлил карда мешаванд. Ба нақши Ҷумҳурии Тоҷикистон дар пешбурди рӯзномаи глобалии об, иқлим ва криосфера, амалисозии таҷаббусҳои байналмилалӣ дар ҷаҳорҷӯби СММ, рушди шарикӣ экологӣ ва таҳкими ҳамкориҳои бисёрҷониба оид ба масъалаҳои амнияти экологӣ таваҷҷуҳи зиёд зоҳир шудааст. Имкониятҳои истифодаи воситаҳои дипломатияи сабз барои ҷалби манобеи молиявӣ, илмию технологӣ ва институтсионалии байналмилалӣ, ки барои ноил шудан ба авлавияти миллии рушди устувор, баланд бардоштани устувори иқлим ва татбиқи лоиҳаҳои экологӣ заруранд, баррасӣ мешаванд. Аҳамияти дипломатияи экологӣ барои таҳкими суботи минтақавӣ дар Осиёи Марказӣ ва рушди ҳамкориҳои фаромарзии обӣ ба таври алоҳида қайд карда мешавад. Хулоса бароварда мешавад, ки стратегияи сиёсати хориҷии бар принсипҳои масъулияти экологӣ ва ҳамбастагии иқлимӣ асосёфта ба болоравии нуфузи байналмилалӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон ва ноил шудан ба ҲРУ дар ҳамаи сатҳҳо мусоидат менамояд.

Калидвожаҳо: дипломатияи сабз; сиёсати хориҷӣ; рушди устувор; Ҳадафҳои рушди устувор; Ҷумҳурии Тоҷикистон; дипломатияи иқлимӣ; дипломатияи об; амнияти экологӣ; ҳамкориҳои байналмилалӣ.

УДК 327.5(575:470:55:581)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕКОНФИГУРАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: РОССИЯ, ИРАН И АФГАНИСТАН В НОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Саидов Хамид Саидович

доктор политических наук, профессор
кафедры международных отношений и дипломатии
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республики Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 000 66 93 93 (м.)
khomid.saidov.53@mail.ru

В статье исследуется трансформация геополитической конфигурации Централь-ноазиатского региона в условиях нарастания системных сдвигов в международных отношениях начала XXI века. Авторский анализ сосредоточен на взаимодействии трёх ключевых внешних акторов – России, Ирана и Афганистана – с государствами региона в контексте переструктурирования баланса сил, постепенного ослабления западного влияния и активизации незападных полюсов силы. Методологическую основу исследования образует синтез неореалистической теории Кеннета Уолца, концепции «регионального комплекса безопасности» Барри Бузана и Оле Уивера и теории «сложной взаимозависимости» Роберта Кохэйна и Джозефа Ная. Применение данных подходов позволяет выявить закономерности формирования новой архитектуры региональной безопасности, экономической взаимозависимости и культурно-цивилизационного притяжения. Особое внимание уделяется афганскому фактору как постоянной переменной региональной нестабильности, иранскому вектору «северной дипломатии» в контексте санкционного давления и прагматизации тегеранской внешней политики, а также трансформации российской центральноазиатской стратегии в условиях нарастающего геополитического давления после 2022 года. Анализируется институциональная роль ШОС как единственной многосторонней площадки, объединяющей всех ключевых незападных акторов региона. Делается вывод о формировании принципиально новой конфигурации – «многополярности без гегемона», – обладающей встроенной неустойчивостью и хроническим дефицитом механизмов производства региональных общественных благ.

Ключевые слова: Центральная Азия; геополитика; Россия; Иран; Афганистан; региональная архитектура; безопасность; многополярность; ШОС; постсоветское пространство; «Талибан»; ОДКБ; ЕАЭС.

Центральная Азия на протяжении последних трёх десятилетий остаётся одним из наиболее динамично трансформирующихся геополитических пространств планеты. Регион, обретший государственную субъектность лишь в 1991 году после распада Советского Союза, в краткие исторические сроки превратился в арену пересечения стратегических интересов крупнейших мировых и региональных держав – России, Китая, США, Европейского союза, Ирана, Турции, Индии и Пакистана. Как отмечает О. Рой, новые государства региона возникли не из органических национально-освободительных движений, а из административных конструкторов советской эпохи, что предопределило их специфическую уязвимость перед внешним давлением [24, с. 12–18].

События последних лет – переход власти в Афганистане к движению «Талибан» в августе 2021 года, нарастание западного давления на Россию и Иран, активизация инициатив Китая в рамках концепции «Один пояс – один путь» – кардинально изменили конфигурацию силовых полей в регионе. В этих условиях встаёт закономерный исследовательский вопрос: каким образом три ключевых незападных актора – Россия, Иран и Афганистан – трансформируют собственные стратегии регионального присутствия и каковы структурные последствия этой трансформации для центральноазиатской архитектуры международных отношений? Научная значимость данной проблематики обусловлена несколькими факторами. Во-первых, Центральная Азия представляет собой своеобразный «индикатор многополярности»: именно здесь с максимальной наглядностью проявляются закономерности переструктурирования постбиполярного миропорядка [8, с. 14-19]. Во-вторых, три рассматриваемых актора обладают принципиально различными инструментами регионального влияния и действуют из совершенно несхожих стратегических позиций, что делает их сравнительный анализ методологически продуктивным [19, с. 7-10]. В-третьих, происходящие процессы непосредственно затрагивают Таджикистан, Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан и Туркменистан как суверенных акторов, вынужденных вырабатывать собственные ответы на усиливающееся геополитическое давление. Цель настоящего исследования состоит в выявлении структурных закономерностей и тенденций геополитической реконфигурации Центральной Азии применительно к политике России, Ирана и фактора афганской нестабильности в контексте формирующейся многополярной системы международных отношений. Исследование опирается на концептуальный синтез неореализма Кеннета Уолца и структурного конструктивизма. Неореалистическая методология позволяет рассматривать поведение государств как функцию от их позиции в международной структуре, которая сама по себе задаётся распределением материальных возможностей [13, с. 88-97]. С этой точки зрения активизация России, Ирана и афганского актора в регионе является закономерной реакцией на ощущае-

мое этими государствами изменение баланса сил и угрозы, а не результатом субъективных властных амбиций.

Вместе с тем ограниченность «чистого» неореализма применительно к постсоветскому пространству очевидна: материальные структуры здесь нередко переплетаются с идентичностными конструктами, историческими нарративами и цивилизационными матрицами, которые невозможно редуцировать к балансу сил. Поэтому необходимо привлечение конструктивистских инструментов – концепции «регионального комплекса безопасности» Барри Бузана и Оле Уивера, позволяющей учитывать специфику регионализированных угроз [2, с. 201-208], а также теории «сложной взаимозависимости» Роберта Кохэйна и Джозефа Ная, акцентирующей многоканальность взаимодействий между акторами [6, с. 49-57].

Независимость центральноазиатских республик возникла не как результат целенаправленного национально-освободительного движения, а как структурное следствие распада СССР. Это обстоятельство предопределило целый ряд специфических характеристик региональной политики: слабость гражданско-политических институтов, высокую степень персонализации власти, экономическую зависимость от постсоветских интеграционных механизмов, сохранение русскоязычного административного и культурного пространства [24, с. 31-45]. Все пять республик унаследовали советские границы, нередко представляющие собой этнически гетерогенные административные конструкты, что порождает потенциальные очаги межэтнической напряжённости [18, с. 78-82].

За тридцать с лишним лет суверенного развития государства региона прошли существенно различающиеся пути политической и экономической трансформации. Казахстан выстроил модель «управляемой открытости», ориентированной на диверсификацию внешнеэкономических связей при сохранении авторитарного политического контроля. Узбекистан после 2016 года – прихода к власти Шавката Мирзиёева – демонстрирует черты осторожной либерализации при сохранении жёсткого государственного суверенитета. Таджикистан и Кыргызстан характеризуются наиболее выраженной уязвимостью – экономической и политической – к внешнему давлению [5, с. 48-63]. Туркменистан придерживается политики «позитивного нейтралитета», фактически самоизолируясь от региональных интеграционных процессов [15, с. 60-65].

Принципиально важной для понимания геополитической динамики является «геоэкономическая рента» региона: огромные запасы углеводородного сырья (Казахстан, Туркменистан), транзитный потенциал между Европой и Азией, водные ресурсы (Таджикистан, Кыргызстан). Именно эта рента определяет привлекательность региона для внешних акторов и задаёт материальную базу для геополитического соперничества [3, с. 49-

54]. При этом распределение ренты внутри региона крайне неравномерно, что само по себе является источником внутрирегиональных противоречий.

Малые и средние государства Центральной Азии объективно вынуждены действовать в условиях «структурного давления» со стороны более мощных соседей. Теоретически это давление порождает несколько типов адаптивного поведения: балансирование (поиск противовеса более сильному актору), примыкание к более сильному (*bandwagoning*), хеджирование (диверсификация партнёрств с целью минимизации зависимости) и нейтралитет [16, с. 190-196]. На практике центральноазиатские государства, как правило, прибегают к комбинации этих стратегий, причём их конкретное сочетание меняется в зависимости от ситуативного контекста.

Наиболее распространённой является стратегия «многовекторности», предполагающая одновременное поддержание партнёрских отношений с несколькими крупными державами при недопущении критической зависимости от кого-либо из них. Казахстан возвёл многовекторность в ранг официальной государственной доктрины; Узбекистан в период президентства Мирзиёева также последовательно диверсифицирует внешнеполитические связи [12, с. 19-24]. Тем не менее глубина реальной независимости от ключевых игроков - прежде всего России и Китая – остаётся предметом дискуссии в академической литературе [19, с. 87-103].

Россия традиционно рассматривает Центральную Азию как зону своих привилегированных интересов, апеллируя к совокупности инструментов, сложившихся в постсоветский период. Их можно классифицировать по нескольким измерениям: институциональное (членство в ОДКБ, ЕАЭС, СНГ), экономическое (трудовая миграция и денежные переводы, энергетическая взаимозависимость, торговые связи), культурно-лингвистическое (русский язык как *lingua franca* образованного класса, российские медиа, общеобразовательное пространство), военнотехническое (поставки вооружений, военные базы, совместные учения) [25, с. 11-22].

Трудовая миграция представляет собой один из наиболее значимых, однако недостаточно изученных рычагов российского влияния. По данным Банка России и национальных статистических служб центральноазиатских государств, объём денежных переводов из России в Таджикистан в отдельные годы превышал 30% ВВП страны, в Кыргызстан – 25-27% [11, с. 146-149]. Эта зависимость создаёт асимметричные рычаги воздействия, которые, впрочем, ограничены: применение «миграционного давления» как открытого инструмента принуждения чревато серьёзными репутационными издержками и способно спровоцировать ответную диверсификацию.

ОДКБ как военно-политический альянс продемонстрировал амбивалентность своего функционального потенциала в ходе январских событий 2022 года в Казахстане. С одной стороны, организация впервые задейство-

вала механизм коллективного реагирования на внутривнутриполитический кризис, получив приглашение от казахстанского правительства. С другой – относительно быстрый вывод войск и отсутствие сколько-нибудь значимых условий для оказанной помощи поставили под сомнение реальную трансформирующую силу этой операции [10, с. 293-296].

Наращение западного давления на Россию после 2014 года, а особенно после начала масштабного конфликта с Украиной в 2022 году, существенно изменило стратегическую позицию Москвы в Центральной Азии. С одной стороны, Россия оказалась в ситуации нарастающей экономической изоляции от западных рынков, что объективно повысило её заинтересованность в центральноазиатских партнёрах как альтернативных каналах внешнеэкономической активности [17, с. 4-9]. Торговый оборот России со странами ЕАЭС в 2022–2024 годах демонстрировал устойчивый рост на фоне сворачивания западного направления.

С другой стороны, центральноазиатские государства воспользовались ослаблением российских позиций для более настойчивого отстаивания собственной субъектности. Показательна позиция Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана, публично дистанцировавшихся от российской политики в Украине и отказавшихся от обхода западных санкций в тех объёмах, которые могли бы поставить их собственные экономики под угрозу вторичных санкций [3, с. 58-62]. Это свидетельствует о постепенном переосмыслении формулы «привилегированных интересов»: Москва сохраняет значительное влияние, однако уже не может рассчитывать на безоговорочную лояльность партнёров.

Принципиально новым элементом российской стратегии становится попытка переосмыслить нарратив интеграционного проекта через идею «суверенной многополярности»: ЕАЭС позиционируется не просто как пространство экономической кооперации, но как один из полюсов формирующегося многополярного мира, альтернативный западнцентричным институтам [7, с. 40-48]. Насколько этот нарратив оказывается убедительным для центральноазиатских элит – вопрос дискуссионный, однако показательно, что ни одно из государств региона не поставило под сомнение целесообразность участия в ЕАЭС и СНГ.

Исламская Республика Иран занимает особое положение среди внешних акторов Центральной Азии. В отличие от России и Китая, Иран не обладает ни экономическими ресурсами для масштабных инвестиций, ни военной инфраструктурой в регионе. Тем не менее иранское присутствие в Центральной Азии опирается на ряд структурных преимуществ, которые зачастую недооцениваются в академической литературе [20, с. 18-29].

Прежде всего это цивилизационная близость. Персидский язык (фарси) является прямым «родственником» таджикского и исторически – языком образованных слоёв Средней Азии. Культурные и исторические связи Ирана с Таджикистаном, частью Узбекистана (прежде всего с Самаркандом и Бухарой), северным Афганистаном образуют то, что исследователи характеризуют как «персидский культурный ареал» [21, с. 391-396]. Этот ресурс «мягкой силы» нередко компенсирует материальные ограничения иранской региональной политики.

Во-вторых, транзитно-инфраструктурный потенциал. Иран предоставляет центральноазиатским государствам (прежде всего Туркменистану) выход к Персидскому заливу через свою территорию, что является ключевым альтернативным маршрутом в обход России и Китая [20, с. 45-58]. Открытие международного транспортного коридора «Север – Юг», активное строительство железнодорожных линий Иран – Афганистан – Центральная Азия – всё это превращает Иран в незаменимое связующее звено трансрегиональной логистики [14, с. 104-118].

В-третьих, шиитский фактор, значение которого в Центральной Азии, впрочем, ограничено: большинство мусульман региона исповедуют суннизм. Исключение составляют часть населения Таджикистана и памирские исмаилиты – особая религиозная группа, традиционно связанная с Ага-ханом, а не с тегеранским духовенством [4, с. 115-119].

Введение западных санкций существенно трансформировало иранский стратегический горизонт. Экономическая изоляция от Запада и от долларовой финансовой системы поставила Тегеран перед необходимостью форсированного развития «восточного» и «северного» направлений внешнеэкономической политики [14, с. 78-92]. В этом контексте центральноазиатский вектор приобрёл для Ирана принципиально новое значение: речь идёт уже не только о культурной близости и символической дипломатии, но и о прагматическом выстраивании альтернативных торгово-финансовых цепочек.

Вступление Ирана в ШОС в качестве полноправного члена в 2023 году стало значимым институциональным шагом в этом направлении. Членство в ШОС предоставило Тегерану площадку для многостороннего взаимодействия с центральноазиатскими государствами в обход западных институтов, а также легитимизировало его региональные амбиции в рамках признанной институциональной рамки [7, с. 45-51]. Важно подчеркнуть, что ШОС – в отличие, скажем, от НАТО или ЕС – не требует от своих членов ценностного консенсуса, что делает её особенно привлекательной для государств с авторитарными или гибридными политическими системами [16, с. 199-202].

Характерной чертой иранской дипломатии в регионе является стремление к двустороннему формату взаимодействия, позволяющему из-

бегать публичных противоречий и учитывать специфику каждого конкретного партнёра. Отношения Ирана с Таджикистаном подчёркивают культурно-языковое измерение; с Туркменистаном – энергетическое и транзитное; с Казахстаном – торгово-экономическое и дипломатическое [21, с. 398-405]. Эта «кастомизированная» дипломатия нередко оказывается более эффективной, чем блоковые механизмы.

Возвращение движения «Талибан» к власти в августе 2021 года стало событием, кардинально изменившим геополитический ландшафт Центральной Азии. Двадцатилетнее присутствие западной военной коалиции создавало специфическую «санитарную зону», в рамках которой центральноазиатские государства, при всём их скептицизме в отношении западных политических ценностей, извлекали практическую безопасностную выгоду. Уход американских и натовских сил означал исчезновение этой функциональной буферной роли и возврат афганской проблемы в качестве непосредственной угрозы для соседних государств [9, с. 80-84].

Вместе с тем было бы аналитически некорректно редуцировать «талибанский» Афганистан исключительно к источнику угроз. Фактически установившееся талибанское правительство, несмотря на отсутствие официального международного признания, демонстрирует определённую прагматизацию внешнеполитической линии. Тегеран и Пекин первыми аккредитовали своих дипломатов в Кабуле. Россия, формально не признавая «Талибан», поддерживает рабочие контакты. Ряд центральноазиатских государств также осторожно нащупывает нормализационный трек [17, с. 9-15].

Внутренняя неоднородность движения «Талибан» – противоречие между «прагматиками», ориентированными на международное признание и экономическую стабилизацию, и радикальным крылом, сохраняющим идеологическую непреклонность – предопределяет непредсказуемость афганского фактора [1, с. 38-44]. Ни Россия, ни Иран, ни центральноазиатские государства не могут быть уверены в том, с каким «Талибаном» им предстоит иметь дело в среднесрочной перспективе.

Афганская нестабильность проявляется в нескольких взаимосвязанных измерениях безопасности для центральноазиатских государств. Первое – трансграничный терроризм. Присутствие на афганской территории структур ИГИЛ-К (Исламское государство – Хорасан) создаёт устойчивую угрозу экспорта политического насилия в Таджикистан и Узбекистан [9, с. 84-88]. Второе – наркотрафик: Афганистан остаётся мировым лидером по производству опиатов, а маршруты их транспортировки пролегают преимущественно через Центральную Азию и Иран [22, с. 47-59]. Третье – нелегальная миграция и беженство.

Одновременно Афганистан обладает значительным потенциалом как транзитный коридор и рынок сбыта. Объединение «Центральная Азия – Афганистан – Пакистан» в рамках единого транспортно-экономического пространства (проекты CASA-1000, ТАПИ) способно существенно повысить связанность региона и снизить его «транзитное одиночество» [11, с. 150-154]. Интерес к афганскому рынку – прежде всего к неосвоенным минеральным ресурсам страны, оцениваемым по различным подсчётам в триллион и более долларов, – проявляют Китай, Иран, Россия и ряд центральноазиатских государств [19, с. 131-147].

Таким образом, Афганистан представляет собой не просто источник угроз, но и «пространство возможностей», причём оба этих качества существуют одновременно и неотделимы друг от друга [9, с. 88-90]. Это обстоятельство существенно усложняет стратегическое планирование для всех региональных акторов: ни изоляция Афганистана, ни форсированное вовлечение в региональные процессы не являются однозначно выигрышными стратегиями.

Совокупность описанных выше тенденций позволяет сформулировать тезис о складывании в Центральной Азии принципиально новой региональной архитектуры, отличительной чертой которой является «многополярность без гегемона». В отличие от периода холодной войны, когда регион находился в сфере безраздельного советского господства, и от 1990-х – начала 2000-х годов, когда Россия сохраняла статус доминирующего актора при нарастающем присутствии Запада и Китая, сегодняшняя конфигурация не предполагает ни одного безусловного лидера [19, с. 15-24].

Россия сохраняет наиболее разветвлённую сеть институциональных, культурных и экономических связей, однако её ресурсный потенциал существенно ограничен [25, с. 29-38]. Китай наращивает экономическое присутствие опережающими темпами, однако избегает институциональной «перегрузки» и политического позиционирования как доминирующей силы. США после 2021 года фактически утратили военное присутствие в регионе и сохраняют лишь ограниченное экономическое и дипломатическое влияние. Иран и Турция конкурируют за культурно-идеологическое влияние [4, с. 119-127]. Центральноазиатские государства, пользуясь этой конкуренцией, всё более настойчиво утверждают собственную субъектность [12, с. 29-34].

Подобная архитектура обладает как преимуществами, так и структурными рисками. К преимуществам относится возможность для центральноазиатских государств маневрировать между полюсами, добиваясь более выгодных условий сотрудничества [6, с. 162-175]. К рискам – высокая конфликтогенность пересекающихся интересов, вероятность прокси-конкуренции и нарастание дефицита региональных «общественных благ» (безопасность, управление водными ресурсами, борьба с наркотрафиком),

требующих для своего производства именно кооперативных механизмов [8, с. 87-104].

Шанхайская организация сотрудничества занимает особое место в складывающейся региональной архитектуре. Объединяя Россию, Китай, четыре центральноазиатских государства (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан), Индию, Пакистан и с 2023 года – Иран, ШОС представляет собой единственную институциональную структуру, в рамках которой взаимодействуют все ключевые незападные акторы, имеющие отношение к Центральной Азии [7, с. 35-39].

Вместе с тем институциональную роль ШОС не следует переоценивать. Организация отличается принципиальным отказом от наднациональных механизмов и принуждения, работает на основе консенсуса и декларирует уважение суверенитета и «невмешательства во внутренние дела» [16, с. 186-192]. Это делает её эффективной площадкой для декларативной дипломатии и первичной институционализации взаимодействия, однако недостаточной для выработки обязывающих механизмов в критически важных сферах – прежде всего безопасности и водопользования. Показательно, что ни афганский кризис, ни кыргызско-таджикские пограничные конфликты не получили реального урегулирования в рамках ШОС [9, с. 90-91].

Членство Ирана в ШОС добавляет новое измерение в институциональную динамику организации. С одной стороны, это расширяет географический охват и потенциальные коридоры сотрудничества. С другой – усиливает внутренние противоречия, поскольку Индия – также член ШОС – поддерживает партнёрские отношения с США и болезненно воспринимает иранское присутствие в организации, которую сама рассматривает частично как противовес китайскому влиянию [21, с. 405-410].

Всё более значимым становится цивилизационное измерение региональных отношений, которое долгое время оставалось на периферии политологического анализа [5, с. 112-121]. Россия апеллирует к общеевразийской идентичности и цивилизационному выбору «между Западом и самими собой»; Иран – к персидско-исламскому культурному наследию Центральной Азии; Турция – к тюркскому единству (через Организацию тюркских государств); Китай – к нарративу «общей судьбы» и «древнего Шёлкового пути» [23, с. 87-101]. Каждый из этих нарративов апеллирует к реальным историческим и культурным связям, однако каждый и инструментализирует их в целях легитимации собственного доминирования.

Центральноазиатские государства, в свою очередь, активно используют конкуренцию цивилизационных нарративов: официально не отвергая ни один из них, они извлекают ресурсы (образовательные, культурные, финансовые) из нескольких источников одновременно [12, с. 17-19]. Ка-

захстан переходит на латиницу, одновременно сохраняя преподавание на русском языке и наращивая программы культурного обмена с Китаем. Узбекистан реабилитирует наследие Тимуридов как основу самостоятельной «великой цивилизации», дистанцированной от всех «больших братьев» [3, с. 55-60].

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение.

Во-первых, геополитическая реконфигурация Центральной Азии носит структурный, а не конъюнктурный характер. Она обусловлена не только ситуативными кризисами (украинский конфликт, афганский транзит), но и долгосрочными тенденциями перераспределения глобального экономического и политического веса [13, с. 162-175]. Отсюда следует, что попытки «заморозить» или «обратить вспять» происходящие изменения путём точечных дипломатических усилий обречены на неудачу.

Во-вторых, Россия сохраняет ведущую роль в регионе, однако её характер претерпевает качественную трансформацию: от «привилегированного» лидерства, базирующегося на советском наследии и безоговорочной асимметрии, – к более прагматичному партнёрству, в котором центрально-азиатские государства всё настойчивее выдвигают собственные условия [17, с. 17-21]. Это не означает автоматического ослабления российских позиций, однако требует от Москвы существенной корректировки инструментария.

В-третьих, Иран, при всей ограниченности своих материальных ресурсов, занимает уникальную нишу в региональной архитектуре как государство, способное предложить цивилизационную легитимность, транзитную функцию и альтернативную финансово-торговую инфраструктуру одновременно [20, с. 89-104]. Членство Ирана в ШОС знаменует институциональное закрепление этой роли.

В-четвёртых, афганский фактор продолжает функционировать как «постоянная переменная» региональной нестабильности, однако его содержание изменилось: «Талибан» – это уже не просто угроза, но и потенциальный, пусть и крайне ненадёжный, партнёр в регулировании транзитных потоков и борьбе с ИГИЛ-К [1, с. 44-53].

В-пятых, складывающаяся региональная архитектура – «многополярность без гегемона» – обладает встроенной неустойчивостью: отсутствие доминирующего актора, способного обеспечивать региональные общественные блага, создаёт хронический дефицит безопасности, управления водными ресурсами и институциональной координации [2, с. 219-226]. Преодоление этого дефицита требует качественно иных кооперативных механизмов, разработка которых остаётся важнейшей задачей региональной дипломатии.

Перспективы дальнейших исследований в данной области связаны с детальным анализом экономического измерения новой архитектуры – прежде всего роли Китая и конкуренции инфраструктурных проектов, – а также с изучением внутривластных детерминант внешней политики центральноазиатских государств, которые в настоящей статье намеренно вынесены за скобки.

Литература

1. Баррет Р. Борьба с «Исламским государством»: что необходимо знать. – Нью-Йорк: Инициатива по глобальной безопасности Фонда Сорос, 2014. – 64 с.
2. Бузан Б., Уивер О., де Вилде Я. Безопасность: новые рамки анализа / Пер. с англ. – Лондон: Lynne Rienner Publishers, 1998. – 239 с.
3. Воробьев В.П. Центральная Азия в системе современных международных отношений: основные тенденции и перспективы развития // Вестник МГИМО. – 2020. – № 4. – С. 45-67.
4. Дружиловский С.Б., Уразова Е.И. Иран в евразийской интеграции: векторы и ограничения // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2023. – № 2. – С. 112-128.
5. Звягельская И.Д. Центральная азиатская страна: проблемы становления и развития. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. – 184 с.
6. Кохэйн Р., Най Дж. Власть и взаимозависимость / Пер. с англ. – М.: Праймросия, 2009. – 412 с.
7. Лузянин С.Г. Россия и ШОС: двадцать лет взаимодействия // Международная жизнь. – 2021. – № 6. – С. 34-55.
8. Малышева Д. Б. Постсоветская Центральная Азия: геополитика и безопасность. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – 156 с.
9. Матвеев И.А. Афганский кризис и региональная архитектура безопасности: перспективы для государств Центральной Азии // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66. – № 3. – С. 78-91.
10. Михайленко А.Н. ОДКБ: проблемы и перспективы развития // Постсоветские исследования. – 2022. – Т. 5. – № 4. – С. 290-301.
11. Нисанов Ф.А. Таджикистан и афганский вопрос: историческое измерение и современные вызовы // Вестник Российско-Таджикского (Славянского) университета. – 2023. – № 1. – С. 143-158.
12. Сыроежкин К.Л. Казахстан и ШОС: прагматизм многовекторности // Центральная Азия и Кавказ. – 2021. – Т. 24. – № 2. – С. 17-35.
13. Уолц К. Теория международной политики / Пер. с англ. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2003. – 416 с.
14. Федорченко А.В. Иран в глобальной политике: нефть, санкции, региональные амбиции. – М.: МГИМО, 2021. – 238 с.
15. Юсупов М.А. Туркменистан: нейтралитет как стратегия выживания в условиях геополитической конкуренции // Проблемы постсоветского пространства. – 2022. – № 9(1). – С. 57-72.
16. Allison R. Virtual regionalism, regional structures and regime security in Central Asia // Central Asian Survey. – 2008. – Vol. 27. – No. 2. – P. 185-202.

17. Blank S. Russia and Central Asia after Afghanistan // The Journal of Slavic Military Studies. – 2022. – Vol. 35. – No. 1. – P. 1-22.
18. Collins K. Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 366 p.
19. Cooley A. Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 262 p.
20. Hanauer L., Miller L. J. Central Asia's Security and the Role of Iran. - Santa Monica: RAND Corporation, 2012. – 148 p.
21. Karimov N. Iran's Strategic Calculus in Central Asia: The Nexus of Security, Energy, and Ideology // Middle East Journal. – 2021. – Vol. 75. – No. 3. – P. 389-412.
22. Olikier O. et al. Central Asia: Modernizing Security Sector Governance. – Santa Monica: RAND Corporation, 2016. – 190 p.
23. Roberts S.R. The War on the Uyghurs: China's Internal Campaign against a Muslim Minority. – Princeton: Princeton University Press, 2020. – 320 p.
24. Roy O. The New Central Asia: The Creation of Nations. – New York: New York University Press, 2000. – 237 p.
25. Stronski P., Ng N. Cooperation and Competition: Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2018. – 54 p.

GEOPOLITICAL RECONFIGURATION OF CENTRAL ASIA: RUSSIA, IRAN AND AFGHANISTAN IN THE NEW ARCHITECTURE OF REGIONAL RELATIONS

Saidov Khomid Saidovich

Doctor of Political Sciences, Professor
of the Department of International Relations and Diplomacy
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, str. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 000 66 93 93 (m.)
khomid.saidov.53@mail.ru

The article examines the transformation of the geopolitical configuration of the Central Asian region amid growing systemic shifts in international relations in the early 21st century. The analysis focuses on the interaction of three key external actors – Russia, Iran and Afghanistan – with regional states in the context of power balance restructuring, the gradual weakening of Western influence and the activation of non-Western poles of power. The methodological foundation combines Kenneth Waltz's neorealist theory, Barry Buzan and Ole Wæver's 'regional security complex' concept, and Robert Keohane and Joseph Nye's 'complex interdependence' framework. The application of these approaches reveals patterns in the formation of a new architecture of regional security, economic interdependence, and cultural-civilizational attraction. Special attention is paid to the Afghan factor as a permanent variable of regional instability, Iran's 'northern diplomacy' vector, and the transformation of Russia's

Central Asian strategy under geopolitical pressure after 2022. The article concludes that a fundamentally new configuration – 'multipolarity without a hegemon' – is taking shape, characterised by structural instability and a chronic deficit of mechanisms for producing regional public goods.

Keywords: Central Asia; geopolitics; Russia; Iran; Afghanistan; regional architecture; security; multipolarity; SCO; post-Soviet space; Taliban; CSTO; EAEU.

РЕКОНФИГУРАТСИЯИ ГЕОПОЛИТИКИИ ОСИЁИ МАРКАЗӢ: РОССИЯ, ЭРОН ВА АФҶОНИСТОН ДАР МЕЪМОРИ НАВИ МУНОСИБАТҶОИ МИНТАҚАВӢ

Саидов Ҳомид Саидович

доктори илмҳои сиёсӣ, профессори
кафедраи муносибатҳои байналмилалӣ ва дипломатияи
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел: (+992) 000 66 93 93 (м.)
khomid.saidov.53@mail.ru

Дар мақола трансформатсияи конфигуратсияи геополитикии минтақаи Осиёи Марказӣ дар шароити афзоиши тағйироти системавӣ дар муносибатҳои байналмилалӣ ибтидои асри XXI тадқиқ карда мешавад. Таҳлили муаллиф ба таъсири мутақобили се актори асосии беруна – Россия, Эрон ва Афғонистон – бо давлатҳои минтақа дар заминаи аз нав сохторбандии тавозуни қувваҳо, заифшавии тадриҷии таъсири ғарб ва ғаёлшавии қутбҳои ғайриғарбии қудрат нигаронида шудааст. Асоси методологии тадқиқот синтези назарияи неореалистии Кеннет Уолтс, мафҳуми «комплексии минтақавии амният»-и Барри Бузан ва Оле Уивер ва назарияи «вобастагии мутақобили мураккаб»-и Роберт Кохэйн ва Ҷозеф Найро дар бар мегирад. Дар натиҷа хулоса бароварда мешавад, ки дар Осиёи Марказӣ конфигуратсияи принсипан навро – «бисёрқутбӣ бидуни гегемон» – ташаккул меёбад, ки аз ноустувории дохилӣ ва норасоии музминии механизмҳои истеҳсоли молҳои ҷамъиятии минтақавӣ тавсиф меёбад.

Калидвожаҳо: Осиёи Марказӣ; геополитика; Россия; Эрон; Афғонистон; меъморӣ минтақа; амният; бисёрқутбӣ; ШХ; фазои постшӯрав; Толибон; СПАД; ИИА.

УДК 327:343.341(575.3)

УГРОЗЫ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО ТЕРРОРИЗМА И МЕРЫ ПО ИХ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ

Негматова Шахноза Рузиевна

кандидат исторических наук, доцент
кафедры международных отношений и дипломатии
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 935 83 44 40 (м.)
negmatova.sh@mail.ru.

В статье рассматривается современный международный терроризм как сложное, многоуровневое и транснациональное явление, оказывающее устойчивое деструктивное воздействие на систему международных отношений и глобальную безопасность. Автор анализирует эволюцию форм и методов террористической деятельности в условиях глобализации, технологического прогресса и трансформации мировой политической архитектуры. Особое внимание уделяется сетевому характеру современных террористических структур, их высокой адаптивности, идеологической гибкости и тесной взаимосвязи с транснациональной организованной преступностью. На основе данных «Глобального индекса терроризма» проводится сопоставительный анализ уровня террористической активности в различных регионах мира, что позволяет выявить пространственную дифференциацию угроз и подчеркнуть их трансграничный характер. Значительное место в работе отведено анализу роли Организации Объединенных Наций в формировании международной контртеррористической архитектуры, включая деятельность Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности и вспомогательных органов, а также значение Глобальной контртеррористической стратегии ООН. Отдельно рассматриваются особенности национальной политики противодействия терроризму на примере Республики Таджикистан, с акцентом на правовые, институциональные и превентивные механизмы. Делается вывод о необходимости комплексного и скоординированного подхода к борьбе с терроризмом в рамках общей системы международной безопасности.

Ключевые слова: международный терроризм; глобальная безопасность; контртеррористическая политика; Организация Объединённых Наций; транснациональные угрозы; Глобальный индекс терроризма; Республика Таджикистан.

Проблематика терроризма в условиях современного миропорядка занимает одно из центральных мест в повестке международной безопасности. На сегодняшний день противодействие террористической и экстре-

мистской деятельности давно вышло за рамки национальной компетенции отдельных государств и приобрело характер глобального вызова, требующего коллективных усилий мирового сообщества. Конец XX – начало XXI века ознаменовались резким усилением радикальных идеологий и террористической активности, к чему международная система оказалась недостаточно готовой как в практическом, так и в концептуально-теоретическом отношениях. По имеющимся оценкам, к началу XXI столетия в мире функционировали сотни террористических организаций и группировок различной идеологической направленности. За последнее десятилетие ими были осуществлены тысячи актов международного терроризма, повлёкших за собой массовую гибель и ранения огромного числа людей, что наглядно свидетельствует о масштабах и устойчивости данной угрозы [2]. Любые формы террористической активности неизбежно сопровождаются значительными человеческими потерями и приводят к разрушению духовных, материальных и культурных оснований общественной жизни, восстановление которых зачастую требует десятилетий, а порой и столетий. В этой связи противодействие терроризму и экстремизму предполагает необходимость выработки и реализации целостного комплекса мер, направленных на предупреждение и минимизацию последствий данной угрозы.

В условиях ускоренной трансформации социально-политической реальности террористическая практика перестала быть инструментом решения узколокальных экстремистских задач, претерпев существенные изменения как по содержанию, так и по масштабам воздействия. Терроризм, представляющий собой форму нелегитимного насилия, используемого для достижения политических целей, под воздействием противоречий современной эпохи эволюционировал из относительно ограниченной политико-криминальной деятельности в функционирование разветвлённых сетевых структур. Эти структуры способны оказывать системное деструктивное влияние не только на отдельные государства, но и на мировой политический процесс в целом.

Данная трансформация привела к тому, что терроризм утратил характер изолированной методики политического давления и приобрёл более сложные формы, основанные на комбинированном использовании социальных, технологических, экономических и криминальных ресурсов, выходящем за рамки собственно террористической деятельности. В результате в современных условиях он приобрёл новые качественные характеристики, повышающие уровень его устойчивости и адаптивности.

Расширение практики использования терроризма радикальными акторами в качестве преступной стратегии политической борьбы оказывает разрушительное воздействие на функционирование ключевых социально-

политических институтов, политические процессы и в ряде случаев затрагивает основы государственного суверенитета. Формирование нового технологического уклада, развитие цифровых коммуникаций и трансформация форм политического взаимодействия способствуют изменению характера деструктивных процессов, включая террористическую деятельность. Дополнительным фактором выступает кризис традиционных политических идеологий, на фоне которого усиливается религиозно мотивированный терроризм, по своей сути игнорирующий национальные и государственные границы.

В совокупности указанные процессы формируют высокий уровень угрозы для национальных и международных интересов, причём уязвимость и нестабильность развивающихся политических систем лишь усиливают масштабы данной опасности. Терроризм в настоящее время оказывает устойчивое и системное деструктивное воздействие на социально-политическую динамику, являясь не изолированным явлением, а составной частью более широких глобальных кризисных процессов.

В течение XX столетия произошла принципиальная эволюция форм и методов применения террора, что было обусловлено как изменением социально-политического контекста, так и стремительным технологическим прогрессом. Появление автоматического стрелкового оружия и компактных взрывчатых веществ с электрическими системами детонации существенно повысило мобильность террористических групп и уровень наносимого ими ущерба. Одновременно интенсивное развитие гражданской авиации и международных авиаперевозок расширило инструментарий террористической деятельности, предоставив новые способы и каналы её осуществления. Особую обеспокоенность исследователей вызывает потенциальная возможность расширения разрушительных возможностей террористических структур за счёт применения оружия массового уничтожения, включая ядерные, биологические и химические средства, что в перспективе способно вывести террористическую угрозу на качественно иной уровень [4].

Специфика современного исламского терроризма заключается в адаптации практик, имеющих исторические аналоги в исламской традиции, прежде всего тактики самопожертвования, которая в настоящее время направляется преимущественно против гражданского населения. При этом данная стратегия сочетается с технологическими новациями, включая активное использование взрывчатых веществ и транспортных средств в качестве орудий терактов, что существенно повышает масштаб последствий таких преступлений.

Для адекватной оценки текущего состояния террористической угрозы принципиальное значение имеет чёткое понимание задач, преследуе-

мых современными террористическими организациями. На современном этапе к их числу относятся:

- а) стремление к увеличению числа террористических актов и масштабов человеческих потерь;
- б) расширение пространственной географии террористической активности;
- в) углубление связей между террористическими структурами и организованной преступностью.

Сопоставительный анализ показателей «Глобального индекса терроризма» [3] позволяет выявить существенную неравномерность распределения террористической активности в мировом пространстве. Согласно результатам исследования, опубликованным в марте 2025 года, наибольшие значения данного индекса зафиксированы в ряде государств Африки, Ближнего и Среднего Востока, а также Южной Азии, что свидетельствует о высокой концентрации террористических угроз в данных регионах. Лидирующие позиции в рейтинге занимают Буркина-Фасо, Пакистан, Сирия, Мали и Нигер, где индекс превышает значение 7,7. Эти государства характеризуются устойчиво высоким уровнем террористической активности, выражающимся в значительном числе инцидентов, жертв и масштабах причинённого материального ущерба. Высокие показатели также зафиксированы в Нигерии, Сомали, Израиле и Афганистане, что отражает сохраняющуюся интенсивность радикальных проявлений в зонах длительной политической нестабильности и вооружённых конфликтов.

Группа стран со значениями индекса от 6 до 7 баллов включает государства Азии, Африки и Латинской Америки, среди которых Камерун, Мьянма, Демократическая Республика Конго, Ирак, Индия, Колумбия и Россия. Для данных стран характерно сочетание внутренних конфликтов, активности вооружённых группировок и отдельных форм террористического насилия, что находит отражение в средних и высоких показателях рейтинга. В диапазоне от 4 до 5 баллов располагается значительное число государств Европы, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, включая Германию, Таиланд, Египет, Индонезию и Турцию. Данный уровень указывает на наличие террористических угроз, однако их масштабы и интенсивность существенно уступают показателям стран, входящих в верхнюю часть рейтинга. Террористическая активность в этих государствах носит менее системный характер и характеризуется ограниченным числом инцидентов.

Низкие значения индекса (менее 1 балла) зафиксированы у ряда стран Центральной Азии, Восточной Европы, Скандинавии и Восточной Азии. Так, Таджикистан имеет показатель ниже единицы, что свидетельствует о минимальном уровне зарегистрированной террористической ак-

тивности в данный период. Аналогичные значения отмечены у Японии, Финляндии, Италии и Саудовской Аравии, что отражает сравнительно благоприятную ситуацию в сфере антитеррористической безопасности.

Особую группу образуют государства, для которых индекс терроризма равен нулю. К ним относится значительное число стран Европы, Азии, Африки и Латинской Америки, включая Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан и ряд других государств. Отсутствие зафиксированных показателей в данных странах указывает на крайне низкий уровень или полное отсутствие зарегистрированных террористических инцидентов в анализируемый период.

В целом представленные данные демонстрируют, что террористическая активность в современном мире носит ярко выраженный региональный характер и концентрируется преимущественно в зонах политической нестабильности, затяжных конфликтов и кризисных социально-экономических условий. Одновременно значительная часть государств мира характеризуется низкими или нулевыми значениями индекса, что подчёркивает дифференцированную природу террористической угрозы на глобальном уровне.

Выявленная на основе «Глобального индекса терроризма» пространственная неравномерность уровня террористической активности по странам не снижает, а, напротив, подчёркивает системный и трансграничный характер современной террористической угрозы. Концентрация высоких значений индекса в отдельных регионах не означает локализации терроризма в пределах конкретных государств, поскольку в условиях глобализованного мира террористическая активность обладает высокой способностью к пространственному распространению и адаптации.

Современный международный терроризм функционирует как сеть взаимосвязанных структур, использующих транснациональные каналы перемещения, коммуникации и финансирования. Государства с наиболее высокими показателями террористической активности фактически формируют зоны повышенного риска, из которых угрозы распространяются за пределы национальных границ, затрагивая государства с более низкими значениями индекса. Это проявляется в виде трансграничной радикализации, вербовки, нелегального перемещения лиц и ресурсов, а также экспорта насильственных практик в относительно стабильные регионы. Даже страны, демонстрирующие минимальные или нулевые значения глобального индекса терроризма, не могут рассматриваться как полностью изолированные от данной угрозы. Глобальный характер террористических сетей, использование цифровых платформ и современных технологий позволяют радикальным группировкам оказывать влияние вне зависимости от уровня внутренней террористической активности конкретного государства. В этой связи низкие показатели индекса отражают лишь текущее состояние без-

опасности, но не исключают потенциальной уязвимости в условиях внешнего воздействия.

Таким образом, данные «Глобального индекса терроризма» подтверждают, что международный терроризм следует рассматривать не как совокупность разрозненных национальных проблем, а как глобальную угрозу, встроенную в структуру современных международных отношений. Неравномерность распределения террористической активности по странам сочетается с высокой степенью взаимосвязанности рисков, что объективно требует перехода от преимущественно национальных мер реагирования к комплексным и скоординированным международным стратегиям противодействия. В условиях сохраняющейся политической нестабильности в ряде регионов и ускоренной трансформации глобальных коммуникационных и миграционных процессов угроза международного терроризма приобретает устойчивый и долгосрочный характер. Это обуславливает необходимость её осмысления в рамках общей архитектуры международной безопасности, где борьба с терроризмом выступает одним из ключевых элементов поддержания глобальной стабильности.

Современный международный терроризм существенно отличается от его исторических форм как по характеру организации, так и по способам воздействия на социально-политические процессы. Одной из его ключевых особенностей является транснациональная природа функционирования. Террористическая деятельность в меньшей степени привязана к конкретной территории, уступая место сетевым структурам, способным действовать одновременно в нескольких государствах, используя различия в национальных правовых режимах, уровне институциональной устойчивости и эффективности государственного контроля. Важной отличительной чертой современного международного терроризма выступает его высокая степень организационной децентрализации. В отличие от иерархических моделей прошлого, современные террористические структуры формируются по принципу автономных ячеек, связанных общей идеологией и целями, но не требующих постоянного прямого управления. Такая форма организации значительно повышает их устойчивость к силовому давлению и усложняет выявление центров принятия решений.

Существенным признаком современного терроризма является активное использование глобального информационного пространства. Цифровые коммуникационные технологии применяются не только для координации действий и вербовки новых участников, но и как самостоятельный инструмент психологического воздействия. Распространение радикального контента, формирование атмосферы страха и демонстрация символического насилия направлены на достижение политического эффекта, зачастую превышающего реальные масштабы совершённых атак.

Ещё одна специфическая черта заключается в тесной взаимосвязи терроризма с транснациональной организованной преступностью. Современные террористические структуры всё чаще вовлекаются в нелегальные экономические практики, включая незаконный оборот оружия, наркотиков и финансовых ресурсов. Это позволяет им обеспечивать относительную автономность финансирования и снижать зависимость от внешних спонсоров, одновременно размывая границы между идеологически мотивированным насилием и криминальной деятельностью.

Характерной особенностью современного международного терроризма становится его идеологическая гибкость. Несмотря на наличие устойчивых радикальных нарративов, террористические организации способны адаптировать свои идеологические послания к различным социальным и культурным контекстам. В условиях кризиса традиционных политических идеологий особое распространение получают формы радикализма, апеллирующие к религиозной идентичности и отвергающие национально-государственные границы как значимый ограничитель политического действия.

Наконец, современный терроризм отличается повышенной асимметричностью воздействия. Используя ограниченные ресурсы, террористические структуры могут наносить ущерб, несопоставимый их численности и материальным возможностям. Выбор символически значимых целей, ориентация на гражданское население и критически важную инфраструктуру превращают терроризм в инструмент давления, готовый оказывать влияние на стратегические решения государств и международных акторов.

В совокупности указанные черты позволяют рассматривать современный международный терроризм как сложное, адаптивное и многоуровневое явление, представляющее устойчивую угрозу международной безопасности и требующее комплексного, междисциплинарного подхода к его анализу и противодействию.

Какие стратегии и правила должны применяться в борьбе против терроризма, и кто должен проверять соблюдение этих правил?

В теоретически выверенной модели формирования государственной политики конструирование её архитектуры должно опираться на всесторонний анализ конкретной социальной проблемы, в данном случае - террористической угрозы, а также на оценку реальных политических потребностей. Политические решения предполагают чёткую постановку целей, определение механизмов их достижения, последующий мониторинг реализации и оценку эффективности с возможностью корректировки в зависимости от изменяющихся условий. В конечном итоге политика ориентирована на целенаправленное и результативное воздействие на социально-политическую реальность.

Однако в практической плоскости контртеррористическая политика

большинства государств формировалась преимущественно эволюционным, фрагментарным образом. Инкрементальный характер её развития привёл к накоплению значительного числа стратегий, программ, планов действий, правовых и административных мер, а также к созданию множества органов и специализированных подразделений. При этом функции и полномочия данных структур зачастую недостаточно согласованы, а распределение ролей между ними носит несистемный характер, что снижает общую эффективность предпринимаемых усилий.

Существующие национальные и международные стратегии противодействия терроризму, как правило, ориентированы на предотвращение масштабных террористических актов, подобных терактам 11 сентября, трагедии в Беслане или нападениям в Брюсселе и Париже. Однако подобная целевая установка имеет преимущественно пассивную направленность, поскольку её основой является стремление к отсутствию террористического события. Такая цель по своей природе трудно достижима и не может рассматриваться как устойчиво реализованная: она считается достигнутой лишь до момента очередного инцидента, что делает её временной и условной.

На международном уровне ключевым принципом борьбы с терроризмом в рамках Организации Объединенных Наций остаётся межгосударственное сотрудничество, направленное на координацию усилий по пресечению террористической деятельности. Вместе с тем выработка универсального правового инструмента в данной сфере сталкивается с серьёзными затруднениями. Многолетние дискуссии в Генеральной Ассамблее ООН по вопросу принятия Всеобъемлющей конвенции о борьбе с терроризмом до настоящего времени не привели к конкретным результатам. Основным препятствием остаются принципиальные разногласия, прежде всего между западными государствами и странами – членами Организации исламского сотрудничества, касающиеся правовой интерпретации террористической деятельности и допустимых форм противодействия ей. В этих условиях достижение консенсуса и принятие универсального документа в краткосрочной перспективе представляется маловероятным [7].

Деятельность Генеральной Ассамблеи ООН в сфере противодействия терроризму развивается по двум основным направлениям. С одной стороны, она формирует общие нормативные ориентиры, в рамках которых терроризм рассматривается как универсальная проблема международного сообщества. С другой стороны, Генеральная Ассамблея способствует выработке согласованных подходов государств к созданию международных и национальных правовых механизмов, направленных на борьбу с террористической деятельностью.

Вместе с тем институциональная специфика Генеральной Ассамблеи

ООН заключается в ограниченности её координационных возможностей. Данный орган не наделён полномочиями обязывать правительства государств или иные значимые субъекты к принятию либо отказу от конкретных мер в сфере противодействия терроризму. Кроме того, Генеральная Ассамблея не осуществляет прямого контроля над административными структурами, ответственными за реализацию принятых ею решений, что объективно снижает практическую результативность её инициатив.

В целом нормативно-правовая деятельность Генеральной Ассамблеи в области борьбы с терроризмом реализуется преимущественно через принятие резолюций, которые условно могут быть сгруппированы в три взаимосвязанных блока: меры, направленные на предупреждение террористической деятельности; меры, ориентированные на пресечение и ликвидацию терроризма; а также положения, регулирующие соотношение борьбы с терроризмом и защиты прав человека.

Характерным является и эволюционный аспект подходов Организации Объединенных Наций к данной проблематике. До событий 11 сентября 2001 года терроризм рассматривался Генеральной Ассамблеей преимущественно как локальная и дискретная угроза, а Совет Безопасности ООН реагировал главным образом на отдельные резонансные инциденты, такие как террористический акт над Локерби. После терактов 11 сентября произошло качественное изменение институциональной логики: Совет Безопасности стал ключевым актором в формировании нормативной и институциональной основы глобальной системы противодействия терроризму, сосредоточив усилия на ограничении мобильности террористов, пресечении каналов их поддержки и создании обязательных для государств механизмов реагирования [9].

На современном этапе деятельность Совета Безопасности ООН в сфере противодействия терроризму выстраивается вокруг нескольких ключевых направлений. Прежде всего речь идёт о публичном осуждении конкретных террористических актов, что позволяет формировать единый международный подход к их правовой и политической оценке. Вторым важным направлением является содействие наращиванию антитеррористического потенциала на национальном уровне, включая укрепление институциональных и правовых механизмов государств в сфере предупреждения и пресечения террористической деятельности.

Особое место в практике Совета Безопасности занимает формирование и поддержание санкционных режимов. Наиболее показателен в этом отношении режим санкций в отношении «Аль-Каиды», который после событий 11 сентября был существенно расширен и трансформирован в элемент универсального механизма противодействия терроризму. Его действие было распространено не только на структуры «Аль-Каиды» в Афганистане, но и на связанные с ней организации и лиц вне зависимости от их

географического местонахождения и без временных ограничений. После трагических событий в Беслане предпринимались попытки создания аналогичного всеобъемлющего санкционного режима в отношении террористических групп, не имеющих прямой связи с «Аль-Каидой», однако данные инициативы пока не привели к формированию универсального механизма. Вместе с тем в отношении отдельных экстремистских организаций Совет Безопасности продолжает применять санкционные меры в контексте конкретных страновых ситуаций.

Четвёртым направлением деятельности Совета Безопасности является принятие резолюций на основании главы VII Устава ООН, направленных на формирование общей нормативной основы борьбы с терроризмом. Эти документы носят универсальный характер и не ограничиваются рамками отдельных конфликтов или временных периодов, что придаёт им особое значение в формировании международной контртеррористической архитектуры.

Важным элементом институциональной системы противодействия терроризму в рамках ООН выступает Глобальная контртеррористическая стратегия, принятая Генеральной Ассамблеей в 2006 году. В настоящее время она служит концептуальным ориентиром для деятельности Организации Объединённых Наций в данной сфере и определяет ключевые приоритеты контртеррористической политики. Стратегия носит рамочный и необязательный характер, будучи направленной на активизацию и согласование усилий государств на национальном, региональном и международном уровнях.

Структурно Глобальная контртеррористическая стратегия включает четыре взаимосвязанных блока: устранение условий, способствующих распространению терроризма; предупреждение террористической деятельности и борьбу с ней; укрепление потенциала государств и усиление координирующей роли Организации Объединённых Наций; обеспечение соблюдения прав человека и принципов верховенства права. Генеральная Ассамблея ООН осуществляет регулярный, раз в два года, пересмотр Стратегии, что позволяет оценивать динамику террористической угрозы и адаптировать приоритеты деятельности к актуальным запросам государств-членов.

Принятие Глобальной контртеррористической стратегии стало первым случаем, когда все государства – члены ООН согласились с единым стратегическим подходом к борьбе с терроризмом. При этом была зафиксирована не только недвусмысленная оценка терроризма как недопустимого явления, но и выражена готовность к осуществлению конкретных практических действий как на индивидуальной, так и на коллективной основе. Эти действия охватывают широкий спектр мер – от укрепления националь-

ных возможностей противодействия террористическим угрозам до повышения эффективности координации контртеррористической деятельности в рамках системы ООН в целом [5].

В рамках деятельности Совета Безопасности ООН к настоящему времени сформирована специализированная система вспомогательных органов, наделённых мандатом в сфере противодействия терроризму. В её структуру входят Комитет по санкциям в отношении ИГИЛ и «Аль-Каиды», Контртеррористический комитет и его Исполнительный директорат, а также Комитет, учреждённый резолюцией Совета Безопасности № 1540. Указанные органы выполняют различные, но взаимодополняющие функции, связанные с мониторингом выполнения государствами обязательств, применением санкционных механизмов и предотвращением распространения угроз, связанных с терроризмом.

Дополнительно, на основании резолюции Совета Безопасности № 1566 (2004) была учреждена специальная рабочая группа, на которую возложены задачи по выработке рекомендаций, касающихся практического применения санкционных мер в отношении террористической деятельности. В круг её полномочий также включено рассмотрение вопросов, связанных с возможным созданием компенсационных механизмов для лиц, пострадавших в результате террористических актов. Тем самым была предпринята попытка расширить контртеррористическую повестку за счёт включения гуманитарного измерения.

Организационная особенность функционирования данных вспомогательных структур заключается в порядке их руководства. Председательство в каждом из комитетов осуществляется представителем непостоянного члена Совета Безопасности ООН сроком на два года. При этом процедура назначения председателей отличается ограниченной транспарентностью: решения принимаются постоянными членами Совета Безопасности без формализованного механизма уведомления либо в результате активного политического лоббирования со стороны вновь избранных непостоянных государств-членов. Данный порядок нередко становится предметом критики в контексте вопросов институциональной открытости и равноправия участия государств в формировании контртеррористической архитектуры Совета Безопасности.

Резолюция Совета Безопасности ООН № 1267, принятая в 1999 году, стала первым международным актом, заложившим основу режима контртеррористических санкций. Первоначально она была направлена на оказание давления на движение «Талибан» с целью выдачи Усамы бен Ладена после террористических нападений на дипломатические представительства США в Африке. В дальнейшем сформированный на её основе санкционный механизм был расширен и трансформирован, а контроль за его реализацией был возложен на Комитет по санкциям в отношении ИГИЛ и «Аль-

Каиды». Данный орган осуществляет надзор за применением мер, включающих замораживание активов, запрет на поездки и эмбарго на поставки вооружений в отношении физических и юридических лиц, связанных с указанными террористическими структурами.

Качественно новый этап международной борьбы с терроризмом был связан с принятием резолюции Совета Безопасности ООН № 1373 от 28 сентября 2001 года. Принятая в соответствии с главой VII Устава ООН, она приобрела обязательный характер для всех государств-членов и закрепила признание терроризма в качестве угрозы международному миру и безопасности. Документ установил широкий круг обязательств государств, включая предотвращение финансирования террористической деятельности, пресечение вербовки и подготовки террористов, отказ в убежище лицам, причастным к терроризму, а также криминализацию финансовой поддержки террористических актов.

Одной из ключевых особенностей резолюции № 1373 стало учреждение Контртеррористического комитета, на который была возложена функция мониторинга выполнения государствами принятых обязательств и содействия им в наращивании антитеррористического потенциала. В последующем мандат Комитета был расширен за счёт контроля реализации резолюций № 1624 (2005), касающейся подстрекательства к терроризму, и № 2178 (2014), направленной на противодействие феномену иностранных боевиков-террористов.

В целях усиления аналитических и консультативных возможностей Контртеррористического комитета в 2004 году на основании резолюции № 1535 был создан его Исполнительный директорат. Данный орган оказывает экспертную, правовую и техническую поддержку государствам-членам, включая проведение оценочных визитов и выявление пробелов в национальных системах противодействия терроризму. Вместе с тем деятельность Исполнительного директората осуществляется исключительно по запросу государств, что ограничивает его возможности в части независимого контроля и расследования случаев несоблюдения резолюций Совета Безопасности.

Параллельно с этим в рамках системы ООН была сформирована координационная инфраструктура. Созданная в 2005 году по инициативе Генерального секретаря Кофи Аннана Целевая группа по осуществлению контртеррористических мероприятий впоследствии была институционализирована и интегрирована в Управление ООН по борьбе с терроризмом, учреждённое в 2017 году. В настоящее время в её состав входят десятки международных и специализированных организаций, деятельность которых координируется с целью реализации ключевых направлений Глобальной контртеррористической стратегии ООН.

Значимым элементом данной системы является Контртеррористический центр ООН, начавший функционирование в 2012 году при финансовой поддержке Королевства Саудовская Аравия. Центр ориентирован на наращивание потенциала государств-членов и играет ключевую роль в финансировании контртеррористических программ в рамках всей системы ООН.

Вместе с тем эффективность контртеррористической деятельности ООН ограничивается недостаточной развитостью механизмов мониторинга соблюдения прав человека. В отличие от операций по поддержанию мира, борьба с терроризмом сопряжена с особыми правовыми и практическими проблемами, включая обращение с задержанными, применение силы и подотчётность силовых структур. В условиях современной правовой доктрины подчёркивается недопустимость отступлений от основных прав человека даже в чрезвычайных ситуациях, что остаётся одним из наиболее сложных аспектов глобальной контртеррористической политики.

Противодействие терроризму в Республике Таджикистан занимает важное место в системе обеспечения национальной и региональной безопасности. Учитывая геополитическое положение страны, близость к зонам нестабильности и трансграничный характер современных террористических угроз, борьба с терроризмом рассматривается государством как комплексная и долгосрочная задача, требующая сочетания правовых, институциональных, силовых и профилактических мер.

Правовую основу антитеррористической политики Таджикистана составляет национальное законодательство, направленное на предупреждение, выявление и пресечение террористической и экстремистской деятельности. В нормативно-правовых актах закреплены определения терроризма и связанных с ним преступлений, установлена уголовная ответственность за участие в террористических организациях, финансирование терроризма, вербовку, пропаганду и содействие террористической деятельности. Законодательство также предусматривает механизмы ограничения финансовых потоков, используемых для поддержки террористических структур, и меры по контролю за перемещением лиц, представляющих потенциальную угрозу безопасности.

Институциональная система противодействия терроризму в Республике Таджикистан включает специализированные государственные органы, на которые возложены функции координации, оперативного реагирования и профилактики. В рамках данной системы обеспечивается взаимодействие правоохранительных органов, специальных служб и иных государственных структур, что позволяет осуществлять мониторинг угроз, обмен информацией и проведение совместных мероприятий. Особое внимание уделяется межведомственной координации, направленной на повыше-

ние эффективности принимаемых решений и предотвращение дублирования функций.

Значительное место в антитеррористической политике страны занимают превентивные меры, ориентированные на устранение условий, способствующих радикализации населения. В этом контексте акцент делается на работе с молодёжью, развитии образовательных и просветительских программ, формировании устойчивых ценностных ориентиров и укреплении социальной сплочённости. Важным направлением является противодействие распространению экстремистской идеологии в информационном пространстве, включая меры по ограничению доступа к радикальному контенту и развитию альтернативных информационных ресурсов.

Существенную роль в системе борьбы с терроризмом играет международное и региональное сотрудничество. Республика Таджикистан активно взаимодействует с государствами-партнёрами и международными организациями в сфере обмена информацией, подготовки кадров и проведения совместных учений. Такое взаимодействие позволяет учитывать транснациональный характер террористических угроз и вырабатывать согласованные подходы к их нейтрализации, в том числе в приграничных районах.

Отдельное внимание уделяется вопросам обеспечения баланса между мерами безопасности и соблюдением прав и свобод человека. В условиях противодействия терроризму государственная политика ориентирована на недопущение произвольного ограничения гражданских прав и соблюдение принципов законности. Это рассматривается как важный фактор повышения доверия общества к институтам власти и эффективности антитеррористических мер в целом.

Таким образом, меры по борьбе с терроризмом в Республике Таджикистан носят системный и многоуровневый характер. Их реализация основывается на сочетании правовых механизмов, институционального взаимодействия, профилактической деятельности и международного сотрудничества, что позволяет адаптировать национальную антитеррористическую политику к современным вызовам и угрозам.

Литература

1. Берладир Ю.В. Политическая сущность международного терроризма / Ю.В. Берладир, И.К. Харичкин // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2021. – № 4 (38). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-suschnost-mezhdunarodnogo-terrorizma> (дата обращения: 04.02.2026).
2. Буркин А.И. Международный терроризм и геополитика // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2006. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 04.02.2026).
3. Глобального индекса терроризма 2025: Рейтинг стран мира по уровню терроризма / Институт экономики и мира; Университет Мэриленда. – URL:

- visionofhumanity.org (дата обращения: 25.07.2025). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
4. Перепелкин Л.С. Современный международный терроризм // Управленческое консультирование. – 2006. – № 3. – URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 04.02.2026).
5. Сацута А.И. Международный терроризм в условиях глобализации // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 9. – URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 04.02.2026).
6. Терроризм – угроза обществу // Магаданский колледж искусств: [официальный сайт]. – URL: magartkolledg.ru (дата обращения: 01.02.2026).
7. Шарипов У.З. Государственный терроризм и его активизация в современном международном терроризме // Обозреватель - Observer. – 2012. – № 8. – URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 04.02.2026).
8. Шумаков А.А. Антиглобализм и международный терроризм // Via in tempore. История. Политология. – 2013. – № 8 (151). – URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 04.02.2026).
9. Яфаева А.З. Роль ООН в борьбе с международным терроризмом // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 12-3. – URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 21.01.2026).
10. Crenshaw M. (ed.) Terrorism in Context. – University Park: Pennsylvania State University Press, 1995. – 652 p.
11. Hoffman B. Inside Terrorism. - New York: Columbia University Press, 2006. – 432 p.
12. Sandler T. Terrorism and Counterterrorism // Oxford University Press. – 2015. – 20 p.
13. Schmid A.P. (ed.) The Routledge Handbook of Terrorism Research. – London: Routledge, 2011. – 736 p.
14. United Nations Office of Counter-Terrorism Handbook on Counter-Terrorism Cooperation. – New York: United Nations, 2021. – 198 p.
15. United Nations Security Council Resolution 1267 (1999). – New York: United Nations, 1999. – 5 p.
16. United Nations Security Council Resolution 1373 (2001). – New York: United Nations, 2001. – 7 p.
17. United Nations Security Council Resolution 2178 (2014) on Foreign Terrorist Fighters. – New York: United Nations, 2014. – 10 p.
18. United Nations United Nations Global Counter-Terrorism Strategy: Resolution adopted by the General Assembly A/RES/60/288. – New York: United Nations, 2006. – 16 p.

THREATS OF TRANSNATIONAL TERRORISM AND MEASURES FOR THEIR NEUTRALIZATION

Negmatova Shakhnoza Ruzievna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of International Relations and Diplomacy
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, str. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 935 83 44 40 (m.)
negmatova.sh@mail.ru

The article examines modern international terrorism as a complex, multi-level, and transnational phenomenon that exerts a sustained destructive impact on the system of international relations and global security. The author analyzes the evolution of the forms and methods of terrorist activity in the context of globalization, technological progress, and the transformation of the global political architecture. Particular attention is paid to the networked nature of modern terrorist structures, their high adaptability, ideological flexibility, and close interconnection with transnational organized crime. Based on data from the "Global Terrorism Index", a comparative analysis of the level of terrorist activity in various regions of the world is conducted, which allows for the identification of the spatial differentiation of threats and emphasizes their transboundary nature. Significant space in the work is devoted to analyzing the role of the United Nations in shaping the international counter-terrorism architecture, including the activities of the General Assembly, the Security Council, and subsidiary bodies, as well as the significance of the UN Global Counter-Terrorism Strategy. The features of national counter-terrorism policy are examined separately using the example of the Republic of Tajikistan, with an emphasis on legal, institutional, and preventive mechanisms. It is concluded that a comprehensive and coordinated approach to the fight against terrorism is necessary within the framework of the general international security system.

Keywords: international terrorism; global security; counter-terrorism policy; United Nations; transnational threats; Global Terrorism Index; Republic of Tajikistan.

ТАҲДИДҲОИ ТЕРРОРИЗМИ ФАРОМИЛЛӢ ВА ЧОРАҲОИ РАФЪ КАРДАНИ ОНҲО

Негматова Шахноза Рӯзиевна

номзади илмҳои таърих, дотсенти
кафедраи муносибатҳои байналмилалӣ ва дипломатияи
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 935 83 44 40 (м.)
negmatova.sh@mail.ru

Дар мақола терроризми байналмилалӣ муосир ҳамчун як падидаи мураккаб, бисёрсатҳӣ ва фаромиллӣ, ки ба системаи муносибатҳои байналмилалӣ ва амнияти глобалӣ таъсири устувори харобкунанда мерасонад, баррасӣ мешавад. Муаллиф таҳаввули шакли усулҳои фаъолияти террористиро дар шароити ҷаҳонишавӣ, пешрафти технологӣ ва тағирёбии сохтори сиёсии ҷаҳон таҳлил мекунад. Таваҷҷуҳи махсус ба хусусияти шабакавии сохторҳои террористии муосир, мутобикшавии баланди онҳо, чандирии идеологӣ ва робитаи зичи онҳо бо ҷинойткорӣ соҳмонёфтаи фаромиллӣ зоҳир карда мешавад. Дар асоси маълумоти «Индекси глобалӣ терроризм» таҳлили муқоисавии сатҳи фаъолияти террористӣ дар минтақаҳои гуногуни ҷаҳон гузаронида шудааст, ки имкон медиҳад тафовути фазои таҳдидҳо муайян карда шуда, хусусияти фаромарзии онҳо таъкид карда шавад. Дар қор ба таҳлили нақши Созмони Милалӣ Муттаҳид дар шаклирии сохтори байналмилалӣ зиддитеррористӣ, аз ҷумла фаъолияти Маҷмаи Умумӣ, Шӯрои Амният ва сохторҳои ёрирасон, инчунин аҳамияти Стратегияи глобалӣ зиддитеррористии СММ ҷои намоён дода шудааст. Хусусиятҳои сиёсати миллии муқовимат ба терроризм дар мисоли Ҷумҳурии Тоҷикистон бо таваҷҷуҳ ба механизмҳои ҳуқуқӣ, институтсионалӣ ва пешгирикунанда ба таври алоҳида баррасӣ мешаванд. Хулоса карда мешавад, ки дар заминаи системаи умумии амнияти байналмилалӣ ба раванди мубориза бо терроризм муносибати ҷамаҷониба ва ҷамоҳангшуда зарур аст.

Калидвожаҳо: терроризми байналмилалӣ; амнияти глобалӣ; сиёсати зиддитеррористӣ; Созмони Милалӣ Муттаҳид; таҳдидҳои фаромиллӣ; Индекси глобалӣ терроризм; Ҷумҳурии Тоҷикистон.

УДК 327.5:32.019.5

КОНЦЕПЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ И ЕЕ МЕСТО В ТЕОРИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Наими Исмоил Нурулло

кандидат политических наук, доцент
кафедры дипломатии и международных отношений
Академия государственного управления
при Президенте Республики Таджикистан
734003, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. Саида Носира, 33
Тел.: (+992) 900-77-29-94 (м.)
naimov_ismoil@list.ru

В статье исследуется концепция геополитической конкуренции и её место в основных теориях международных отношений. Анализируются теоретические подходы – реализм и неореализм, либерализм и неолиберализм, марксизм и неомарксизм – и их интерпретации сущности, причин и механизмов международной конкуренции. Особое внимание уделено вкладу отечественных, российских и западных исследователей в развитие концепции, а также методологическим и эмпирическим различиям в понимании субъектов, источников и форм геополитического соперничества. Показано, что в реалистической традиции конкуренция рассматривается как перманентное состояние международной анархии и борьба государств за власть и безопасность, тогда как либеральные подходы подчёркивают возможность её смягчения через международные институты и экономическую взаимозависимость. Марксистские и неомарксистские теории объясняют конкуренцию структурой капиталистической мировой системы и глобальным неравенством. Сделан вывод, что современная геополитическая конкуренция носит многоуровневый и многогранный характер, включая экономические, технологические, информационные и культурные измерения. Рассмотрены также практические последствия конкурентной динамики для внешней политики и безопасности, а также предложены направления дальнейших исследований, учитывающие транснациональные акторы и гибридные формы соперничества. Это подчёркивает сложность современных геополитических процессов и значительных вызовов.

Ключевые слова: геополитическая конкуренция; международные отношения; реализм; либерализм; неолиберализм; марксизм; неомарксизм; геополитика; мировой порядок; международная безопасность; баланс сил; глобализация; Таджикистан.

Международные отношения как самостоятельная, полноценная научная дисциплина существуют уже более века. За это время они успели сформировать собственный концептуальный аппарат, теоретические и ме-

тодологические основы, а также повысить свою целостность, и этот процесс продолжается до сих пор. В то же время данное научное направление находится в состоянии непрерывного развития, эволюционируя в ответ на изменения международной обстановки и появление новых политических, экономических и социальных явлений. В ходе этого процесса понятийный аппарат дисциплины обогащается и совершенствуется за счет новых категорий.

Следует также отметить, что основная цель нашего исследования – изучение концепции «геополитической конкуренции» с точки зрения науки о международных отношениях. Мы не уделяем прямого внимания геополитике, рассматриваемой в качестве суверенной научной дисциплины. В центре внимания находится анализ взаимосвязи концепта «геополитической конкуренции» и его интерпретации в рамках теорий международных отношений. В частности, мы стремимся определить, как исследователи и теоретики в этой области трактуют данное понятие и интегрируют его в теоретическую структуру международных отношений.

Таким образом, изучение концепции геополитической конкуренции и определение ее места в теориях международных отношений имеют важное научное и практическое значение. Будучи одним из ключевых феноменов современной мировой системы, данная конкуренция оказывает глубокое влияние на формирование и развитие межгосударственных связей. Кроме того, международные отношения носят междисциплинарный характер, интегрируя достижения политологии, истории, экономики, права, социологии и географии. В связи с этим всестороннее осмысление этого феномена позволяет глубже понять специфику политических и геополитических процессов в современном мире.

Следует отметить, что с древних времен человечество живет в условиях конкуренции и борьбы за доступ к материальным ресурсам, обеспечивающим стабильность и безопасность, а также за расширение сфер влияния различных обществ и территорий [6]. Исторически эти процессы рассматривались как один из главных факторов формирования межэтнических и межгосударственных связей, заложивших основу для возникновения различных форм сотрудничества и противостояния. Кроме того, по мере становления первых государств и расширения контактов между ними возникла необходимость регулирования межгосударственных отношений. Правители и державы неизменно стремились укрепить свои позиции в регионе и мире, а также защитить собственные интересы, что и послужило катализатором развития межгосударственной конкуренции. Таким образом, в рамках данного исследования мы классифицируем существующие подходы по трем основным группам теоретиков, каждая из которых предлагает свой взгляд на изучаемую проблему. Подобное деление позволяет рассмотреть тему вне узких теоретических рамок, в широком спектре

научных направлений и школ, что критически важно для всестороннего понимания проблемы.

Первая группа представлена отечественными исследователями, которые анализировали данную проблематику либо непосредственно, либо в контексте более широких аспектных вопросов международных отношений и геополитики. Вклад этих авторов заключается в стремлении осмыслить процессы геополитической конкуренции сквозь призму политических и стратегических реалий Таджикистана, что способствовало формированию национальной научной базы в этой области.

В частности, в трудах видных таджикских ученых и дипломатов Т.Н. Назарова и А. Сатторзоды подробно проанализированы процессы становления и развития внешней политики современного Таджикистана. В данных исследованиях теоретико-методологические аспекты концепции «геополитической конкуренции» не выступали в качестве прямого объекта анализа, поскольку это было обусловлено спецификой целей и общим направлением работ, однако они заложили важный фактологический базис для последующих изысканий [12].

Тем не менее данный труд, будучи одним из первых фундаментальных исследований в области международных отношений в Таджикистане, имеет особое значение и не может быть оставлен без внимания. Авторы косвенно затрагивают проблему геополитического соперничества в рамках общего анализа политических процессов. В частности, подчеркивается, что геополитическая конкуренция вокруг Таджикистана и Центральноазиатского региона проявляется главным образом в экономическом, политическом и военном измерениях [12, с. 107]. В то же время в исследовании акцентируется внимание на объектах и субъектах противостояния. Отмечается, что ключевыми участниками этого процесса выступают не только суверенные государства, но и региональные и международные силы, которые различными способами влияют на трансформацию геополитической обстановки [5, с. 161].

Профессор Г.Н. Зокиров в своих трудах рассматривает геополитическую конкуренцию в контексте глобальных процессов, формирования нового мирового порядка и перераспределения политического и властного пространства. Автор определяет данное соперничество как один из ключевых элементов международных отношений, напрямую связывая его с национальными интересами, а также со стратегиями безопасности и развития государств. Особое внимание исследователь уделяет роли новых независимых государств и стратегически важных регионов, которые в условиях глобализации оказываются в эпицентре острой политической, военной, экономической и информационной конкуренции [5].

Таким образом, отечественные политологи А.Н. Мухаммад, М.У. Хидирзода и Х.К. Сафарализода также исследуют соперничество как одно из центральных явлений общественно-политических процессов. В совместных трудах этих авторов данный феномен анализируется как многогранная категория. С позиций антропологической интерпретации авторами подчеркивается, что политика формируется на основе конфликтующих интересов, а отношения между акторами могут проявляться в различных формах – включая борьбу, противостояние, конкуренцию, консенсус, сотрудничество и компромисс [11, с. 9]. При этом состязательность рассматривается как важный элемент стабильности государственной системы, тесно связанный с правовой деятельностью, демократической культурой и координацией различных сил [11, с. 140]. Кроме того, отмечается, что в либерально-демократической модели свободная конкуренция признается основополагающим принципом и напрямую сопряжена с обеспечением прав и свобод человека [11, с. 147]. В целом концепция соперничества анализируется в указанной работе прежде всего в контексте теоретико-политологических и институциональных аспектов властных систем.

Х.Д. Самиев в своих трудах уделяет особое внимание глубокому теоретико-методологическому анализу международных отношений, рассматривая ключевые аспекты становления данной сферы [17], а также ее место в системе социальных и политических наук. В исследовательских и учебных материалах автор изучает фундаментальные понятия теории международных отношений, механизмы межгосударственного сотрудничества [18] и социологические измерения происходящих изменений [17]. В данном контексте он обращается к проблеме соперничества как к одному из значимых элементов мировой политики, анализируя его во взаимосвязи с национальными интересами государств, глобализационными процессами и трансформацией международной системы.

Следует также отметить, что другие известные специалисты в области международных отношений – профессор Г.С. Саидов и Г.В. Коваленко – в своей работе «Теория международных отношений» уделили особое внимание феномену геополитической конкуренции и его интерпретации в рамках ключевых мировых политологических школ.

Указанные авторы рассматривают широкий круг теоретических вопросов международных отношений, уделяя особое внимание анализу ключевых парадигм сквозь призму реализма, либерализма, неореализма, неолиберализма и конструктивизма. Однако стоит указать, что, хотя понятие «геополитической конкуренции» не изучается в их труде в качестве самостоятельного предмета исследования, его содержание глубоко раскрывается при рассмотрении баланса сил, межгосударственного соперничества, борьбы за влияние и системных характеристик мировой политики [15, с. 316-344]. Кроме того, в Республике Таджикистан действует ряд ведущих

аналитических структур, так называемых «мозговых центров», среди которых особое место занимает Центр геополитических исследований Российско-Таджикского (Славянского) университета. Данная структура функционирует под руководством профессора Г.М. Майтдиновой. Как один из ведущих специалистов в области международных отношений, она внесла значительный вклад в становление и развитие геополитических исследований в Таджикистане.

В научной деятельности этого ученого центральное место занимают прикладные аспекты и мониторинг реальных геополитических трендов. Научные изыскания профессора Г. М. Майтдиновой в большей степени ориентированы на практическую геополитику и анализ современной международной повестки, нежели на разработку всеобъемлющих теоретико-методологических рамок [8; 9]. В аналогичном ключе, как и профессор Г.М. Майтдинова, другой известный таджикский исследователь А.Н. Шарипов в своих трудах акцентирует внимание на прикладном векторе и оценке актуальной международной динамики. Его работы преимущественно посвящены изучению геополитического положения Центральной Азии, внешнеполитического курса Республики Таджикистан, а также оценке влияния региональных и глобальных факторов на безопасность региона [21; 22; 23; 24].

В данных изысканиях центральное место занимают вопросы геополитического соперничества и мониторинг прикладных процессов в системе международных отношений с опорой на интерпретацию текущих событий и тенденций. Таким образом, научный вектор работ А.Н. Шарипова, аналогично подходу Г.М. Майтдиновой, в большей степени ориентирован на практическую геополитику и прагматический анализ международной динамики, нежели на разработку всеобъемлющих теоретико-методологических рамок.

Другой известный таджикский ученый Ш.Ш. Ризайон в своих трудах также фокусируется на анализе реальных геополитических трендов в Центральной Азии и за ее пределами, исследуя преимущественно прикладные аспекты межгосударственного взаимодействия. Подобный подход позволяет отнести его научную деятельность к эмпирическому направлению в геополитике. Его изыскания, как и труды других представителей прагматического подхода, нацелены на детальное изучение фактологических явлений в мировой политике [13; 14].

Таким образом, анализ трудов отечественных исследователей по рассматриваемой теме показывает, что они интерпретируют понятие геополитической конкуренции с различных теоретических позиций, во многом опираясь на методологические подходы научных школ Российской Федерации. В целом в национальной науке данный феномен анализируется че-

рез призму нескольких дисциплин: геополитики, политологии, теории международных отношений и прикладной аналитики. Подобное концептуальное многообразие позволяет всесторонне изучить сущность и ключевые характеристики межгосударственного соперничества, а также более точно определить его место в системе знаний о мировых политических процессах.

Вторая группа представлена российскими учеными, которые в своих трудах анализируют данную проблематику преимущественно сквозь призму геополитического и системного подходов. Одним из наиболее авторитетных специалистов в области теории международных отношений как на российском, так и на международном уровне является Павел Афанасьевич Цыганков. Он выступает одним из первых исследователей, подготовивших фундаментальные систематические труды по теории международных отношений и внесших определяющий вклад в становление российской научной школы в этой сфере.

Цыганков П.А. интерпретирует геополитическую конкуренцию в русле традиции политического реализма, тесно связывая ее с категориями силы, национального интереса и баланса сил. Исследователь подчеркивает, что геополитика исторически выступает одним из направлений реалистической парадигмы, поскольку в ее рамках международные отношения трактуются как арена взаимодействия и соперничества суверенных государств [19]. В данном контексте геополитическое противоборство выступает формой межгосударственной борьбы за влияние и ресурсы. В свою очередь, В.А. Ачкасов и С.А. Ланцов рассматривают такое соперничество как закономерное следствие функционирования анархической международной системы. Опираясь на классический реализм, авторы объясняют геополитическую конкуренцию как неизбежное структурное явление мировой политики [1].

Другой известный российский ученый А.М. Баженов анализирует международное соперничество социологических позиций. В его трактовке геополитическая конкуренция выступает не только борьбой между великими державами, но и комплексным социальным процессом, в котором значимую роль играют нормативные регуляторы, идентичности и институциональные факторы. Соответственно, противоборство приобретает не только политическое, но и выраженное социокультурное измерение [2].

Группа российских исследователей, в число которых входят Н.А. Ломагин, В. Е. Кузнецов и другие, также считает, что геополитическую конкуренцию следует интерпретировать в рамках классической модели политического реализма. Она операционализируется через категории силы, баланса сил и национальных интересов. С точки зрения этих авторов, международные отношения представляют собой перманентную арену проти-

востояния государств в условиях отсутствия легитимной центральной власти (международной анархии) [7].

Ивонина О.И. и Ивонин Ю.П. в своих трудах рассматривают геополитическую конкуренцию в качестве ключевого механизма взаимодействия государств на международной арене. Особое внимание авторы уделяют роли великих держав в структурировании глобального соперничества [6]. Мутагиров Д.З. анализирует геополитическую конкуренцию сквозь призму историко-институциональных факторов. Она интерпретируется как долгосрочное противоборство между государствами и коалициями, трансформирующееся под влиянием международных институтов и глобальных тенденций, в то время как ее глубинная сущность – борьба за влияние и ресурсы – остается неизменной [10].

Таким образом, отметим, что анализ трудов российских исследователей демонстрирует интерпретацию геополитической конкуренции в теории международных отношений как многоуровневого и многогранного феномена. В традиции политического реализма (П.А. Цыганков, В.А. Ачкасов, С.А. Ланцов, Н.А. Ломагин и др.) данное соперничество понимается главным образом как борьба государств за власть, влияние, ресурсы и безопасность в условиях международной анархии, что отражает перманентный и структурный характер мировой системы. В то же время в рамках более широких теоретических подходов (А.М. Баженов) геополитическое противоборство рассматривается не только через призму категорий силы, но и как глубокий социокультурный и институциональный процесс. Другие авторы, включая Д.З. Мутагирова, акцентируют внимание на историко-институциональном аспекте этой динамики, определяя ее как долгосрочную трансформацию межгосударственных связей под влиянием международных институтов. Следовательно, во всех указанных концепциях, независимо от теоретических разногласий, ключевым инвариантом остается глубинное содержание геополитической конкуренции – борьба за влияние, ресурсы и доминирующее положение в международной системе.

Третья группа исследователей представлена преимущественно западными авторами. В рамках данного раздела не предполагается детальный критический разбор взглядов каждого ученого, поскольку этот вопрос уже получил исчерпывающее освещение в существующей научной литературе. Задача исследования сводится к систематизации ключевых концепций и определению наиболее значимых трудов, оказавших фундаментальное влияние на развитие теории международных отношений.

Основоположники геополитической науки комплексно исследовали динамику пространственно-территориальных факторов и специфику силового соперничества государств. Их базовые теоретические позиции по-

дробно раскрыты в предыдущих главах работы, в связи с чем детальное дублирование этих положений представляется избыточным.

С методологической точки зрения важно подчеркнуть, что видные теоретики геополитики, в числе которых Р.Челлен, А.Мэхэн, Х.Маккиндер, Н.Спикмен, И.Валлерстайн, Д.Уолтон, К.Шмитт и другие [20; 32, 31; 39; 40; 41; 25], заложили концептуальный фундамент данной дисциплины и сформулировали ее ключевые категории. В трудах указанных авторов геополитическое соперничество интерпретируется как естественный и перманентный процесс на международной арене. Именно в этих рамках кристаллизуется триада «государство – пространство – власть», выступающая базисом для анализа глобальной конкуренции. В свою очередь, один из классиков политического реализма Ганс Моргентау трактует геополитическую конкуренцию как перманентную борьбу государств за национальные интересы, выраженные через категорию силы. Поведение и внешнеполитические действия государств определяются на основе рационального расчета потенциальных выгод и рисков, где ключевым критерием выступает максимизация властного потенциала [35]. Другой известный представитель реалистического направления Рейнхольд Нибур дополнил данный подход с антропологических позиций, объясняя конкуренцию неизменной эгоистической природой человека, что делает конфликты в мировой политике неизбежными [36].

Эдуард Карр концептуализирует геополитическое соперничество как структурное противоречие между державами «имущими» и «неимущими». Первые стремятся законсервировать существующий порядок, в то время как вторые нацелены на его трансформацию в свою пользу. Таким образом, по мнению Э. Карра, данное противоборство приобретает характер борьбы за перераспределение статусов и влияния в мировой системе, а не морального или идеологического конфликта [27].

В рамках классического политического реализма межгосударственное соперничество принимает выраженную пространственно-территориальную форму. Альфред Мэхэн связывает его с контролем над морскими коммуникациями и развитием военно-морской мощи. Халфорд Маккиндер трактует историю как перманентный конфликт между «сухопутными и морскими силами» за контроль над евразийским континентом. Николас Спикмен фокусируется на борьбе за «прибрежную зону», считая его ключевым геостратегическим регионом мировой политики. Карл Шмитт интерпретирует геополитическую конкуренцию как столкновение «больших пространств» (Grossraum) и борьбу за установление мирового порядка. В свою очередь, один из основоположников неореализма Кеннет Уолтц выводит природу геополитической конкуренции не из человеческой психики или географических факторов, а из архитектоники международной системы. Анархический характер среды и принцип самопомощи вы-

нуждают государства постоянно вступать в соперничество, где баланс сил выступает в качестве главного стабилизирующего механизма. В данном контексте конкуренция не исчезает, однако может быть временно ограничена устойчивыми системными структурами, такими как биполярная модель [31].

Другой видный представитель неореализма Роберт Гилпин концептуализирует геополитическую конкуренцию как процесс борьбы за глобальное доминирование (гегемонию) и циклическую смену ведущих мировых держав [29].

Джон Миршаймер в рамках концепции «наступательного реализма» утверждает, что великие державы стремятся не просто к сохранению статус-кво, но и к максимизации своей относительной мощи. По этой причине межгосударственное соперничество носит перманентный характер и имеет выраженную тенденцию к эскалации [33]. Напротив, в «оборонительном реализме» природа конфликтного потенциала объясняется логикой «дилеммы безопасности», при которой шаги одного государства по укреплению собственной обороноспособности неизбежно интерпретируются другими акторами как потенциальная угроза, вызывая у них зеркальную реакцию.

Таким образом, можно заключить, что в реалистической парадигме теории международных отношений соперничество автономно от категорий морали или идеологии, поскольку детерминировано самой архитектурой мировой системы. По мнению классических реалистов и неореалистов, в частности, К. Уолтца, оно имманентно присуще международной анархии, в условиях которой над суверенными государствами нет высшей легитимной власти. Следовательно, государства вынуждены самостоятельно обеспечивать свое выживание. Вместе с тем интенсивность этого противоборства может временно снижаться в рамках стабильных системных конфигураций, таких как биполярная модель.

Тем не менее представители геополитического реализма, Х. Маккиндер, К. Шмитт утверждают, что соперничество имманентно мировой политике, поскольку детерминировано пространственными факторами и географическим положением государств. Данные параметры остаются константными вне зависимости от трансформации политических систем или господствующих идеологий. По этой причине геополитическое противоборство концептуализируется ими как перманентная и неустраняемая категория.

В либеральной парадигме, в отличие от реалистического подхода, геополитическая конкуренция рассматривается как феномен, уровень которого может быть существенно снижен или частично нивелирован с помощью различных международных механизмов. И. Кант, один из идейных

основоположников данного направления, постулирует, что «государства, базирующиеся на верховенстве права, естественным образом стремятся к миру, в силу чего в условиях правовых республиканских систем вероятность войн и жесткого соперничества между ними минимизируется» [20].

Р. Кобден рассматривает свободную торговлю в качестве фундаментального инструмента снижения конфликтного потенциала и предотвращения вооруженных столкновений [28]. Н. Энджелл подчеркивает, что война экономически иррациональна и пагубна для всех сторон, в то время как государства получают односторонние и коллективные выгоды от экономической взаимозависимости, способной в долгосрочной перспективе вытеснить политическое противостояние [26]. Другой видный представитель либеральной мысли, В. Вильсон, считает «создание международных организаций эффективным способом регулирования отношений между государствами и снижения конкуренции за власть» [37, с. 55-56].

Представители неолиберального институционализма, в частности Роберт Кохэн [30] и Джозеф Най [37], внесли существенный вклад в концептуализацию рассматриваемой проблематики. Авторы подчеркивают, что интенсификация комплексной взаимозависимости между государствами существенно снижает стимулы к применению военной силы. Тем не менее геополитическое соперничество не исчезает полностью, а лишь трансформирует свои проявления, смещаясь в экономическую, технологическую и информационную плоскости. Разработанная Дж. Наем концепция «мягкой силы» наглядно демонстрирует перенос фокуса межгосударственного противоборства из оборонной сферы в культурно-идеологическое пространство.

Развивая данные положения, другие представители неолиберального направления указывают на то, что соперничество в современных условиях приобрело дифференцированный и многоаспектный характер. Например, Джеймс Розенау описывает мировую политику как «турбулентную» систему, где наряду с традиционными государствами активно конкурируют транснациональные негосударственные акторы и сетевые структуры [38]. На наш взгляд, подобная диверсификация участников модифицирует форму, но не меняет глубинного содержания самого феномена конкуренции. В свою очередь, еще один видный теоретик либерального интернационализма Эндрю Моравчик аргументирует, что современный мир эволюционирует в направлении интеграции. В результате этих процессов накал конфронтации между государствами постепенно снижается, хотя базовые противоречия не нивелируются окончательно [34].

Специфическим и репрезентативным примером синтеза либеральных ценностей и классической геополитики выступает интеллектуальное наследие Збигнева Бжезинского. Будучи видным представителем либерального направления, он последовательно декларировал приверженность

принципам демократии и трансатлантического правопорядка, однако в своих прикладных исследованиях опирался на жесткую логику геополитического соперничества. В знаменитом труде «Великая шахматная доска» З. Бжезинский концептуализирует Евразию как ключевую арену противоборства великих держав, детально моделируя сценарии сдерживания потенциальных геополитических конкурентов [3]. Таким образом, в его теоретической оптике соперничество камуфлируется риторикой в защиту демократии, но содержательно сохраняет силовой характер. Наконец, в марксистской и неомарксистской парадигмах теории международных отношений геополитическая конкуренция не признается автономной или имманентной категорией политики. Она детерминирована более глубоким базисным уровнем – архитектурой мирового капитализма и классовым антагонизмом. Ключевыми драйверами мировой политики здесь провозглашаются не суверенные государства как таковые, а глобальные классы – международная буржуазия и пролетариат, чье противостояние носит наднациональный характер.

В классическом марксизме геополитическая конкуренция между государствами позиционируется как прямое отражение борьбы капиталистической системы за рынки сбыта, ресурсы и сферы влияния. С этих позиций государственные институты выступают в роли инструментов господствующего класса буржуазии, а войны и внешнеполитическое соперничество являются продолжением конкуренции национальных капиталов на международной арене [5, с. 84-85].

В неомарксизме, в частности в рамках мир-системного анализа И. Валлерстайна, геополитическое противоборство интерпретируется как имманентный элемент макроструктуры капиталистического мира. Глобальное пространство иерархически разделено на ядро, полупериферию и периферию, а межгосударственное соперничество выступает следствием неравномерного развития этих зон. Страны ядра (развитый Запад) стремятся зафиксировать свое доминирующее положение, в то время как государства периферии остаются в состоянии перманентной зависимости. Таким образом, глобальная конкуренция представляет собой не просто борьбу между отдельными державами, но и устойчивый механизм воспроизводства системного неравенства [40]. По мнению И. Валлерстайна, мировая капиталистическая экономика изначально имеет глобальный охват, поэтому геополитическая конкуренция не может рассматриваться как транзиторное явление. Она жестко детерминирована самой логикой накопления капитала и проявляется в форме непрерывного перераспределения ресурсов, власти и прибавочной стоимости между ядром и периферийными зонами. В данной оптике даже суверенные государства не признаются абсолютно суве-

ренными акторами, поскольку их действиями фактически управляют транснациональные экономические элиты [40].

Таким образом, на основе анализа различных теорий международных отношений можно сделать вывод, что каждое концептуальное направление интерпретирует геополитическую конкуренцию со своих теоретических позиций. Сторонники реалистической школы рассматривают ее как закономерный результат борьбы за власть и безопасность в условиях анархии; представители либеральной парадигмы акцентируют внимание на возможности ее минимизации посредством международного сотрудничества и институтов; в то время как марксисты увязывают ее природу с глобальной экономической структурой и классовым антагонизмом. На наш взгляд, геополитическая конкуренция представляет собой непрерывный процесс соперничества между акторами мировых политических процессов, протекающий параллельно с механизмами межгосударственного взаимодействия и нацеленный на обретение, удержание или расширение влияния, властных полномочий, ресурсов и стратегических позиций в глобальной системе. Данное противоборство может разворачиваться как между суверенными государствами и великими державами, так и между региональными альянсами или негосударственными субъектами. Мы не ограничиваем геополитическую конкуренцию исключительно пространственно-географическими факторами. В современных реалиях она ведется не только за контроль над территориями или сырьевыми базами, но и за доминирование в экономической, технологической, информационной, энергетической, а также социокультурной и идеологической сферах. Вследствие этого современная геополитическая конкуренция приобрела многоуровневый, комплексный и всеобъемлющий характер.

В контексте стремительного прогресса искусственного интеллекта (ИИ) и цифровых технологий межгосударственное соперничество приобретает принципиально новые измерения. На современном этапе не только суверенные державы, но и продвинутые модели ИИ, глобальные цифровые платформы, а также крупнейшие технологические конгломераты конкурируют между собой за превосходство в сфере обработки больших данных, создания алгоритмов, производства микрочипов и контроля над информационным пространством, что стало важнейшей составляющей современной геополитики.

Анализ показывает, что геополитическая конкуренция выступает одной из базовых форм взаимодействия на мировой арене, имманентно присутствующей самой структуре международной системы. Даже в условиях интенсификации многостороннего сотрудничества, глобализационных процессов и расширения деятельности международных организаций соперничество не нивелируется, а лишь трансформирует свои проявления и инстру-

ментарий. По этой причине данный феномен обоснованно признается одной из фундаментальных категорий теории международных отношений.

Исходя из вышесказанного, предлагается следующее авторское определение: Геополитическая конкуренция – это непрерывный процесс борьбы и конкуренции между субъектами международных отношений за приобретение, поддержание и расширение влияния, власти, ресурсов и стратегического положения в международной системе, который проявляется в политической, экономической, военной, технологической, информационной, культурной и других формах.

Данное определение пытается объединить основные элементы различных теоретических направлений и всесторонне отразить реальность современных международных отношений.

Сравнительная таблица концепции геополитической конкуренции в теориях международных отношений

Таблица 1.

Научная парадигма	Главный источник конкуренции	Главный предмет конкуренции	Сущность геополитической конкуренции	Исчезает ли она?
Реализм	Анархия международной системы, борьба за власть и безопасность	Государства	Борьба за влияние, власть, безопасность и контроль над стратегическими пространствами	Нет
Неореализм	Структура международной системы и баланс сил	Государства	Структурный результат международной системы	Нет, это можно ограничить только
Либерализм	Конфликты интересов и отсутствие сотрудничества и интеграции	Государства и институты	Конкуренция снижается за счет сотрудничества и институтов	Частично
Неолиберализм	Взаимозависимость и экономическая конкуренция	Государства, организации и негосударственные субъекты	Конкуренция меняет свою форму и становится более экономической, технологической и информационной	Не полностью
Марксизм	Классовые противоречия и капитализм	Социальные классы и государства	Отражение капиталистической экономической борьбы за рынки и ресурсы	Только изменением социально-экономической системы
Неомарксизм	Неравенство мировой системы	Ядро, периферия и	Механизм поддержания господства	Только изменением

		периферия	центральных госу- дарств	мировой си- стемы
--	--	-----------	-----------------------------	----------------------

Литература

1. Ачкасов В.А. Мировая политика и международные отношения: учебник для вузов / В.А. Ачкасов, С.А. Ланцов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во «Юрайт», 2026. – 484 с.
2. Баженов А.М. Социология международных отношений: учебник и практикум для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во «Юрайт», 2026. – 227 с.
3. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска: американское превосходство и его геостратегические императивы / пер. с англ. О.Ю. Уральской. – М.: Международные отношения, 2010. – 254 с.
4. Дугин А.Г. Международные отношения (парадигмы, теории, социология): учебное пособие для вузов. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2014. – 431 с.
5. Зокиров Г.Н. Геополитика: (китоби дарсӣ барои донишҷӯёни мактабҳои олии). – Душанбе: Эҷод, 2009. – 324 с.
6. Ивонина О.И. Теория международных отношений: учебник для вузов / О.И. Ивонина, Ю.П. Ивонин. – М.: Изд-во «Юрайт», 2026. – 188 с.
7. Ломагин Н. А. Введение в теорию международных отношений и анализ внешней политики: учеб. пособие / Н.А. Ломагин, В.Е. Кузнецов, А.В. Лисовский [и др.]. – М.: Издательский дом «Сентябрь», 2001. – 166 с.
8. Майтдинова Г.М. Геополитика и геоэкономика сопряжения НСР-2030 Таджикистана с китайской инициативой «Один пояс – Один путь» / Ли Вэньгэ, Г.М. Майтдинова. – СПб.: Нестор-История, 2025. – 376 с.
9. Майтдинова Г.М. Геополитическое взаимодействие Таджикистана в формате Афганистан – Иран – Таджикистан // Таджикистан и современный мир. – 2021. – № 3 (75). – С. 30–45.
10. Мутагиров Д.З. История и теория международных отношений. Международные политические институты: учебник для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во «Юрайт», 2026. – 439 с.
11. Мухаммад А.Н. Сиёсатшиносӣ: китоби дарсӣ барои донишҷӯёни факултетҳои ғайриихтисосии муассисаҳои таҳсилоти олии касбӣ / А.Н. Мухаммад, М.У. Хидирзода, Х.Қ. Сафарализода. – Душанбе: Паёми ошно, 2018. – 416 с.
12. Назаров Т.Н. Дипломатияи муосири тоҷик / Т.Н. Назаров, А.Сатторзода. – Душанбе: Ирфон, 2006. – 224 с.
13. Ризоён Ш.Ш. Вызовы и возможности транспортной дипломатии Таджикистана // Постсоветские исследования. – 2024. – Т. 7. - № 8. – С. 843–852.
14. Ризоён Ш.Ш. Многофакторность стратегической культуры стран Центральной Азии // Россия и мир: научный диалог. – 2025. – № 3 (17). – С. 26–58.
15. Саидов Х.С. Теория международных отношений: учебное пособие / Х.С. Саидов, Г.В. Коваленко. – Душанбе: РТСУ, 2016. – 498 с.
16. Самиев Х. Гуфторҳо дар бораи назарияи равобити байналмилал. – Душанбе, 2014. – 251 с.
17. Самиев Х.Д. Сотсиологияи равобити байналмилал: китоби дарсӣ барои мактабҳои олии / Х.Д. Самиев, Ф.Н. Салимов. – Душанбе, 2022. – 241 с.
18. Самиев Х. Мукаддимаи фанни равобити байналмилал: китоби дарсӣ / Х. Самиев, Т. Мухитдинов. – Душанбе, 2010. – 175 с.

19. Цыганков П.А. Теория международных отношений: учеб. пособие. – М.: Гардарики, 2003. – 590 с.
20. Челлен Р. Государство как форма жизни / Пер. с швед. и примеч. М.А. Исаева; предисл. и примеч. М.В. Ильина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 319 с.
21. Шарипов А.Н. Краткая история становления Центральной Азии как геополитического конструкта // Вестник Таджикского национального университета. – 2019. – № 2. – С. 104–108.
22. Шарипов А.Н. Осиёи Марказӣ дар низоми манфиатҳои геополитикии Туркия // Осиё ва Аврупо. – 2021. – № 1 (5). – С. 15–24.
23. Шарипов А.Н. Умумият ва тафовути татбиқи нуруи нарми абаркудратҳо дар Осиёи Марказӣ // Тоҷикистон ва ҷаҳони имрӯз. – 2023. – № 3 (83). – С. 33–50.
24. Шарипов А.Н. Ҷанбаҳои минтақавии сиёсати хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. – 2022. – № 2. – С. 38–49.
25. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum* / под ред. Д.Кузницына; пер. с нем. К. Лощевского и Ю. Коринца. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – 669 с.
26. Angell N. The Great Illusion: A Study of the Relation of Military Power to National Advantage. – London: Heinemann, 1910. – 315 p.
27. Carr E.H. The Twenty Years' Crisis, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations. – London: The Macmillan Press Ltd., 1939. – 301 p.
28. Cobden R. Political writings: in 2 vol. – London: Fisher Unwin, 1903.
29. Gilpin R. War and Change in World Politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. – 272 p.
30. Keohane Robert O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. – Princeton: Princeton University Press, 1984. – 290 p.
31. Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History // Democratic Ideals and Reality. – Washington, DC: National Defense University Press, 1996. – P. 175–194.
32. Mahan A.T. The Influence of Sea Power Upon History, 1660–1783. – New York: Dover Publications, 1987. – 544 p.
33. Mearsheimer John J. The Tragedy of Great Power Politics. – New York: Norton, 2001. – 555 p.
34. Moravcsik Andrew Taking Preferences Seriously: A Liberal Theory of International Politics // International Organization. – 1997. – Vol. 51. - No. 4. – P. 513–553.
35. Morgenthau Hans J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. – 2nd ed. – New York: Alfred A. Knopf, 1955. – 600 p.
36. Niebuhr R. Christian Realism and Political Problems. – New York: Charles Scribner's Sons, 1953. – 210 p.
37. Nye Joseph S. Jr. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – New York: Basic Books, 1990. – 307 p.
38. Rosenau J. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. – Princeton: Princeton University Press, 1990. – 480 p.
39. Spykman N.J. The Geography of the Peace. – New York: Harcourt, Brace and Company, 1944. – 504 p.
40. Wallerstein I. Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System. – Cambridge: Press Syndicate, 1991. – 256 p.

41. Walton D.C. Geopolitics and the Great Powers in the Twenty-First Century: Multipolarity and the Revolution in Strategic Perspective. – London; New York: Routledge, 2007. – 320 p.
42. Waltz K. Theory of International Politics. – New York: McGraw Hill, 1979. – 251 p.

CONCEPT OF GEOPOLITICAL COMPETITION AND ITS PLACE IN THEORIES OF INTERNATIONAL RELATIONS

Naimi Ismoil Nurullo

Candidate of Political Sciences, Associate Professor
of the Department of Diplomacy and International Relations
Academy of Public Administration
under the President of the Republic of Tajikistan
734003, Republic of Tajikistan, Dushanbe, str. Said Nosir, 33
Ph: (+992) 900 77 29 94 (m.)
naimov_ismoil@list.ru

The article explores the concept of geopolitical competition and its place within the core theories of international relations. It analyzes theoretical approaches – realism and neorealism, liberalism and neoliberalism, Marxism and neomarxism – and their interpretations of the essence, causes, and mechanisms of international competition. Special attention is paid to the contribution of domestic (Tajik), Russian, and Western researchers to the development of this concept, as well as to the methodological and empirical differences in understanding the actors, sources, and forms of geopolitical rivalry. The study demonstrates that while the realist tradition views competition as a permanent state of international anarchy and a struggle of states for power and security, liberal approaches emphasize the possibility of its mitigation through international institutions and economic interdependence. Marxist and neomarxist theories explain competition through the structure of the capitalist world-system and global inequality. It is concluded that modern geopolitical competition is multilevel and multifaceted, encompassing economic, technological, informational, and cultural dimensions. Furthermore, the article examines the practical implications of competitive dynamics for foreign policy and security, and proposes directions for further research that account for transnational actors and hybrid forms of rivalry. This highlights the complexity of contemporary geopolitical processes and significant challenges.

Keywords: geopolitical competition; international relations; realism; liberalism; neoliberalism; Marxism; neo-Marxism; geopolitics; world system; international security; balance of power; globalization; Tajikistan.

МАФҲУМИ РАҚОБАТИ ГЕОПОЛИТИКӢ ВА ҶОЙГОҲИ ОН ДАР НАЗАРИЯҲОИ МУНОСИБАТҲОИ БАЙНАЛМИЛАЛӢ

Наимӣ Исмоил Нурулло

номзади илмҳои сиёсӣ, дотсенти
кафедраи дипломатия ва муносибатҳои байналмилалӣ
Академияи идоракунии давлатии
назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон
734003, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. Саид Носир, 33
Тел.: (+992) 900 77 29 94 (м.)
naimov_ismoil@list.ru

Дар мақола концепсияи рақобати геополитикӣ ва ҷойгоҳи он дар назарияҳои асосии рабобити байналмилалӣ мавриди пажӯҳиш қарор гирифтааст. Муносибатҳои назариявӣ – реализм ва неореализм, либерализм ва неолиберализм, марксизм ва неомарксизм – ва тафсири онҳо нисбат ба моҳият, сабабҳо ва механизмҳои рақобати байналмилалӣ таҳлил карда мешаванд. Таваҷҷуҳи махсус ба саҳми муҳаққиқони ватанӣ (тоҷик), рус ва ғарбӣ дар рушди концепсияи мазкур, инчунин тафовутҳои методологӣ ва эмпирикӣ дар дарки субъектҳо, сарчашмаҳо ва шаклҳои рақобати геополитикӣ зоҳир шудааст. Нишон дода шудааст, ки дар анъанаи реалистӣ рақобат ҳамчун ҳолати доимии анархияи байналмилалӣ ва муборизаи давлатҳо барои қудрат ва амният баррасӣ мешавад, дар ҳоле ки равишҳои либералӣ имкони коҳиши онро тавассути ниҳодҳои байналмилалӣ ва вобастагии мутақобилаи иқтисодӣ таъкид мекунанд. Назарияҳои марксистӣ ва неомарксистӣ рақобатро бо сохтори низоми сармоядорӣ ҷаҳонӣ ва нобаробарии глобалӣ шарҳ медиҳанд. Хулоса бароварда мешавад, ки рақобати геополитикии муосир хусусияти бисёрсатҳӣ ва гуногунҷабҳа дошта, ҷанбаҳои иқтисодӣ, технологӣ, иттилоотӣ ва фарҳангиро дар бар мегирад. Инчунин паёмадҳои амалии динамикаи рақобат барои сиёсати хориҷӣ ва амният баррасӣ шуда, самтҳои таҳқиқоти минбаъда бо назардошти акторҳои фаромилӣ ва шаклҳои гибридии рақобат пешниҳод шудаанд. Ин мураккабии равандҳои геополитикии муосир ва ҷолибҳои ҷиддиро нишон медиҳад.

Калидвожаҳо: рақобати геополитикӣ; муносибатҳои байналмилалӣ; реализм; либерализм; неолиберализм; марксизм; неомарксизм; геополитика; низоми ҷаҳонӣ; амнияти байналмилалӣ; тавозуни қудрат; ҷаҳонишавӣ; Тоҷикистон.

УДК 94(575.3):745/749(091)

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО
ИСКУССТВА САМАНИДСКОЙ ЭПОХИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТАДЖИКСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ТРАДИЦИИ**

Майтдинова Гузель

доктор исторических наук, профессор
кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики,
директор Центра геополитических исследований
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 935 31 63 33 (м.)
guzel-maitdinova@mail.ru

Статья посвящена анализу художественного языка декоративно-прикладного искусства саманидской эпохи IX–XI вв. и его роли в становлении таджикской художественной традиции. Рассматриваются основные формы художественного выражения, характерные для культуры Мавераннахра: торевтика, керамика, резьба, малая пластика, эпиграфика и орнамент. Особое внимание уделяется трансформации доисламских согдийских и тохаристанских мотивов в условиях исламской культуры. Показано, что изображения граната, «древа жизни», фантастических существ, сцен охоты и царского пира не только сохраняли символическое содержание, но и приобретали новые декоративные функции. Анализируется взаимодействие фигуративного изображения, растительного орнамента и куфической надписи, постепенно превращавшейся в важнейший элемент композиции. Именно в саманидскую эпоху художественная форма перестаёт быть носителем исключительно религиозного или героического смысла и становится пространством эстетической рефлексии, памяти и интеллектуальной игры. В дальнейшем эта особенность будет характерна для всей таджикской художественной культуры – от резного дерева, керамики, вышивки до книжной миниатюры и архитектурного декора, где орнамент всегда остаётся не просто украшением, а сложной системой смыслов, скрытых за внешней красотой. Искусство эпохи Саманидов сформировало устойчивые эстетические принципы таджикской художественной культуры, сохранившиеся в последующие столетия.

Ключевые слова: Мавераннахр; Саманиды; декоративно-прикладное искусство; торевтика; согдийское искусство; орнамент; куфическая надпись; таджикская художественная традиция; малая пластика; исламское искусство.

Художественная культура Центральной Азии IX–X веков представляет собой один из наиболее значимых этапов в истории мировой художественной цивилизации, характеризующийся интенсивным развитием пластических форм, декоративного мышления и синтезом культурных традиций. Именно в этот период формируется особый художественный язык, в котором органично сочетаются элементы доисламского наследия и новые эстетико-мировоззренческие установки, обусловленные распространением ислама. Декоративно-прикладное искусство выступает в данном контексте не только как сфера ремесленного производства, но и как важнейшая форма художественного выражения, отражающая глубинные процессы трансформации визуальной культуры региона.

Характерной особенностью художественного развития эпохи Саманидов является переход от пластически ориентированного изобразительного мышления к доминированию орнаментально-декоративных принципов. Этот процесс не носил характера резкого разрыва с предшествующей традицией, а представлял собой постепенную эволюцию художественных форм. Как отмечал В. В. Бартольд, «восточноиранское искусство позднеантичного и раннеисламского времени следует рассматривать как единое культурное пространство, в рамках которого происходило последовательное переосмысление художественных норм и образных систем. ...» [3, с. 379-380]. В этом контексте саманидская эпоха выступает как этап кристаллизации нового художественного стиля, основанного на синтезе традиции и новации. С точки зрения искусствоведческого анализа особое значение приобретает изучение художественного языка декоративно-прикладного искусства как системы выразительных средств, включающей орнамент, цвет, композицию, материал и технику исполнения. В условиях становления исламской художественной парадигмы происходит переориентация визуальной культуры на абстрактно-символические формы, что обусловлено как религиозными ограничениями на изображение живых существ, так и стремлением к созданию универсального декоративного кода. Орнамент, каллиграфия и стилизованные растительные мотивы становятся основными выразителями художественного смысла, формируя особую семиотику визуального пространства. Важной особенностью декоративно-прикладного искусства саманидского времени является его тесная связь с социальной и культурной средой. Художественные изделия – от архитектурного декора до предметов повседневного обихода – выполняли не только утилитарные функции, но и являлись источниками эстетических и символических значений. Это обусловило высокий уровень художественной обработки материала и стремление мастеров к созданию гармоничного синтеза формы и содержания. В данном контексте ремесло выступает как основа художественного творчества, а мастер – как хранитель традиции и одновременно субъект художественного новаторства.

Арабское завоевание Центральной Азии в VII–VIII вв. стало важнейшим фактором трансформации художественной культуры региона, однако его воздействие на изобразительное и декоративно-прикладное искусство не носило одномоментного и унифицирующего характера. Напротив, формирование нового художественного языка происходило как длительный и сложный процесс, в котором синтезировались доисламские традиции и новые эстетические установки, обусловленные распространением ислама. Как отмечал В. В. Бартольд, «культурное развитие восточноиранского мира следует рассматривать в логике преемственности, где исламский этап не разрушает предшествующую художественную систему, а преобразует её внутренние принципы» [3, с. 379-380]. В этом контексте саманидская эпоха выступает как период кристаллизации нового художественного стиля, достигшего зрелости лишь ко второй половине X века. Переход к новому стилю исламского искусства сопровождался формированием новых композиционных принципов, основанных на ритме, симметрии и повторяемости элементов. Особенно в первые века хиджры искусство нового стиля во многом опиралось на доисламские традиции. Исламское искусство не было династийным искусством, которое могло привлекать сильных мира сего своим величием. «Оно было искусством городских сословий, по преимуществу, и удовлетворяло потребности двора лишь в той степени, в какой дворы халифов и эмиров были связаны с широким хлынувшим на них потоком преданий, мифов и сказок. Приобщение к ним стало культурным достоянием эпохи» [20, с. 4-11]. Однако, несмотря на доминирование орнаментальности, художественная культура эпохи сохраняет элементы изобразительности, трансформированные в соответствии с новыми эстетическими нормами. Это позволяет говорить не о вытеснении прежних форм, а об их включении в новую художественную систему. Исследование художественного языка декоративно-прикладного искусства саманидской эпохи позволяет выявить механизмы формирования таджикской художественной традиции, основанной на синтезе культурных влияний, устойчивости орнаментального мышления и преемственности художественных форм. В этом смысле саманидское искусство выступает не только как историко-культурный феномен, но и как фундамент национальной художественной идентичности, оказавший долговременное влияние на развитие искусства Таджикистана и всего центральноазиатского региона.

С искусствоведческой точки зрения принципиально важно, что исламская эстетика не формировала жесткой нормативной системы изобразительности, а задавала скорее рамочные ограничения, прежде всего в отношении культового искусства. Отказ от антропоморфных изображений в религиозном контексте не означал полного исчезновения фигуративности, но способствовал смещению акцента в сторону орнаментально-

декоративных форм. В результате возникает специфическая визуальная парадигма, в которой художественный образ строится не через миметическое воспроизведение реальности, а через ритм, симметрию, модульность и абстракцию. Орнамент становится не просто украшением, а структурообразующим принципом художественного мышления, организующим пространство и задающим его семантику. Особую роль в этом процессе играет каллиграфия, которая в условиях доминирования слова как носителя сакрального смысла приобретает статус ключевого художественного медиума. Буквенный знак трансформируется в пластическую форму, способную функционировать в орнаментальной системе наравне с геометрическими и растительными элементами. Таким образом, происходит формирование синтетического художественного языка, где текст и изображение утрачивают прежнюю оппозицию и сливаются в едином декоративном поле. Данная тенденция особенно ярко проявляется в архитектурном декоре и предметах прикладного искусства, где эпиграфика становится неотъемлемой частью композиции. Вместе с тем, раннеисламское искусство Центральной Азии сохраняет глубокую связь с доисламскими художественными традициями. Это проявляется как в иконографических мотивах, так и в технологических и композиционных приемах. Так, в руинах Варахшского дворца был найден фрагмент росписи, относящийся уже к X веку. Данный фрагмент изображает всадника, стреляющего из лука, обернувшись назад, - мотив, весьма характерный для искусства Согда более раннего периода, но сохранившийся и позже. [9] Наследие согдийского [2; 6; 15; 16; 22] и тохаристанского [1; 12] искусств продолжает существовать в трансформированном виде, интегрируясь в новую эстетическую систему. В декоративно-прикладном искусстве это выражается в сохранении мотивов «древа жизни», зооморфных образов, а также в использовании традиционных техник обработки материалов. Однако эти элементы утрачивают прежнюю сакрально-магическую функцию и включаются в новую систему декоративной символики.

Существенным фактором формирования художественного языка является социальная природа исламского искусства. В отличие от монументальных традиций античности, кушанского периода и раннего средневековья, ориентированных на репрезентацию власти, искусство саманидской эпохи в значительной степени связано с городской ремесленно-торговой средой. Это определяет его прикладной характер, камерность и внимание к детали. Художественное произведение становится объектом повседневного использования, но при этом сохраняет высокий уровень эстетической проработки. Именно в этой среде формируются устойчивые каноны декоративного мышления, основанные на ритмической организации формы и вариативности орнаментальных мотивов. Новые художественные принципы, возникшие в результате арабского завоевания и последующей ислами-

зации региона, следует рассматривать не как результат внешнего культурного давления, а как итог внутренней эволюции визуальной системы Центральной Азии. Саманидская эпоха, аккумулировавшая достижения предшествующих столетий, стала временем окончательного оформления декоративно-орнаментального стиля, который определил дальнейшее развитие таджикской художественной традиции.

С распространением ислама в Центральной Азии монументальная живопись не исчезает, как это нередко предполагается в рамках упрощённых интерпретаций исламского искусства, а претерпевает существенную трансформацию, отражающую смену художественной парадигмы. Искусствоведческий анализ памятников X–XI вв. позволяет говорить о сохранении устойчивой традиции настенной росписи, уходящей корнями в согдийское и раннесредневековое искусство, но адаптированной к новым эстетическим и идеологическим условиям. В данном случае речь идет не о механическом продолжении прежних форм, а о сложном процессе стилистической адаптации, в ходе которого фигуративные композиции сосуществуют с усиливающейся орнаментально-декоративной системой.

Письменные источники, свидетельствующие о наличии настенной живописи в караван-сараях Бухары, а также в дворцовых комплексах Самарканда [20] и Газни [24], указывают на устойчивость светского характера монументальной росписи, функционировавшей вне строго религиозного контекста. Это принципиально важно для понимания художественного языка эпохи: ограничения, связанные с исламской доктриной, в первую очередь касались культового пространства, тогда как дворцовая и городская архитектура сохраняла возможность использования сюжетной живописи как средства репрезентации власти, статуса и культурной идентичности. Особое значение для реконструкции художественного языка имеют археологические находки, в частности росписи Афрасиаба, открытые В. Л. Вяткиным в 1913 году. Сюжет с изображением пленника, связанного за спиной руками, обнаруживает прямую иконографическую преемственность с живописью Пенджикента [4], что свидетельствует о живучести повествовательной традиции согдийского искусства. Важным является не только повторение мотива, но и удержание композиционных принципов: динамика фигуры, выразительность жеста, акцент на драматическом моменте. Однако в саманидский период эти элементы все чаще включаются в более строгую композиционную структуру, где фон и обрамление начинают играть равноправную роль с изображением. Аналогичные тенденции прослеживаются во фрагменте росписи из Варахши [22], где представлен всадник, стреляющий из лука в обратном повороте. Этот мотив, широко известный в искусстве Согда, сохраняет свою символику динамики и воинской доблести, однако в новом контексте он приобретает выраженный

декоративный характер. Линия становится подчеркнуто условной, пластика фигуры подчиняется ритму композиции, а пространство утрачивает глубину, превращаясь в плоскость, организованную орнаментально. Таким образом, происходит постепенный переход от пластического моделирования к линейно-декоративному принципу изображения. Особый интерес представляют росписи дворца в Ляшкари-Базаре (Северный Афганистан) [24], датируемые IX-XI вв., где были обнаружены сцены с изображением придворной гвардии в унифицированных роскошных одеждах. Эти композиции демонстрируют усиление репрезентативной функции живописи, связанной с визуализацией власти и социальной иерархии. При этом фигуры утрачивают индивидуализированные черты, превращаясь в типизированные образы, подчинённые ритму и симметрии. Колористическое решение, основанное на контрасте насыщенных тонов, и орнаментализация деталей костюма свидетельствуют о сближении живописи с декоративно-прикладным искусством. С искусствоведческой точки зрения принципиально важным является то, что монументальная живопись саманидской эпохи демонстрирует переходный характер художественного языка. С одной стороны, сохраняется фигуративная традиция с ее сюжетностью и иконографической устойчивостью; с другой – усиливается влияние орнаментально-эпиграфического мышления, которое постепенно начинает определять структуру изображения. Фон, ранее выполнявший вспомогательную функцию, превращается в активное декоративное поле, взаимодействующее с фигурой и формирующее единую композиционную ткань. Монументальная живопись X–XI вв. в Центральной Азии выступает как важное звено в эволюции художественного языка, фиксируя момент перехода от изобразительно-пластической системы к декоративно-орнаментальной. Этот процесс отражает более широкие культурные изменения, связанные с исламизацией региона, и играет ключевую роль в формировании тех эстетических принципов, которые в дальнейшем определяют развитие таджикской художественной традиции.

Особое место в реконструкции художественного языка саманидской эпохи занимают росписи цитадели Хульбука (Южный Таджикистан), открытые Э. Гулямовой, которые представляют собой один из наиболее репрезентативных комплексов дворцовой монументальной живописи X–XI вв [7, с. 298-308; 13, с. 489-494]. Их искусствоведческое значение заключается не только в сохранности отдельных сюжетов, но и в возможности проследить взаимодействие технологической традиции и формирующейся эстетики исламского периода. Уже сама техника исполнения свидетельствует о глубокой преемственности: многослойная подготовка основы – от ганча с саманом до алебастрового грунта – воспроизводит принципы раннесредневековой живописи Центральной Азии, обеспечивая гладкую, светлую поверхность, способствующую выявлению цвета и линии. Однако

при сохранении технологии меняется сама художественная логика изображения. Процесс создания росписи – от тонирования плоскости до моделировки формы – демонстрирует переход от пластической трактовки объема к линейно-декоративной системе. Цвет здесь выполняет не столько моделирующую, сколько организующую функцию: он задает ритм композиции и подчеркивает орнаментальную структуру. Уже в верхней части росписи, оформленной в виде орнаментально-эпиграфического бордюра, проявляется характерный для эпохи синтез текста и изображения. Удлиненные куфические буквы, вплетенные в растительный орнамент, утрачивают исключительно смысловую нагрузку и превращаются в пластический элемент композиции. Их ритмическое чередование с волнообразными побегами, пальметтами и виноградными листьями формирует непрерывный декоративный поток, в котором границы между письмом и орнаментом стираются. В композиционном отношении особенно показателен контраст между верхней и нижней зонами росписи. Если верхний регистр организован по принципу абстрактного орнаментального поля, то нижний сохраняет фигуративный характер, представляя сцену с двумя музыкантшами. Однако и здесь фигуративность уже подчинена декоративной логике: фигуры вписаны в архитектурные ниши, обрамленные арками с фестончатыми завитками, что придает изображению ритмическую завершенность и симметрию. Пространство утрачивает иллюзию глубины, превращаясь в плоскость, организованную орнаментально-архитектурными элементами. Иконография сцены с музыкантшами представляет особый интерес в контексте преемственности и трансформации художественных традиций. С одной стороны, здесь сохраняется тема придворного досуга, характерная для доисламского искусства, включая мотивы музыки, украшений, изысканных костюмов. С другой – трактовка фигур становится более условной: пропорции удлиняются, линии приобретают графическую четкость, а объем передается минимальными средствами. Нимбы вокруг голов, выполненные в виде цветных жгутов, свидетельствуют о сохранении символических элементов, но их трактовка уже носит декоративный характер, лишенный прежней сакральной глубины. Детализация костюмов и аксессуаров подчеркивает связь живописи с декоративно-прикладным искусством. Орнаментированные ткани, сложные украшения, музыкальные инструменты изображены с особым вниманием к фактуре и ритму узора, что сближает живопись с ремесленной традицией. [13, с. 490-491; 23, с.186] Включение таких деталей, как амулеты, сосуды, элементы одежды, свидетельствует о стремлении художника не только передать сюжет, но и создать визуально насыщенное декоративное поле, где каждая деталь участвует в формировании общего ритма. Не менее значимым является включение зооморфных элементов – птиц, завершающих композицию, – которые выполняют как

декоративную, так и символическую функцию. Их симметричное расположение усиливает композиционную завершенность и подчеркивает орнаментальный характер всей сцены. Таким образом, даже фигуративные элементы оказываются включенными в общую систему декоративного мышления. В целом росписи Хульбука демонстрируют переходный характер художественного языка саманидской эпохи, в котором сочетаются элементы изобразительной традиции и новые орнаментально-декоративные принципы. Они свидетельствуют о постепенном смещении акцента от повествовательности к декоративности, от пластической моделировки к линейной ритмике, от индивидуализированного образа к типизированной фигуре. В этом смысле хульбукские росписи представляют собой важнейший этап в формировании художественной системы, которая в дальнейшем определит развитие таджикской декоративной культуры.

Хульбукская живопись в широком искусствоведческом контексте выступает как важное звено в эволюции монументального искусства Центральной Азии, демонстрируя не только преемственность с раннесредневековыми традициями, но и качественное изменение художественного языка под воздействием исламской эстетики. Ее стилистическая близость к росписям Афрасиаба, Пенджикента, Аджинатепы и Калаи-Кахкаха позволяет говорить о сохранении иконографических и композиционных принципов согдийской школы, однако в саманидский период эти принципы подвергаются существенной трансформации. К моменту окончательного утверждения исламской художественной системы монументальная живопись уже утратила прежнюю пластическую основу и была готова к восприятию орнаментально-декоративного принципа организации формы [18, с. 144-145]. С искусствоведческой точки зрения ключевым является процесс постепенного «растворения» фигуративного изображения в орнаментальной среде. Если в раннесредневековой живописи доминировала пластическая моделировка объема, динамика фигуры и пространственная глубина, то в хульбукских росписях эти качества уступают место линейной ритмике, плоскостности и декоративной упорядоченности. Фигура перестает быть центром композиции и включается в общий орнаментальный строй, подчиняясь его ритму и симметрии. Вследствие этого, происходит переход от изобразительно-повествовательной системы к декоративно-структурной, где изображение становится частью визуального узора. Этот процесс особенно наглядно проявляется в сопоставлении памятников различных центров – Хульбука, Ляшкар-Базара и Сайеда (Южный Таджикистан), где сохраняются сюжетные сцены, но их трактовка уже существенно отличается от более ранних образцов. Фигуры утрачивают индивидуализированность, композиции приобретают фронтальность, а пространство организуется по принципу декоративной плоскости. При этом усиливается роль орнаментально-эпиграфических элементов, которые начинают определять не только об-

рамление, но и внутреннюю структуру изображения. Таким образом, орнамент перестает быть вторичным по отношению к сюжету и становится равноправным, а нередко и доминирующим компонентом художественного языка.

Сохранение сюжетной живописи в светском и бытовом контексте – в дворцах, жилых интерьерах, банях [6, с. 76-77] – свидетельствует о том, что исламская эстетика не вытеснила полностью фигуративное начало, а лишь изменила его функции и формы. В отличие от культового пространства, где преобладали абстрактные и эпиграфические формы, светская архитектура сохраняла пространство для визуального повествования. Однако это повествование уже не связано с мифологическими и религиозными сюжетами доисламского периода, а приобретает более декоративный и репрезентативный характер. Особое значение имеет взаимодействие живописи с другими видами искусства, прежде всего с резьбой по ганчу и архитектурным декором. В Самарканде, как свидетельствуют источники, парадные помещения жилых домов и бань украшались росписями в сочетании с резным декором, что создавало синтетическую художественное пространство. В этом ансамбле живопись функционировала не изолированно, а как часть единого декоративной системы, где орнамент, пластика и цвет взаимодействовали в рамках общей композиционной системы. Монументальная живопись раннего исламского периода в Центральной Азии, включая хульбукские росписи, отражает переходное состояние эстетического сознания, в котором сохраняется память о пластической традиции, но доминирует уже орнаментально-декоративное мышление. Этот процесс является ключевым для понимания формирования художественного языка, ставшего основой таджикской декоративной традиции, где узор, ритм и символическая насыщенность формы приобретают первостепенное значение.

Каллиграфия в художественной структуре саманидской эпохи занимает принципиально особое место, выступая не только средством фиксации текста, но и самостоятельным видом изобразительного выражения, формирующей ядро декоративного языка исламского искусства. Ее статус определяется не столько утилитарной функцией письма, сколько сакрально-эстетическим значением слова в исламской культуре, где именно текст, а не изображение, становится носителем высшей истины. В этих условиях происходит качественное переосмысление визуальности: изображение уступает место знаку, а знак – линии, ритму и структуре.

С искусствоведческой точки зрения каллиграфия представляет собой переходный феномен между словесной и визуальной модификациями искусства. Уже в IX–X веках она достигает высокой степени формализации, превращаясь в систему графических модулей, способных к бесконечным

вариациям. Использование различных почерков, прежде всего куфического и ранних форм насха, демонстрирует стремление к усложнению ритмической организации текста, его вписанию в архитектурное и предметное пространство. Буква утрачивает исключительно фонетическое значение и приобретает пластическую автономию, становясь элементом орнаментальной композиции. Особенно ярко этот процесс проявляется в архитектурном декоре, где каллиграфия интегрируется с геометрическим и растительным орнаментом, образуя сложные синтетические структуры. В памятниках Хульбука и Афрасиаба эпиграфические надписи не просто сопровождают орнамент, а становятся его органической частью, подчиняясь общим законам ритма, симметрии и повторяемости. Удлиненные вертикали букв, их угловатая или, напротив, плавно изогнутая форма формируют визуальный пульс композиции, сопоставимый с динамикой геометрических фигур и растительных побегов. Таким образом, каллиграфия превращается в «письменный орнамент», где текст и изображение сливаются в единую художественную систему.

Геометрический орнамент, тесно связанный с каллиграфией, также приобретает в этот период особое значение. Он выступает не только как декоративный элемент, но и как носитель символического смысла, отражающего космологические и религиозные представления исламской культуры. Конструкции, основанные на квадрате, круге и многоугольниках, формируют строгую, логически выстроенную систему, в которой каждая форма имеет определённую семантику. Так, композиции из четырех вертикалей, интерпретируемые как графическое выражение имени Бога, и их преобразование в квадратную конфигурацию, символизирующую сакральное пространство, демонстрируют переход от текста к абстрактному знаку. Пересечение квадратов, образующее восьмилучевую звезду, становится универсальным мотивом, воплощающим идею гармонии и космического порядка.

Важным аспектом является то, что геометрический орнамент в исламском искусстве не является статичным: его принцип основан на потенциальной бесконечности и вариативности. Повторение и умножение элементарных форм создают сложные композиции, в которых зритель может «считывать» скрытую структуру, подобно чтению текста. В этом смысле орнамент действительно функционирует как «визуальная книга», где смысл раскрывается через последовательное восприятие ритма и формы. Наряду с геометрическими структурами значительное развитие получают растительные мотивы, которые в исламском искусстве подвергаются глубокой стилизации. Орнамент типа «ислими» с его плавными, текучими линиями и симметрично организованными элементами дополняет строгую геометрию, создавая баланс между рациональной и органической составляющими художественного языка. Взаимодействие каллиграфии, геомет-

рии и растительного орнамента формирует сложную визуальную систему, в которой каждый элемент выполняет как декоративную, так и смысловую функцию. Каллиграфия в декоративно-прикладном искусстве саманидской эпохи выступает не просто одним из видов творческой практики, а системообразующим принципом формирования нового визуального языка, в котором абстракция, символика и ритм становятся основными категориями художественного мышления. В условиях ограничения фигуративности именно письменный знак приобретает статус универсального образа, способного одновременно передавать смысл и формировать пластическую архитектуру композиции. Это обуславливает переход от миметической модели изображения к знаково-орнаментальной, где линия и модуль становятся первичными элементами художественного построения.

С искусствоведческой точки зрения важнейшей особенностью каллиграфии данного периода является ее трансформация из линейной записи текста в пространственно организованный визуальный ритм. Буква утрачивает исключительно лингвистическую функцию и превращается в пластическую единицу, способную к варьированию, повторению и симметрическому развёртыванию. В этом процессе особенно значима куфическая графика с ее геометризированной структурой, которая легко интегрируется в архитектурный и предметный декор, образуя сложные орнаментально-эпиграфические композиции. Каллиграфия становится медиатором между словом и изображением, соединяя семантическое и визуальное измерения искусства. Ее взаимодействие с геометрическим и растительным орнаментом формирует синтетическую систему, в которой текст «читается» как узор, а узор – как текст. Ритмическая организация буквенных форм, их включение в модульные сетки и орнаментальные поля создают эффект бесконечного развёртывания, характерный для исламской эстетики. Таким образом, каллиграфия в саманидскую эпоху не только отражает религиозно-культурные установки времени, но и определяет фундаментальные принципы формообразования, оказавшие долговременное влияние на развитие таджикской декоративной традиции.

Орнамент в художественной системе саманидской эпохи действительно выступает как «музыка для глаз», становясь не просто декоративным дополнением, а основным носителем художественной выразительности и смысловой организации формы [11, с. 14]. В условиях постепенного отхода от пластически моделированного изображения орнамент приобретает статус универсального языка, способного передавать ритм, движение и эмоциональную насыщенность без обращения к миметическому воспроизведению реальности. Его музыкальность проявляется в повторяемости мотивов, вариативности элементов и гармонии композиционных соотно-

шений, что сближает визуальное восприятие с принципами ритмической организации звука.

С искусствоведческой точки зрения особый интерес представляют резные деревянные колонны X века, сохранившиеся в горных районах Таджикистана, где орнамент достигает высокой степени пластической экспрессии. Глубокая резьба, текучесть линий и насыщенность узора свидетельствуют о развитии тактильного и объемного восприятия орнамента, который здесь не ограничивается поверхностной декорацией, а формирует саму структуру архитектурного элемента. Орнаментальная композиция колонн строится на принципе непрерывного развертывания растительных мотивов, где каждая форма органично вытекает из предыдущей, создавая эффект бесконечного роста и внутренней динамики. Особое значение имеет включение зооморфных элементов в орнаментальную ткань, что демонстрирует сохранение изобразительного начала в трансформированном виде. Так, в капители колонны из Оббурдона стилизованные головки птиц, вплетенные в пальметты, утрачивают самостоятельную иконографическую функцию и становятся частью общего декоративного ритма. Их вытянутые шеи, плавно переходящие в растительные завитки, подчеркивают органичность синтеза природных структур и орнаментальной абстракции. Это свидетельствует о том, что исламское искусство не исключало изображения живых существ в светском контексте, но подчиняло их законам декоративной стилизации.

Растительный орнамент в декоративно-прикладном искусстве X–XI вв. приобретает статус одного из ключевых формообразующих элементов художественного языка, а мотив «ислими» становится его наиболее репрезентативным выражением [11, с. 14]. С искусствоведческой точки зрения «ислими» представляет собой не просто орнаментальный комплект, а структурный принцип организации поверхности, основанный на текучести линии, ритмической повторяемости и свободной симметрии. Волнообразный побег с поочередно отходящими полупальметтами формирует динамическую композицию, лишённую жесткой осевой привязки, что создает эффект непрерывного роста и органического движения формы. Такой тип орнамента отражает характерную для исламского искусства тенденцию к бесконечному развёртыванию узора, символизирующему идею непрерывности бытия. На изделиях ремесленного производства «ислими» варьируется в виде переплетающихся трилистников и пальметт, заключенных в узкие каймы, что свидетельствует о высокой степени стилизации и модульности узора. Здесь важна не столько ботаническая достоверность первообраза, сколько ее способность к ритмическому повторению и включению в общую композиционную систему. Орнамент становится своего рода «визуальной формулой», где отдельные элементы подчинены единому принципу вариации и симметрического равновесия.

Другой значимый тип лиственной орнаментики представлен стилизованными акантами, лотосами и пальметтами, заключенными в медальоны, преимущественно круглой конфигурации. Медальонная композиция задает замкнутую структуру, в которой растительный мотив получает завершенность и декоративную автономию. В отличие от линейного «ислими», здесь акцент переносится на центрированность и равновесие, что усиливает декоративную выразительность и подчеркивает декорт как самостоятельную композиционную единицу.

Особое значение для понимания художественного языка эпохи имеет так называемый «процесс флоризации» – органическое слияние растительных мотивов с зооморфными и эпиграфическими формами. В ходе этой трансформации происходит постепенное «растворение» изобразительных и текстовых элементов в орнаментальной среде: контуры животных трансформируются в растительные завитки, а буквенные формы – в декоративные линии. Такое смешение свидетельствует о переходе от иконографически обусловленного изображения к абстрактно-декоративному принципу, где первостепенное значение приобретает не смысл, а визуальная архитекtonика. Особенно показательны взаимодействие растительного орнамента с каллиграфией, прежде всего с почерками куфи и насх. В X–XI вв. буквенные знаки активно включаются в орнаментальные композиции, подвергаясь стилизации и пластическому переосмыслению. Угловатая геометрия куфического письма и более плавная линия насха интегрируются в растительный узор, образуя сложные гибридные конфигурации. В результате текст утрачивает свою линейную последовательность и становится частью ритмической ткани орнамента. Эволюция растительного узора и его взаимодействие с другими эстетическими элементами отражает фундаментальное изменение установок эпохи. Переход от смыслового, повествовательного начала к абстрактно-декоративному принципу свидетельствует о формировании нового визуального языка, в котором доминируют ритм, вариативность и синтез пластических структур. Именно эта система становится основой дальнейшего развития таджикской художественной традиции, определяя ее устойчивость и выразительность.

В художественной системе декоративно-прикладного искусства саманидской эпохи особое место занимали сюжетно-образные мотивы, восходившие к древнебактрийской, согдийской традиции. Для искусства Мавераннахра IX–X вв. были характерны изображения цветов, гранатовых плодов, мотива «древа жизни», а также разнообразных фантастических существ – сфинксов, птиц-дев, львогрифонов, сэнмурвов-семургов. Широкое распространение получили сцены «звериного гона», фигуры всадника с беркутом, всадника с барсом за спиной, тронные композиции, изображения знаков зодиака [21, с. 90-111]. Эти мотивы встречались в орнамента-

ции тканей, резьбе по дереву, художественном металле, керамике и настенных росписях, формируя сложную систему символов, в которой древние представления о власти, плодородии, защите и космическом порядке получали новое художественное выражение. Особенно показателен мотив граната, ставший одним из наиболее устойчивых элементов саманидского декоративного языка. Гранат воспринимался не только как знак плодородия и изобилия, но и как символ единства и жизненной силы. Не случайно его изображение часто соединялось с мотивом «древа жизни», восходящим к древнеиранским космогоническим представлениям. В саманидском искусстве «древо жизни» уже не выступает исключительно сакральным знаком, а приобретает декоративную самостоятельность: ветви, листья и плоды подчиняются ритму композиции, создавая ощущение непрерывного роста и движения. Именно эта ритмическая организация впоследствии станет одной из важнейших черт таджикской орнаментальной традиции.

Не менее важную роль играли фантастические существа, унаследованные от художественного мира Бактрии-Тохаристана и Согда. Сэнмурв-семург – мифическая птица-покровительница, связанная с представлениями о благополучии и защите, – нередко изображался в окружении растительных побегов или в симметричной композиции. Львиногрифоны и сфинксы сохраняли функции стражей, оберегающих пространство дворца, жилища или предмета. Вместе с тем в эпоху Саманидов их образ постепенно освобождается от прежнего магического содержания. Мифологические персонажи становятся частью сложной декоративной системы, где важнее уже не буквальное значение, а художественная выразительность силуэта, динамика линий и гармония композиции. Сцены всадников с соколом, беркутом или барсом, а также тронные сцены были связаны с образом правителя и идеей легитимной власти. Эти сюжеты отражали представления о государе как о победителе, охотнике и носителе сакральной силы. В декоративных изделиях они подвергались своеобразной орнаментализации: фигуры людей и животных становились более условными, подчинялись общему ритму изображения, превращаясь в часть декоративного строя.

Аналогичным образом трактовались и знаки зодиака, которые в саманидском искусстве символизировали космическую гармонию мира и включённость человека в универсальный порядок Вселенной. Даже в тех случаях, когда в декоративно-прикладном искусстве IX–X вв. возрастало самодовлеющее значение орнаментально-растительных форм и ритмически повторяющихся элементов, так называемый «чистый узор» не был лишён содержания [21, с. 90-111]. Орнаментализация тем и мотивов происходила по линии их «поэтической интерпретации»: прежние магические, символические и геральдические функции образов сохранялись, но напол-

нялись новым художественно-эстетическим смыслом. В результате декоративная форма становилась не только украшением, но и особым языком художественного мышления, выражавшим мировоззрение эпохи. Именно в саманидское время складывается та особая способность таджикского искусства соединять орнамент и образ, декоративность и смысл, которая позднее проявится в резьбе по дереву, настенной росписи, вышивке и архитектурном декоре последующих столетий. В дальнейшем многие мотивы – гранат, древо жизни, птица-семург, ритмизованные изображения животных и растительных побегов – войдут в устойчивый репертуар таджикской художественной традиции, сохранившись вплоть до нового времени.

Наряду с развитием орнаментально-декоративного языка, в X веке продолжала существовать и монументальная скульптура. Она украшала улицы крупных городов, дворцовые ансамбли и общественные пространства, производя сильное впечатление на современников. Путешественники отмечали её выразительность, живость и эмоциональную насыщенность. Скульптурные произведения, выполненные преимущественно из глины, дерева и окрашенной штукатурки, отличались динамикой поз, подчеркнутой пластикой и стремлением передать характер персонажа. Хотя исламская эпоха постепенно ограничивала сферу применения круглой скульптуры, традиции монументальной пластики, унаследованные от доисламского искусства, ещё долго сохранялись в городах Мавераннахра и оказывали влияние на формирование художественного вкуса саманидской эпохи.

Сведения средневековых авторов позволяют говорить о необычайно высоком уровне художественной культуры Мавераннахра X–XI вв., в которой декоративно-прикладное искусство, малые формы светской пластики и повседневная художественная среда образовывали единое эстетическое пространство. Особенно показательны наблюдения Ибн Хаукаля, посетившего Самарканд во второй половине X столетия. Он описывает стоявшие в загородных резиденциях деревянные фигуры животных, вырезанные из кипариса: изображения лошадей, быков, верблюдов и диких коз были поставлены друг против друга так, что создавалось впечатление их движения, соперничества и внутреннего напряжения [19, с. 206-207].

Уже сама эта характеристика свидетельствует о том, что пластика эпохи стремилась не столько к статичному воспроизведению формы, сколько к передаче действия, эмоционального состояния и драматического взаимодействия фигур. В искусствоведческом отношении это описание исключительно важно, поскольку позволяет реконструировать особенности художественного мышления саманидской эпохи. Скульптурные группы не воспринимались как отдельные изолированные предметы; они были рассчитаны на обозрение в дворцово-парковой среде и строились по принципу зрительного диалога. Противопоставление фигур, их напряжённая сим-

метрия, ощущение готовности к поединку или состязанию создавали своеобразный «сценический» эффект. Противопоставление фигур, их напряжённая симметрия, ощущение готовности к поединку или состязанию создавали своеобразный «сценический» эффект. Подобная композиционная организация близка к тем приёмам, которые характерны для декоративного искусства Саманидов в целом: предмет или изображение осмыслялись не как замкнутая форма, а как часть ритмически организованного пространства. Именно поэтому столь распространённые в прикладном искусстве сцены «звериного гона», изображения противостоящих львов, грифонов, козлов или фантастических существ нельзя рассматривать лишь как орнаментальный мотив. Они восходят к тому же художественному принципу, который лежал в основе дворцово-парковой пластики: фигуры объединяются в напряжённую композицию, где важнейшим становится не сюжет как таковой, а пластический ритм, внутренняя энергия и выразительность силуэтов.

В дальнейшем этот принцип сохранится в таджикской художественной традиции – в резьбе по дереву, вышивке, настенной росписи и орнаменте металлических изделий, где животные и птицы часто изображаются попарно, зеркально или в состоянии символического движения. Особое значение имеют сведения Абу Райхана Бируни о бытовавшем ещё в XI веке народном обряде изготавливать из теста или глины человеческую фигуру и устанавливать её у ворот дома в определённый день года. По словам учёного, этот ритуал был широко распространён в народной среде, хотя и не практиковался в царских жилищах. При его жизни он уже постепенно исчезал как пережиток, напоминавший о языческих верованиях. Сам факт существования подобной традиции показывает, что пластическая форма продолжала играть важную роль в повседневной культуре и сохраняла глубокую связь с древними представлениями о защите, благополучии и магическом воздействии изображения.

Для художественной культуры саманидской эпохи характерно сосуществование двух тенденций. С одной стороны, исламизация общественной жизни постепенно ограничивала развитие крупной монументальной скульптуры. С другой стороны, потребность в пластическом образе не исчезала, а переходила в сферу бытовой вещи. Именно поэтому X–XI века стали периодом беспрецедентного проникновения сюжетов и образов из изобразительного искусства в предметный мир. Никогда прежде обиходные предметы не испытывали столь сильного воздействия фигуративных мотивов.

Миниатюрная пластика этой эпохи чрезвычайно разнообразна как по материалу, так и по художественной функции. Из меди, бронзы, серебра, свинца, олова, нефрита, камня, пасты и кости изготавливались небольшие фигурки животных, птиц, фантастических существ и реже – людей. Брон-

зовые и серебряные подвески в виде птиц, свинцовые изображения верблюдов, булавки с фигурками петухов, обезьян или птиц с хохолком, нефритовые статуэтки львов и людей, серебряные печати в форме стоящих зверей, медные фигурки львов с арабскими надписями – всё это свидетельствует не только о высоком уровне ремесленного мастерства, но и о чрезвычайной устойчивости древних образов в культуре Мавераннахра.

Особенно примечательно, что большинство этих предметов соединяло декоративную и апотропеическую функции. Они служили украшением, бытовой принадлежностью или частью костюма, но одновременно воспринимались как амулеты и обереги. Таким образом, художественный образ сохранял скрытый символический смысл. Лев продолжал ассоциироваться с силой и защитой, птица – с благополучием и свободой, верблюд – с дорогой и достатком, а фантастические существа – с охраной пространства. Однако в условиях саманидской культуры эти образы уже не воспроизводились в их архаическом виде: они подвергались эстетической переработке, становились более изящными, декоративными и условными.

В искусствоведческом плане чрезвычайно важно, что миниатюрная пластика X–XI вв. развивает особый тип художественного языка, в котором объём постепенно подчиняется орнаментальному началу. Фигурки животных и птиц трактуются не натуралистически, а через плавный контур, выразительный силуэт и обобщённую форму. Их поверхность покрывается гравировкой, арабскими надписями, растительным орнаментом. Благодаря этому мелкая пластика сближается с декоративным искусством и фактически становится его частью. Даже объёмная фигурка воспринимается как своеобразный орнаментальный знак.

Такое преобразование имеет принципиальное значение для формирования таджикской художественной традиции. Если монументальная скульптура постепенно утрачивает своё прежнее значение, то её выразительные возможности переходят в область малой пластики, орнамента и декоративного изображения. Именно здесь складывается тот художественный язык, который будет характерен для таджикского искусства последующих эпох: стремление к ритму и симметрии, соединение фигуративного мотива с орнаментом, символическая насыщенность бытовой вещи, особая роль силуэта и линейного рисунка. Миниатюрные фигурки, подвески, печати и декоративные детали саманидского времени стали не пережитком исчезающей изобразительной традиции, а важнейшим звеном в развитии этнической художественной культуры.

Развитие тореветики в IX–X вв. представляет собой один из наиболее ярких примеров того, как художественный язык саманидской эпохи формировался на пересечении доисламского наследия и новой исламской культурной среды. Немногочисленные дошедшие до нас произведения се-

ребриной и бронзовой посуды, чаш, блюд и кувшинов свидетельствуют не о кризисе изобразительности, а, напротив, о глубоком творческом переломе, в результате которого складывался новый художественный стиль [14, с. 9-33]. Его своеобразие заключалось в том, что мастера не отказывались от прежней, преимущественно бактрийско-тохаристанской и согдийской образности, но переосмысливали её в условиях исламской эпохи, переводя старые мотивы из области сакральной и героической в сферу памяти, эстетического переживания и культурной цитаты. В VIII–IX вв. возникает принципиально новое отношение к доисламскому прошлому. Изображения царских пиршеств, охот, фантастических существ, виноградной лозы, музыкантов и птиц продолжают существовать даже на винной посуде, само употребление которой уже воспринималось как предосудительное с точки зрения исламской нормы.

Однако именно потому, что эти мотивы уже не были связаны с реальной попыткой восстановить древние политические и религиозные формы, они могли свободно сохраняться как художественная память. Торевтика приобретает меморативный характер: сосуд становится не только предметом роскоши, но и носителем культурного воспоминания. Эта меморативность особенно тесно связана с формированием новой общности «аджама» – объединённого мира иранских и среднеазиатских народов, противопоставлявшего себя арабской среде халифата. Для согдийской и хорасанской знати, служившей Аббасидам, обращение к образам сасанидского, тохаристанского и согдийского прошлого становилось способом самоидентификации. Однако речь шла уже не о возрождении старых Тохаристана и Согды, а о включении их художественного наследия в новую исламскую культуру. Поэтому в Хорасане, ставшем одним из главных центров «аджамской» культуры, господствовала художественная школа, восходившая к Согду и Бактрии–Тохаристану. Она сохраняла традиционную тематику, но перерабатывала её средствами собственной ремесленной традиции, обогащённой также элементами буддийского искусства Тохаристана.

Именно согдийское наследие оказало решающее влияние на изменение стиля иранской торевтики. Для классического согдийского орнамента было характерно внутреннее движение форм: растительный побег, фигуры животных и декоративные линии образовывали единый живой ритм. В сасанидской торевтике этот принцип ещё сохраняется, но постепенно начинает трансформироваться. Если в более раннем искусстве фигура и орнамент были тесно связаны и подчинялись общему пластическому движению, то в X–XI вв. каждый элемент всё более обособляется. Орнамент становится статичнее, композиция – строже, а выразительность переносится с общего впечатления на тонкость проработки деталей. Эта перемена отра-

жает более широкий процесс превращения героического доисламского искусства в декоративное исламское.

В сасанидской и раннесогдийской торевтике центральный образ – царь, охотник, всадник, фантастическое существо – обладал почти сакральной значимостью. Он доминировал над поверхностью сосуда и организовывал вокруг себя весь декоративный строй. В саманидскую эпоху фигура уже не воспринимается как безусловный центр. Она включается в орнаментальную ткань, становится частью сложной декоративной системы. Так, изображение бегущего зверя, хищной птицы, терзающей зайца, или царского пиршества продолжает существовать, но утрачивает прежнюю иератическую торжественность и приобретает скорее характер утончённой визуальной аллюзии. Наиболее ярко этот переходный характер художественного языка проявляется в знаменитой Аниковской чаше, найденной близ деревни Малая Аникова [15]. По форме она восходит к гладким согдийским чашам, однако сочетает в себе уже новый художественный строй. На внешней стороне сосуда помещена арабская куфическая надпись с именем и титулом владельца, а внутри развёрнут сложный декоративный ансамбль: эпиграфический фриз, полоса растительного орнамента и центральный медальон с изображением сирены среди виноградной лозы. Сирена и виноград восходят к раннесредневековому кругу мотивов, связанному с идеей пира, наслаждения и красоты. Однако они уже не образуют самостоятельной сцены, а включены в строго организованную систему концентрических поясов.

Особое значение имеет надпись на фарси, выполненная куфическим письмом X в. и содержащая стихотворную строку: речь идёт о «приятном, но запретном занятии», то есть о питье вина. Тем самым сосуд объединяет в себе несколько культурных пластов: доисламскую традицию винной чаши, новую персидскую поэзию, исламскую каллиграфию и старую согдийскую орнаментику. Впервые именно надпись начинает играть определяющую роль в организации предмета. Если прежде главным был образ, то теперь зритель сначала воспринимает общий контур сосуда, затем читает надпись, после чего обращается к изображению и лишь затем – к мельчайшим деталям орнамента. Возникает принципиально иной тип художественного восприятия, рассчитанный не на мгновенное впечатление, а на медленное и внимательное рассматривание. Эпиграфика становится важнейшим элементом декоративного языка саманидской эпохи. Арабская или, реже, персидская надпись постепенно превращается в композиционный центр произведения. При этом она не противопоставляется изображению, а органически соединяется с ним. Куфический шрифт, благодаря своей строгой геометричности, воспринимается как орнамент и вступает в диалог с растительными и фигуративными мотивами. Особенно характер-

ны сосуды X–XI вв., на которых соседствуют эпиграфический фриз нового типа и центральная фигура, исполненная в старой согдийской манере.

Подобные сочетания можно рассматривать как своеобразные «цитаты» из прошлого: мастер сознательно соединяет элементы разных эпох, создавая сложный художественный текст. Именно в этом соединении надписи и изображения проявляется новая эстетика исламской торевики. Для неё характерна не героическая монументальность, а тонкая игра культурных ассоциаций. Старые тохаристанские и согдийские мотивы продолжают существовать, но уже как элементы адаба – мира изысканной словесности, нравоведения и эстетического наслаждения. Изображение царского приёма, сцены охоты или фантастического существа уже не утверждает политическую или религиозную идею, а становится поводом для созерцания, для литературной и художественной интерпретации. В IX–X веках происходит переосмысление прежних художественных форм, которые утрачивают сакральное значение и становятся элементами эстетического восприятия, ориентированного на утонченность исполнения и декоративную выразительность [14, с. 9-33]. Важную роль в распространении этого художественного языка сыграли согдийские ремесленники и торговцы. Через Хорасан согдийские формы сосудов и элементы орнамента проникли в центральные области халифата, а затем и далеко за его пределы – в Восточную Европу, к мадьярам и волжским булгарам, а также в тюркский мир и Китай. Однако за пределами Мавераннахра согдийская традиция уже редко воспринималась как нечто собственно согдийское. Она растворялась в новых культурных контекстах, становясь частью общеисламского художественного языка.

Для формирования таджикской художественной традиции это имело решающее значение. Именно в саманидскую эпоху складывается тот тип декоративного мышления, при котором изображение, орнамент и надпись образуют неразрывное единство. Художественная форма перестаёт быть носителем исключительно религиозного или героического смысла и становится пространством эстетической рефлексии, памяти и интеллектуальной игры. В дальнейшем эта особенность будет характерна для всей таджикской художественной культуры – от резного дерева и керамики до книжной миниатюры и архитектурного декора, где орнамент всегда остаётся не просто украшением, а сложной системой смыслов, скрытых за внешней красотой.

Литература

1. Альбаум Л.И. Балалык-тепе: из истории материальной культуры и искусства Тохаристана. – Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР, 1960. – 228 с.
2. Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. – Ташкент: Фан, 1975. – 112 с.

3. Бартольд В.В. Сочинения: в 9 т. – Т. 2. – Ч. 2: Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. – М.: Изд-во вост. лит., 1964. – 863 с.
4. Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. – М.: Искусство, 1973. – 224 с.
5. Беленицкий А.М. Средневековый город Средней Азии / А.М. Беленицкий, И.Б. Бентович, О.Г. Большаков. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1973. – 358 с.
6. Белинская Н.А. Проблема изобразительности в искусстве эпохи Саманидов / Н.А. Белинская, У.П. Пулатов // Очерки истории и теории культуры таджикского народа. – Душанбе, 2001. – С. 70-87.
7. Гулямова Э.Г. Раскопки на городище Хульбук // Археологические работы в Таджикистане. – 1983. – Вып. XXIII. – С. 298-308.
8. Довуди Д. Зороастризм и ислам после арабского завоевания и в эпоху Саманидов // Саманиды: эпоха и истоки культуры. – Душанбе, 1999. – С. 31-42.
9. Забелина Н. Согдийский всадник / Н. Забелина, Л. Ремпель. – Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР, 1948. – 16 с.
11. Каптерова Т.П. Искусство средневекового Востока / Т.П. Каптерова, Н.А. Виноградова. – М.: Искусство, 1989. – 318 с.
10. Каримов М. Предпосылки развития монументального зодчества Мавераннахра IX – начала XIII вв. // Очерки истории и теории культуры таджикского народа. – Душанбе, 2010. – С. 209-211.
12. Литвинский Б.А. Аджина-тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура / Б.А. Литвинский, Т.И. Зеймаль. – М.: Искусство, 1971. – 260 с.
13. Майтдинова Г. Костюм таджиков в культуре эпохи Саманидов // Абулаббос Бахтиер и классические традиции культуры эпохи Саманидов. – Душанбе, 2025. – С. 488-505.
14. Маршак Б.И. История восточной торевтики III–XI вв. и проблемы культурной преемственности. – М.: Наука, 1980. – 296 с.
15. Маршак Б.И. Согдийское серебро. – М.: Наука, 1977. – 156 с.
16. Мукимов Р.С. Зодчество Таджикистана (история архитектуры и строительного дела Таджикистана) / Р.С. Мукимов, С.М. Мамаджанова. – Душанбе: Мерос, 1990. – 240 с.
17. Негматов Н.Н. Государство Саманидов. – Душанбе: Дониш, 1977. – 279 с.
19. Пугаченкова Г.А. История искусств Узбекистана / Г.А. Пугаченкова, Л.И. Ремпель. – М.: Искусство, 1965. – 688 с.
18. Пугаченкова Г.А. Очерки искусства Средней Азии / Г.А. Пугаченкова, Л.И. Ремпель. – М.: Искусство, 1982. – 270 с.
20. Ремпель Л.И. Художественная культура Средней Азии IX – начала XIII вв. // Художественная культура Средней Азии IX–XIII веков. – Ташкент: Фан, 1983. – С. 4-29.
21. Хакимов А.А. Изобразительно-орнаментальные образы и мотивы прикладного искусства // Художественная культура Средней Азии IX–XIII веков. – Ташкент: Фан, 1983. – С. 90-111.
22. Шишкин В.А. Варахша. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 250 с.
23. Якубов Ю. Крепость Хульбук – модель дворца царей саманидской эпохи // Абулаббос Бахтиер и классические традиции культуры эпохи Саманидов. – Душанбе, 2025. – С. 176-199.
24. Lashkari Bazar. Une résidence royale ghaznévide et ghoride. – Paris: Diffusion de Bocard, 1978. – 198 p.

THE ARTISTIC LANGUAGE OF DECORATIVE AND APPLIED ARTS OF THE SAMANID ERA AND ITS SIGNIFICANCE FOR THE FORMATION OF THE TAJIK ARTISTIC TRADITION

Maitdinova Guzel

Doctor of Historical Sciences, Professor
of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy,
Director of the Center for Geopolitical Studies
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, str. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 935 31 63 33 (m.)
guzel-maitdinova@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the artistic language of decorative and applied arts of the Samanid era (9th–11th centuries) and its role in the formation of the Tajik artistic tradition. It examines the main forms of artistic expression characteristic of the culture of Mawarannahr: toreutics, ceramics, carving, small-scale plastic arts, epigraphy, and ornament. Particular attention is paid to the transformation of pre-Islamic Sogdian and Tocharistan motifs under the conditions of Islamic culture. It is shown that images of the pomegranate, the "tree of life", fantastic creatures, hunting scenes, and the royal feast not only retained their symbolic content but also acquired new decorative functions. The study analyzes the interaction between the figurative image, plant ornament, and the Kufic inscription, which gradually transformed into a crucial compositional element. It was precisely during the Samanid era that the artistic form ceased to be a carrier of exclusively religious or heroic meaning and became a space for aesthetic reflection, memory, and intellectual play. Subsequently, this feature would become characteristic of the entire Tajik artistic culture – from carved wood, ceramics, and embroidery to book miniature and architectural decor, where ornament always remains not merely a decoration, but a complex system of meanings hidden behind external beauty. The art of the Samanid era shaped the sustainable aesthetic principles of the Tajik artistic culture that have been preserved in the following centuries.

Keywords: Mawarannahr; Samanids; decorative and applied arts; toreutics; Sogdian art; ornament; Kufic inscription; Tajik artistic tradition; small-scale plastic arts; Islamic art.

ЗАБОНИ БАДЕИИ САНЪАТИ ОРОИШӢ-АМАЛИИ АҲДИ СОМОНИӢН ВА АҲАМИЯТИ ОН ДАР ТАШАККУЛИ СУННАТИ ҲУНАРИИ ТОҶИК

Майтдинова Гузел

доктори илмҳои таърих, профессори
кафедраи минтақашиносии хориҷӣ ва сиёсати хориҷӣ,
директори Маркази тадқиқоти геополитикӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 935 31 63 33 (м.)
guzel-maitdinova@mail.ru

Мақола ба таҳлили забони бадеии санъати ороишӣ-амалии аҳди Сомониён (асрҳои IX–XI) ва нақши он дар ташаккули суннати ҳунарии тоҷик бахшида шудааст. Дар он шаклҳои асосии ифодаи бадеии хоси фарҳанги Мовароуннаҳр, аз қабилҳои филизкорӣ (турбатика), кулолгарӣ, кандакорӣ, ҳайкалтарошии хурд (пластикаи хурд), хаттотӣ (эпиграфика) ва нақшунигор мавриди баррасӣ қарор гирифтаанд. Ба таҳаввули нақшҳои суғдӣ ва тахористонии пешазисломӣ дар шароити фарҳанги исломӣ таваҷҷуҳи махсус зоҳир шудааст. Нишон дода шудааст, ки тасвирҳои анор, «дарахти ҳаёт», мавҷудоти афсонавӣ, саҳнаҳои шикор ва базми шоҳона на танҳо мазмунӣ рамавии худро ҳифз кардаанд, балки вазифаҳои нави ороиширо низ соҳиб гаштаанд. Ҳамкориҳои мутақобилаи тасвири воқеӣ, нақшунигори наботӣ ва катибаи кӯфӣ, ки тадриҷан ба унсурҳои муҳимтарини композитсия табдил ёфтааст, таҳлил карда мешавад. Маҳз дар аҳди Сомониён шакли бадеӣ аз дорандаи танҳо маъноӣ динӣ ё қадимонад будан бозмемонад ва ба фазои инъикоси эстетикӣ, хотира ва бозии зеҳнӣ мубаддал мегардад. Дар оянда ин хусусият барои тамоми фарҳанги бадеии тоҷик – аз кандакориҳои рӯи ҷӯб, кулолгарӣ, гулдӯзӣ то миниатюраи китобӣ ва ороиши меъмории хос хоҳад буд, ки дар онҳо нақшунигор ҳамеша на танҳо як ороиши оддӣ, балки системаи мураккаби маъноҳои дар паси зебоии зоҳирӣ ниҳон ёфта мемонад. Санъати аҳди Сомониён усулҳои устувори эстетикӣ фарҳанги бадеии тоҷикро ташаккул дод, ки дар асрҳои минбаъда низ маҳфуз монданд.

Калидвожаҳо: Мовароуннаҳр; Сомониён; санъати ороишӣ-амалӣ; филизкорӣ (турбатика); санъати суғдӣ; нақшунигор; катибаи кӯфӣ; суннати ҳунарии тоҷик; пластикаи хурд; санъати исломӣ.

УДК 930.1:94(575.32)

ПРОТИВОСТОЯНИЕ АНГЛИИ И РОССИИ НА ПАМИРЕ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Пирумшоев Мунир Хайдаршоевич

доктор исторических наук, доцент
кафедры всеобщей и отечественной истории
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республики Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 935 27 77 37 (м.)
munir.85@mail.ru

В статье рассматривается англо-русское противостояние в Средней Азии, в том числе на Памире, в русской историографии XVIII – начала XX вв. Данная проблема находит свое освещение в многочисленных трудах, как русских, так и английских авторов. Разумеется, каждая из сторон стремилась приводить соответствующие аргументы в оправдание официальной политики своего государства в этом направлении. В стратегическом плане к середине XIX в. Памир стал занимать ключевую позицию в политике колониальных держав – Великобритании и России. В создавшейся ситуации на Памире всё больше ощущались рост англо-русского дипломатического противостояния, активизация китайцев, стремившихся определить границы на Памире исходя из своих интересов, и активные вооруженные действия афганцев в западно-памирских владениях. Из русских исследователей, причастных к вопросу англо-русского соперничества в Средней Азии, в частности на Памире, особое место занимали работы М.И. Венюкова, М.А. Терентьева, И.П. Минаева, Н.С. Баторского, Б.Л. Громбчевского, Ф.И. Лобысевича, Б.Л. Тагеева (Рустам-бека), А.Г. Серебренникова, В.Н. Зайцева, П.А. Риттиха, А.Е. Снесарева, М.В. Грулева, А.К. Разгонова, В.В. Бартольда и др.

Ключевые слова: Средняя Азия; Центральная Азия; Памир; Бадахшан; Афганистан; Кабул; Яркенд; средневековый; советский; европейский.

Исследование истоков англо-русского противостояния в Центральной Азии показывает, что данный геополитический процесс зародился задолго до завоевания и официального присоединения края к Российской империи. В контексте масштабного соперничества великих держав Памир и Бадахшан, обладавшие уникальным стратегическим положением, неизбежно оказались в центре международных событий. Превратив Индию в свою ключевую колонию, Великобритания стремилась вовлечь в орбиту

своего влияния Афганистан, а затем и государства Средней Азии. Именно это геополитическое стремление послужило мощным стимулом для активного сбора военно-географических, политических и социально-экономических сведений о регионе. Расширение британского влияния и попытки проникнуть вглубь Средней Азии через памирское направление позволили английским исследователям вплоть до середины XIX века удерживать лидирующие позиции в изучении Памиро-Бадахшанского региона.

Исходя из этого, Россия не могла оставаться в стороне, когда Англия активно действовала в стратегически важном районе Южной Средней Азии, известном как «Крыша мира». С 60-х годов XIX века ведущую роль в комплексном изучении Памира стали играть русские исследователи – в основном путешественники, представители военных и дипломатических кругов. Анализ сохранившихся документальных источников и научной литературы, посвященных внешней политике Британской и Российской империй до начала XX века, позволяет сделать вывод о том, что их противостояние продолжалось более двух столетий.

Соперничество этих двух империй в Средней Азии в целом и за овладение Памиром в частности занимало важное место в русской дореволюционной историографии. В этом плане особую ценность имеют работы М.И. Венюкова, М.А. Терентьева, И.П. Минаева, Н.С. Баторского, Б.Л. Громбчевского, Ф.И. Лобысевича, Б.Л. Тагеева (Рустам-бека), А.Г. Серебренникова, В.Н. Зайцева, П.А. Риттиха, А.Е. Снесарева, М.В. Грулева, А.К. Разгонова, А.В. Муханова, В.В. Бартольда и др. [1; 2; 4; 5; 8; 9–11; 14; 21–23; 29; 30; 33; 35; 36; 37].

Хотя каждый из перечисленных авторов заслуживает внимательного изучения, в рамках данной научной статьи будет достаточно кратко рассмотреть сведения, касающиеся противостояния Англии и России на Памире.

М.И. Венюков в контексте других проблем лишь поверхностно упоминает об англо-русских отношениях на Памире. С одной стороны, он осознаёт необходимость «протянуть линию русских оседлостей по северному подножью Гиндукуша и Паропамиза», но с другой – недвусмысленно указывает на невозможность пойти на такой шаг в силу того, что «после переговоров 1869-1873 годов с Англией у России, если не юридически, то нравственно и политически связаны руки» [5, с. 277].

М.А. Терентьев в своей книге «Россия и Англия в Средней Азии» [37, с. 361], довольно подробно характеризуя их политику в отношении региона от её истоков до середины 70-х годов XIX века, приложил максимум усилий, чтобы выявить причины обоюдных интересов, приведших к конфронтации между двумя империями. Связывая начало ревнивого отноше-

ния к России с экспансией Англии в Индии, автор обращает внимание на традиционный авантюристический подход английских правителей к расширению своих колониальных владений и пишет: «Англия пользовалась всяким случаем затевать на континенте Европы какую-нибудь ссору с государствами, имевшими колонии в Индии, и тотчас забирала эти колонии, устраняя таким нехитрым способом всех конкурентов» [37, с. 197]. «Нельзя сказать, – пишет он, – чтобы вслед за голландцами, французами и англичанами не думали и мы (т.е. Россия. – М.П.) добраться когда-нибудь до Индии». В качестве аргумента он приводит многие эпизоды из действий России по осуществлению данного намерения [37, с. 197-203].

Ценность данного исследования заключается в объективном анализе геополитической борьбы великих колониальных держав в Средней Азии, которая в известной степени затрагивала Памир и Бадахшан в период до начала 70-х годов XIX века.

Вероятности совместного похода Франции и России против Англии на индийском военном театре сравнительно более подробно посвящена книга подполковника Н.С. Баторского «Проект экспедиции в Индию» [2, с. 105-170]. Опираясь на многочисленные работы европейских и русских исследователей, а также на документальные источники, автор обстоятельно излагает наиболее важные исторические события, связанные с приходом к власти Наполеона и положением Индии под английским владычеством в конце XVIII – начале XIX вв. В работе раскрываются причины и суть подготовки совместного выступления двух держав. Автор приводит проект экспедиции, представленный Наполеоном российскому императору Павлу I [2, с. 40], суть которого заключалась в утверждении французского колониального господства в Индии взамен английского, и излагает подробности планов обоих императоров по осуществлению этого замысла [2, с. 63-64].

Особый интерес в этом отношении представляет дневник известного российского дипломата, военного деятеля и исследователя Памира Б.Л. Громбчевского, составленный им в ходе экспедиции 1889-1890 гг. [9]. Судя по сведениям, содержащимся в отчетах, путевых заметках и самом дневнике, Б.Л. Громбчевский ревностно охранял интересы России на Памире. Он неоднократно указывал высшим представителям дипломатических и военных кругов на необходимость оперативного военного решения вопроса о принадлежности памирских территорий Российской империи.

Особенно выпукло англо-русское противостояние на Памире прослеживается в военно-политическом очерке Б.Л. Громбчевского «Современное политическое положение Памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром» [11, с. 58]. Тщательно наблюдая политическую обстановку в ходе своей экспедиции 1889-1890 гг. на Памире, он пришёл к заключению о том, что «занятие англичанами в течение 1889 г. Чатрапар, Канджута и

Кашмира, словом, движение вперед по всей приграничной линии составляет не случайное явление, а строго обдуманый план обороны Индии, систематически приводимый в исполнение» [11, с. 48].

Поддержка Афганистана в занятии не только Чар-Вилаета и Бадахшана, но и памирских владений – Вахана, Шугнана, Рошана и Кафиристана – исходила из намерения Англии обезопасить северные рубежи Индии. Уместно отметить, что эти действия нарушали англо-русское соглашение 1872-1873 гг., согласно которому предусматривалось нераспространение российской сферы влияния на территории к югу от Амударьи (левый берег Пянджа), а афганской (британской) – на территории к северу от нее (правый берег) [11, с. 58].

Великобритания, осознавая трудности распространения своей власти в регионе, предпринимала усилия для укрепления позиций Китая и Афганистана на Памире. С этой целью летом 1890 года в Яркент была направлена экспедиция под руководством небезызвестного разведчика Ф. Янгхазбенда. Цель его поездки заключалась в ведении переговоров с представителями китайских властей о разделе Памира между Афганистаном и Китаем. По мнению Б.Л. Громбчевского, это не могло не затрагивать интересы России, считавшей Памир своим законным владением, поскольку «заявив Кокандское ханство, Россия естественно имела полное право занять и Памиры, т.е. встать твёрдой ногой на Гиндукуш» [11, с. 51]. Ко времени пребывания Б.Л. Громбчевского в регионе (1890-1891 гг.), согласно его наблюдениям, политические условия благоприятствовали решительным действиям России на Памире [11, с. 52-53].

Анализ сведений, содержащихся в работах Б.Л. Громбчевского, свидетельствует о взвешенном логическом подходе автора к оценке сложившихся в то время взаимно подозрительных отношений Англии и России, упорно защищавших свои геополитические интересы на Памире и вокруг него.

Ценные сведения о политической истории и социально-экономическом положении Шугнанского ханства, а также о его стратегическом значении как важного форпоста на приграничном рубеже главной колонии Великобритании – Индии, накопленные капитаном А.Г. Серебренниковым в ходе его пребывания на Памире в середине 90-х годов XIX века, содержатся в его работе «Очерки Шугнана» [35].

Указывая на стратегическую важность Памира для России, А. Г. Серебренников приводит убедительный аргумент о том, что «благодаря своему выдающемуся положению между китайским Кашгаром и северными провинциями Афганистана, он может иметь огромное значение в случае столкновения нашего с этими соседями» [35, с. 50]. Ещё более важно то обстоятельство, что «Памир граничит на юге с Индией, и, таким образом,

здесь мы входим в непосредственное соприкосновение с индийскими владениями Англии. Последнее обстоятельство, весьма нежелательное для Англии, имеет громадное значение и может оказать существенное влияние на характер наших отношений с Англией в Средней Азии» [35, с. 50].

Вопросы, связанные с англо-русским противостоянием в Средней Азии, занимают заметное место и в работе русского исследователя Ф. И. Лобысевича «Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях» [21]. В целом ценность содержащегося в работе Ф.И. Лобысевича материала, который касается российско-среднеазиатских отношений как до присоединения края, так и в ходе водворения российской власти до конца 70-х годов XIX века, не вызывает сомнения. Естественно, события, связанные с завершением присоединения края и усилением противостояния этих двух империй на Памире, оказались вне хронологических рамок книги указанного автора.

Особый интерес в историографии Памира представляет книга начальника Памирского отряда и «заведующего Памирским населением» на правах уездного начальника, полковника (впоследствии генерал-майора) В. Н. Зайцева (1851-1931) «Памирская страна – центр Туркестана» [14, с. 78]. В книге автор лаконично и последовательно приводит данные древних и средневековых путешественников, посетивших Памир и в той или иной степени оставивших свидетельства об этом загадочном горном крае.

Интересные сведения приводятся о непрекращающемся противодействии со стороны Англии в ходе присоединения Памира к России. Российские наступательные действия в этом направлении серьёзно усилили опасения Лондона. «В последнее десятилетие (с середины 80-х до первой половины 90-х годов. – М.П.), – пишет В.Н. Зайцев, – Памир наделал много шума только потому, что там, в узле границ Китая, Индии, Афганистана и Бухары, столкнулись весьма условные интересы двух великих держав – России и Англии» [11, с. 66].

Автор на основе опубликованных в периодических изданиях статей приводит мнения ряда английских представителей военно-дипломатических кругов (Н.В. Ганна, Ричарда Темпля, Чельмздорфа и др.), которые пытались доказать явный перевес Англии в защите Индии от вероятного нападения со стороны России. С другой стороны, В.Н. Зайцев разделяет позицию отечественных специалистов, хорошо знакомых с политической обстановкой на Памире, и, в частности, всецело выражает согласие с мнением знатока края Д.Л. Иванова. Последний указывал на то, что наряду с укреплением позиций русских отрядов на Памире необходимо завоевывать доверие и симпатии местного населения, что и станет залогом общего успеха [11, с. 66-68].

В заключение В.Н. Зайцев, как бы подытоживая свои взгляды на необходимость твёрдого присутствия России на Памире, пишет: «хотя Памир и не представляет важного в государственном отношении пункта, нам на Памирской вышке необходимо всегда иметь культурного сторожа и утверждать своё влияние до естественной границы Гиндукуша» [11, с. 75].

Историю русско-английского противостояния не обошёл и русский штабс-капитан П.А. Риттих [30, с. 89]. Перечисляя неосуществленные проекты совместного с Францией вторжения России в Индию для нанесения поражения Англии на этом театре военных действий и описывая обострение соперничества в ходе присоединения Средней Азии к России, он указывает на неизбежность военного столкновения двух держав. П.А. Риттих пишет: «Когда состоится наш поход на Индию, неизвестно, но твёрдо известно всем и каждому, что покуда существуют Россия и Англия, вековая рознь между обоими государствами неизбежна. В течение истекшего столетия (XIX век. – М.П.) 6 раз отношения между обоими государствами были так обострены, что или приводили к открытому разрыву, или к закулисной участию Англии в войнах с Россией...

Если мы хотим фактического мира с Англией или, вернее, хотим, чтобы она была сговорчивее и послушнее в Европе, то нам нет для этого другого выхода и средства, как только готовиться к войне с Англией или к походу на Индию» [30, с. 85].

Интерес представляет анализ российско-английского противостояния, содержащийся в работе известного русского и советского востоковеда, председателя Среднеазиатского отдела Общества востоковедения А. Е. Снесарева (1865-1937) «Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе» [35, 24]. Прослеживая историю геополитической заинтересованности Великобритании в Средней Азии, учёный указывает на успехи английских офицеров, путешественников-добровольцев и, наконец, пундитов, которые «искрестили территорию Средней Азии по всем интересным направлениям» [35, с. 5]. Далее автор последовательно приводит сведения о британских миссиях: в 1809 году – поездке М. Эльфинстона с группой исследователей (Р. Страчи, Фрейзер, Макартни, Кёнингейм, Ирвин); в двадцатые годы – Муркрофта, Требека, Массона и Стирлинга; в тридцатые годы – Вина и Бёрнса, которых сопровождали доктор Лорд и лейтенант Вуд. Всем им удалось собрать ценные сведения о Средней Азии в целом и Памире в частности. В связи с этим, как выразился А. Е. Снесарев, в сравнении с ними наши сведения «едва ли выдержат сравнительную критику» [35, с. 9].

Согласно мнению А.Е. Снесарева несмотря на обширное знакомство с краем, единственное, что настораживает Англию, – это вероятность нашего завоевания Индии, хотя «со стороны России на официальном

уровне не выдвигались резкие выпады касательно практического осуществления данного намерения» [35, с.27].

Анализу англо-русского противостояния в Средней Азии, в частности на Памире, посвящена работа М.В. Грулева «Соперничество России и Англии в Средней Азии» [12]. В книге последовательно изложена история соперничества двух колониальных империй на азиатском континенте. Автор начинает с краткого исторического очерка их поступательного движения в регионе с XVI века и доходит до утверждения господства Великобритании в Индии, положившего начало масштабному противостоянию держав в Средней Азии. Далее в работе рассматривается нарастание взаимных подозрений как накануне, так и в ходе присоединения среднеазиатских территорий к России. Особое место исследователь отводит англо-русскому соперничеству на Памире вплоть до завершения процесса территориального разграничения.

Характеризуя особенности колониального расширения России, автор пишет: «Благоприятные географические условия в соединении – как сейчас увидим – с основным характером исторического роста России на её окраинах и привели к созданию обширнейшего сплошного государства, в котором окраины и ядро связаны между собой так же крепко и органически, как ветви и ствол одного дерева» [12, с. 2].

Для убедительной демонстрации опасений Великобритании относительно вероятности военного нападения России на Индию через Памир [12, с. 65] М. В. Грулев опирался на мнение вице-короля Индии лорда Керзона о том, что «русские стали твёрдой ногой в очень близком соседстве с нами, и будет непростительной оплошностью прозевать их вблизи» [12, с. 69-70]. Как видно, Англия опасалась вероятности вторжения России в Индию даже после подписания разграничительного договора 1895 года.

Капитан А.К. Разгонов в своей книге «По Восточной Бухаре и Памиру» также рассматривал вопрос англо-русского противостояния [29]. Согласно мнению автора, важность политического и военного значения Памира «заключается в его географическом положении в месте встречи трёх империй: России, Китая и Англо-Индии с Афганистаном. Такое срединное положение Памира является причиной того политического и военного интереса, который он представляет. Протягиваясь от наших границ на юг к стороне Индии, он является нашим (т.е. российским. – М.П.) естественным окном туда» [29, с. 95].

По мнению А. К. Разгонова, Великобритания по-прежнему стремилась расширить северные границы Индии за счёт Памира. Осуществляя этот план, англичане намеревались овладеть Бадахшаном, Ваханом и Сарыколом. Заняв Памир, они могли приобрести тактическое преимущество по отношению к российскому «операционному направлению Куляб – Файзабад–Пешавар. Если мы (т.е. русские. – М.П.) перейдём на Памир в

наступление, то получаем те же выгоды; роня престиж англичан в северной Индии, мы можем поднять там восстание и угрожать их тылу у Пешавера» [29, с. 111-112].

Ценность книги А.К. Разгонова заключается также в том, что в ней даётся описание путей с обстоятельным анализом их стратегической значимости в случае возникновения необходимости военных операций.

Знающий Памир не понаслышке, Б.Л. Тагеев (Рустам-бек) не мог обойти вопросы, касающиеся англо-русского противостояния на Памире. За время своего двенадцатилетнего пребывания в Туркестане и участия в Памирском походе он накопил богатый материал о политической и социально-экономической жизни Средней Азии в целом и Памира в особенности. Это позволило исследователю опубликовать в периодической печати десятки статей о Памирских походах русских отрядов. Среди его трудов особую ценность представляет книга «Памирские походы 1892-1895 гг.» [36].

Пытаясь разобраться в причинах появления памирского вопроса, автор указывает: «Что послужило поводом к зарождению нового пресловутого памирского вопроса, повлёкшего за собой целый ряд военных движений в дебри Памира и сложную дипломатическую работу? На это есть ответ — англичане» [36, с. 6]. Затем, прослеживая историю ревностного отношения Великобритании к политике России в Средней Азии после неудачного похода В.А. Перовского в Хиву в 1839 году, он отмечает, что в ходе завоевания и присоединения края к России англо-русские отношения дошли до уровня открытого военного противостояния. Это особенно выпукло прослеживалось на Памире.

В исследовании приводится подробная информация о жестоких действиях афганцев на Памире, а также об ожиданиях местных жителей, связанных с приходом российских войск. Автор показывает, как в ходе разведывательных экспедиций русские отряды вынудили англичан отступить и нанесли поражение афганским силам в прямых столкновениях.

Автором подробно изложены результаты рекогносцировочной работы русских военных отрядов во главе с полковником М.Э. Ионовым, капитаном А.Э. Скерским и капитаном С.П. Ванновским. С их деятельностью связано возведение первых русских укреплений на Памире. В работе уделено особое внимание мужественным действиям Б.Л. Громбчевского, М.Э. Ионова, поручика А.К. Бржезицкого и капитана П.А. Кузнецова по выдворению британского офицера-разведчика Ф. Янгхазбенда, а также нанесению ощутимого удара по афганским отрядам и дипломатическому ослаблению притязаний Китая на Памире [36, с. 19-80]. Заключительная часть книги посвящена общему обзору вопросов, связанных с территориальным разграничением Памира в 1895 году.

Вышеприведённые мнения русских авторов о причинах и ходе складывания англо-русского противостояния на Памире всецело поддерживает полковник А.В. Муханов. В его труде «Памирский район» [23], наряду с описанием географического и социально-экономического положения Памира конца XIX – начала XX вв., приводятся ценные сведения касательно стратегической значимости региона в случае обострения англо-русского военного соперничества. Автор, упоминая напряженность в отношениях между двумя державами, указывает на опасения Великобритании относительно вероятности начала военных действий России со стороны Памира в направлении северных провинций Индии. «Угроза походом в Индию, – пишет он, – это наш естественный отпор Англии на посягательства её на наши интересы». Далее, указывая на то, что в 90-е годы обстановка на Памире сильно изменилась в благоприятную для России сторону, он предлагает использовать этот фактор как средство давления на Лондон. «Памирский район, – отмечает он, – имеет для нас выдающееся значение как и всё то, что связано с походом в Индию. Поход этот единственный рычаг, коим мы можем в нужных случаях оказывать давление на Англию» [23, с. 32]

Разумеется, можно продолжить перечень работ, которые в той или иной степени содержат сведения о соперничестве и порой военном противостоянии Англии и России на Памире, однако их смысл в совокупности сводится к повторению содержания трудов вышеприведённых авторов. К тому же материалы, содержащиеся в работах упомянутых исследователей, большинство из которых являлись непосредственными участниками или очевидцами событий, послужили важными источниками для последующих ученых, изучавших историю англо-русского соперничества в Средней Азии в целом и на Памире в частности. Это ярко выражено в содержании серьёзных монографических исследований Б.Г. Гафурова, Н.А. Халфина, Б.И. Искандарова, Г.А. Хидоятова, О.Б. Бокиева, А.В. Постникова, Х. Пирумшоева [3; 7; 15; 26; 28; 39; 40; 41; 42] и др. Указанные авторы путём сопоставительного анализа объективно и обстоятельно раскрыли причины англо-русского противостояния, детально осветив схватку этих держав на «Крыше мира» вплоть до заключения соглашения о памирском разграничении 1895 года и после него. Также уместно упомянуть нашу работу «Памир в русской историографии второй половины XIX – начала XX вв.», в которой даётся историографический анализ англо-русского противостояния на Памире [25].

Данная проблема занимает заметное место и в обобщающих коллективных фундаментальных трудах республик Средней Азии советского и постсоветского периодов [16; 18; 17]. Она продолжает привлекать пристальное внимание современных исследователей, свидетельством чему являются диссертационные работы более молодого поколения учёных [19; 34; 20; 13; 32].

Но несмотря на кажущееся обилие трудов, посвящённых англо-русскому противостоянию в Средней Азии, современная историческая реальность в очередной раз свидетельствует о ревностном сохранении геополитических намерений Великобритании, идущих вразрез с интересами России в регионе. Всё это диктует необходимость более обстоятельного поэтапного исследования истории противостояния этих двух держав в Средней Азии в целом и на Памире в частности. Только при таком подходе можно выявить причины сохранения геополитического интереса Лондона к региону после ликвидации его колониальной системы.

Таким образом, как явствует из содержания вышеупомянутых работ русских авторов, Средняя Азия находилась в поле интересов России и Великобритании еще с середины XVI века. Однако их открытое противостояние в этом регионе берет свое начало в XVIII столетии. Несмотря на отдельные призывы к совместным действиям Англии и России по колониальному освоению восточных регионов, включая Среднюю Азию, в трудах русских исследователей наблюдается явный перевес мнений о необходимости непримиримой борьбы против экспансионистских намерений Лондона. Это соперничество приобрело особый размах по мере окончательного утверждения колониальной зависимости Индии от Великобритании и параллельного присоединения среднеазиатских территорий к Российской империи. В данном контексте Памир стал одним из ключевых объектов их геополитического противостояния. По мере продвижения России к Памиру в британских правительственных и военно-дипломатических кругах нарастали опасения относительно вероятности организации русского военного похода в Индию, главный маршрут которого, по мнению англичан, пролегал через Памир в северные районы этой ключевой британской колонии.

Литература

1. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России/ отв. ред. Б.Г. Гафуров.; Сочинения: в 9 т. – Т. IX: Работы по истории востоковедения. – М.: Наука, 1977. – С. 197-482.
2. Баторский Н.С. Проект экспедиций в Индию, предложенных Наполеоном Бонапарте императорам Павлу и Александру I в 1800 и в 1807–1808 годах // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии / под ред. В.И. Филиппова. – СПб.: Военно-ученый комитет Главного штаба, 1892. – Вып. XXIII. – С. 1–104.
3. Бокиев О.Б. Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памира и Горного Бадахшана к России / отв. ред. А.М. Мухтаров. – Душанбе: Ирфон, 1994. – 272 с.
4. Венюков М.И. Исследования англичан в бассейнах Аму-Дарьи // Туркестанские ведомости. – 1875. – № 51.

5. Венюков М.И. Очерк международных вопросов в Азии // Россия и Восток: Собрание географических и политических статей М. Венюкова. – СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1877. – 297 с.
6. Гарбузарова Е.Г. Геополитический аспект противостояния Российской и Британской империй в Центральной Азии в XIX веке: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Бишкек, 2010. – 23 с.
7. Ёафуров Б.Ё. Точикон. Таърихи кадимтарин, кадим, асри миёна ва давраи нав. – 4-ум нашр. – Душанбе: Нашриёти муосир, 2020. – 960 с.
8. Головина Ю.Д. На Памирах. Записки русской путешественницы. – М.: Тип. М. О. Агтая, 1902. – 244 с.
9. Громбчевский Б.Л. Дневник экспедиции в Дарваз, на Памиры, в Раскем и Северо-Западный Тибет 1889–1890 / под ред. М.Клудовского. – Познань, 2017. – 601 с.
10. Громбчевский Б.Л. О путешествии 1889-1890 гг. (Доклад капитана Б. Л. Громбчевского, читанный в экстерном собрании ИРГО, 10 января 1891 г.) // Известия Императорского Русского географического общества. – 1891. – Т. XXVII. – С. 97–118.
11. Громбчевский Б.Л. Современное политическое положение Памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром. Военно-политический очерк. – Новый Маргелан, 1891. – 58 с.
12. Грулев М.В. Соперничество России и Англии в Средней Азии. – СПб.: Тип. В. Березовского, 1909. – 380 с.
13. Данков А.Г. Отечественная и британская историография о соперничестве России и Великобритании в Центральной Азии (XIX – начало XXI вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. – Томск, 2008. – 27 с.
14. Зайцев В.Н. Памирская страна – центр Туркестана. Историко-географический очерк // Ежегодник Ферганской области / под ред. В.Н. Зайцева. – Новый Маргелан, 1903. – Т. II. – С. 1–78.
15. Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. / отв. ред. Х. Пирумшоев. – 3-е изд. – Душанбе: Андалеб Р, 2015. – 664 с.
16. История народов Узбекистана. - Т. 2. От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской Социалистической Революции / под ред. С.В. Бахрушина, В.Я. Непомнина, В.А. Шишкина. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1947. – С. 245–252.
17. История таджикского народа. - Т. IV. Позднее средневековье и новое время (XVI в. – 1917 г.) / под ред. Р.М. Масова. – Душанбе: Дониш, 2010. – С. 461–469, 654–665, 692–696.
18. История Узбекской ССР: в 2 т. / гл. ред. С.П. Толстов. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1956. – Т. I, кн. 2. – С. 54–59
19. Каландарова М.С. Геополитика Англии в Центральной Азии в 20–30-е годы XIX в. (По материалам экспедиции А. Бёрнса в Бухару в 1831 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 – М., 1995. – 19 с.
20. Кубанов К.Х. Походы в Индию в проектах российских военных и политических деятелей XVIII – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Нижневартовск, 2007. – 29 с.
21. Лобысевич Ф.И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях. Дополнительный материал из истории Хивинского похода 1873 г. (Из официальных источников). – СПб.: Тип. Ф. Сушчинского, 1900. – 205 с.

22. Минаев И.П. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1879. – VIII, 242 с.
23. Муханов А.В. Памирский район. – Ташкент: Издание Штаба Туркестанского военного округа, 1912. – 86 с. –
24. Пирумшоев М.Х. А.Е. Снесарев – исследователь Средней Азии // Вестник Таджикского государственного педагогического университета. – Душанбе, 2021. – № 5 (94). – С. 190–198.
25. Пирумшоев М.Х. Памир в русской историографии второй половины XIX – начала XX вв. / отв. ред. Х. Пирумшоев. – Душанбе: РТСУ, 2012. – С. 73–128.
26. Пирумшоев Х. Российско-среднеазиатские отношения XVI – середины XIX веков в русской историографии / отв. ред. Н.Б. Хотамов. – Душанбе: Маориф, 2000. – С. 287–301.
27. Пирумшоев Х. Россия – Таджикистан: история взаимоотношений / Х. Пирумшоев, М. Маликов; [отв. ред. М.С. Имомов]. – Душанбе: РТСУ, 2009. – С. 173–187, 285–314.
28. Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX в. / А.В. Постников; [памяти О.Ф. Акимушкина]. – М.: РИПОЛ классик, 2005. – 512 с.
29. Разгонов А.К. По Восточной Бухаре и Памиру. – Ташкент: Типолитография Штаба Туркестанского военного округа, 1910. – 230 с. + прил. карт.
30. Риттих П.А. Афганский вопрос (военно-географический и политический этюды): на правах рукописи. – СПб.: Тип. В. Березовского, 1905. – 89 с.
31. Рудницкий А.Ю. Этот грозный Громбчевский... Большая игра на границах империи. – СПб.: Алетейя, 2013. – С. 178–180.
32. Сальникова А.В. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в последней трети XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Иваново, 2009. – 23 с.
33. Серебренников А.Г. Очерки Шугнана // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – СПб.: Военно-ученый комитет Главного штаба, 1903. – Вып. IXX. – С. 1–52.
34. Смирнова Л.М. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в 70–90-е годы XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – СПб., 2004. – 27 с.
35. Снесарев А.Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1906. – 173 с.
36. Тагеев Б.Л. (Рустам-бек). Памирские походы 1892–1895 г. Десятилетие присоединения Памира к России. – Варшава: Тип. Окружного штаба, 1902. – 163 с.
37. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии: в 3 т. – СПб.: Типолитография В.В. Комарова, 1906. – Т. I. – 510 с.; - Т. II. – 547 с.; - Т. III. – 496 с.
38. Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. – СПб.: Тип. П.П. Меркульева, 1875. – 361 с.
39. Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857–1868 гг.) / отв. ред. И.С. Кашкин. – М.: Изд-во восточной литературы, 1960. – 272 с.
40. Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.) / АН СССР, Ин-т народов Азии. – М.: Наука, 1965. – 468 с.
41. Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.) / отв. ред. Ю.А. Петросян. – М.: Наука, 1974. – 408 с.
42. Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-е гг.) / отв. ред. А.Х. Бабаходжаев. – Ташкент: Фан, 1969. – 456 с.

THE CONFRONTATION BETWEEN ENGLAND AND RUSSIA IN THE PAMIRS IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Pirumshoev Munir Khaidarshoevich

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of General and National History
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, str. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 935 27 77 37 (m.)
munir.85@mail.ru

The article examines the Anglo-Russian confrontation in Central Asia, including the Pamirs, in Russian historiography of the 18th to the early 20th centuries. This problem is reflected in numerous works by both Russian and English authors. Naturally, each side sought to provide relevant arguments to justify the official policy of its state in this direction. Strategically, by the middle of the 19th century, the Pamirs began to occupy a key position in the policy of the colonial powers - Great Britain and Russia. In the current situation in the Pamirs, the growth of the Anglo-Russian diplomatic confrontation, the activation of the Chinese, who sought to determine the borders in the Pamirs based on their interests, and the active armed actions of the Afghans in the West Pamir possessions were increasingly felt. Among the Russian researchers involved in the issue of Anglo-Russian rivalry in Central Asia, particularly in the Pamirs, a special place was occupied by the works of M. I. Venyukov, M. A. Terentyev, I. P. Minaev, N. S. Batorsky, B. L. Grombchevsky, F. I. Lobysevich, B. L. Tageev (Rustambek), A. G. Serebrennikov, V. N. Zaytsev, P. A. Rittikh, A. E. Snesev, M. V. Grulev, A. K. Razgonov, V. V. Barthold, and others.

Keywords: Central Asia; Middle Asia; the Pamirs; Badakhshan; Afghanistan; Kabul; Yarkand; medieval; Soviet; European.

ЗИДДИЯТИ АНГЛИЯ ВА РУСИЯ ДАР ПОМИР ДАР ТАЪРИХНИГОРИИ РУС

Пирумшоев Мунир Хайдаршоевич

доктори илмҳои таърих, дотсенти
кафедраи таърихи умумӣ ва ватании,
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 935 27 77 37 (м.)
munir.85@mail.ru

Дар мақола зиддияти Англия ва Русия дар Осиёи Миёна, аз ҷумла дар Помир, дар таърихнигории русии асри XVIII – аввали асри XX баррасӣ мешавад. Ин масъала дар асарҳои сершумори ҳам муаллифони рус ва ҳам англис инъикос ёфтааст. Албатта, ҳар як тараф кӯшиш мекард, ки барои сафед кардани сиёсати расмӣ давлати худ дар ин самт далелҳои дахлдор оварад. Аз назари стратегӣ, то нимаи асри XIX Помир дар сиёсати давлатҳои мустамликадор - Британияи Кабир ва Русия мавқеи калидиро ишғол намуд. Дар вазъияти бавучудода дар Помир афзоиши зиддияти дипломатии Англия ва Русия, ғайбшавии чиниҳо, ки кӯшиш мекарданд сарҳадҳоро дар Помир дар асоси манфиатҳои худ муайян кунанд, ва амалиёти ғайбӣ мусаллаҳонаи афғонҳо дар мулки Помири Ғарбӣ бештар эҳсос мешуданд. Аз муҳаққиқони рус, ки ба масъалаи рақобати Англия ва Русия дар Осиёи Миёна, хусусан дар Помир, таваҷҷуҳ зоҳир карда буданд, асарҳои М. И. Венюков, М. А. Терентьев, И. П. Минаев, Н. С. Баторский, Б. Л. Громбчевский, Ф. И. Лобысевич, Б. Л. Тагеев (Рустам-бек), А. Г. Серебренников, В. Н. Зайцев, П. А. Риттих, А. Е. Снесарев, М. В. Грулев, А. К. Разгонов, В. В. Бартольд ва дигарон мавқеи махсусро ишғол мекарданд.

Калидвожаҳо: Осиёи Миёна; Осиёи Марказӣ; Помир; Бадахшон; Афғонистон; Кобул; Ёрканд; асрҳои миёна; шӯравӣ; аврупоӣ.

УДК 94(575.3)«192» : 792.03

**РОЛЬ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ
В СОЗДАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ТАДЖИКСКОГО
ТЕАТРА В 1920-Е ГОДЫ В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА
Н. Х. НУРДЖАНОВА**

Раджабов Тоджиддин Холмуродович

кандидат исторических наук, старший преподаватель
кафедры философии и гуманитарных наук
Академия государственного управления
при Президенте Республики Таджикистан
734003, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. Саида Носира, 33
Тел: (+992) 93 001 75 40 (м.)
tojiddinrajabov11@gmail.com

В данной статье исследуется роль советской культурной политики в процессе становления профессионального таджикского театра в 1920-е годы на основе научных трудов доктора искусствоведения, профессора Н.Х. Нурджанова. Также анализируются исторические и культурные предпосылки возникновения таджикского советского театра, влияние русской, узбекской, азербайджанской, татарской и армянской театральных традиций на формирование национального сценического искусства. Отмечается, что становление таджикского театра происходило в тесной связи с культурными центрами Средней Азии – Самаркандом, Бухарой и Ташкентом, где начинали свою деятельность будущие таджикские актёры, драматурги, музыканты и режиссёры. На основе исследований Н.Х. Нурджанова раскрывается значение народного творчества, искусства масхарабозов и музыкально-драматических кружков, ставших важной основой для появления профессионального театра.

Особое внимание уделяется деятельности первых любительских театральных коллективов Худжанда, Исфары, Истаравшана, Самарканда и Бухары, их репертуару и художественным особенностям. Показано, что ранняя драматургия носила преимущественно агитационно-просветительский характер, затрагивая темы социального неравенства, борьбы с феодальными пережитками, религиозным фанатизмом, многожёнством и бесправием женщин. Автор подчёркивает, что, несмотря на художественную схематичность первых пьес, они сыграли важную роль в формировании общественного сознания и развитии национальной культуры. Также в статье рассматривается роль театра в распространении идей советской власти среди населения. Отмечается вклад русских режиссёров и театральных коллективов в этот процесс, благодаря которому таджикский театр прошёл сложный путь развития – от небольших самодеятельных кружков до профессионального государственного театра.

Ключевые слова: советская культурная политика; таджикский театр; профессиональный театр; Н.Х. Нурджанов; театральное искусство; народное творчество; масхарабозы; музыкально-драматические кружки; любительские театральные коллективы; агитационно-просветительская драматургия; национальная культура; Самарканд; Бухара.

С победой Октябрьской революции и установлением Советской власти перед таджикским народом открылись широкие возможности для развития дружбы и сотрудничества с народами СССР и зарубежных стран. В Таджикистане начали осуществляться первые мероприятия в области культуры: новая власть развивала экономику, боролась за просвещение населения и освобождение от пагубного влияния религиозного фанатизма, внушавшего людям недоверие к социалистическим преобразованиям.

Как известно, с 1917 по 1924 г. Таджикистан входил в состав Туркестанской республики, а с 1924 по 1929 г. входил в Узбекскую ССР как автономная республика. В те годы основными центрами развития новой социалистической культуры наряду с Ташкентом были Самарканд и Бухара, в которых, как мы знаем, преобладало таджикское население. В этих древнейших городах веками воздвигались памятники архитектуры, создавались произведения прикладного, музыкального и хореографического искусства. Здесь жили и творили таджикские ученые, поэты и писатели прошлого и современности: Рудаки, Ибн Сино, Сайидо, Ахмад Дониш, С. Айни и др. На этой территории образовался современный таджикский литературный язык. Эти древние города после проведения национально-территориального размежевания народов Средней Азии (1924) вошли в Узбекскую ССР. Естественно, что таджикская интеллигенция этих культурных центров древней таджикской государственности до появления своего профессионального театра принимала самое активное участие в создании и укреплении узбекского советского театрального искусства. В качестве примера доктор искусствоведения, профессор Н. Х. Нурджанов приводит имена будущих таджикских драматургов – М. Юсуфбекова, А. Усмонова, А. Дехоти, Дж. Икромии, композиторов – А. Камолова, З. Шахиди, Ш. Бобокалонова, профессиональных артистов – Х. Махмудова, Г. Бакоевой, С. Туйбоевой, М. Саидова, А. Саидова, О. Зиёева, А. Бурхонова, Х. Рахматуллоева [8, с. 25], которые начали свое творчество в самодеятельных и профессиональных театрах Узбекистана. Они работали там с 1918 по 1936 г., а после создания таджикского театра в Душанбе переехали в Таджикистан.

Несомненно, на рождение советского таджикского театра большое влияние оказал русский театр, что профессор Н. Х. Нурджанов неизменно

отмечает в своих работах. Он писал: «Используя народные художественные традиции, советский таджикский театр вместе с тем воспринял через русский театр неизвестную таджикам форму европейского театра, его художественный стиль, процесс создания спектакля, революционную романтику и пафос» [8, с. 42]. Н. Х. Нурджанов имел в виду, что с установлением советской власти и формированием нового социалистического искусства возникли новые темы и персонажи. На подмостках появились фигуры комсомольцев, учителей, врачей, работников советских учреждений. Однако исследователь указывает и на недостатки этих сценических характеров: «В обрисовке новых положительных образов обычно не было развития, сразу показывался результат хороших поступков героя. Новый герой не имел индивидуальных черт, но он всегда был наделен рядом общих положительных качеств и обладал пусть схематичным, но отчетливо выраженным характером. В созданных исполнителями образах отсутствовал подробный психологический анализ. Новые темы и идеи требовали многообразия и глубины характеров. Нарождающаяся таджикская драматургия не в силах была решить эту задачу» [8, с. 42-43].

На наш взгляд, эти слова характеризуют Н. Х. Нурджанова не только как исследователя, но и как истинного интернационалиста, выступающего за дружбу между народами. Нужно особо подчеркнуть, что незаслуженно забытые и отодвинутые на второй план идеи интернационализма на современном этапе развития человечества актуальны как никогда. Также в своих исследованиях Н. Х. Нурджанов всегда с теплотой отзывался об узбекском народе. Он отмечал, что «после Октябрьской революции культурные связи узбекского и таджикского народов, уходящие своими корнями еще в прошлые века, развивались на основе братского сотрудничества и взаимопомощи, что способствовало взаимному обогащению социалистической национальной культуры. Непосредственная связь узбекского и таджикского народов проявлялась не только в быту, хозяйстве и экономике, но и в области художественного творчества, обладающего многими общими чертами, сближающими искусства обоих народов. Эти условия обеспечили в дальнейшем непрерывный процесс взаимообогащения культуры и искусства этих народов» [8, с. 25].

Н. Х. Нурджанов отмечает, что «период зарождения таджикского театра и драматургии является в значительной степени общим для истории таджикской и узбекской советской культуры. Поэтому процесс зарождения таджикского театра и драматургии невозможно рассматривать в отрыве от истории узбекского театра этого периода... Именно в Самарканд и Бухару (наряду с Ташкентом и городами Ферганской долины) раньше, чем в южную и восточную части Таджикистана, проникла передовая русская театральная культура, которая оказала благотворное воздействие на зарождение и развитие узбекского советского искусства. В дальнейшем эта куль-

тура начала распространяться и на Таджикистан, в первую очередь – на северные его районы, расположенные ближе к Ташкенту, Самарканду, Коканду, Фергане, где еще с конца XIX в. начали выступать приезжие труппы – русские, азербайджанские, татарские, армянские» [8, с. 25]. Следовательно, по словам Н. Х. Нурджанова, «советский таджикский театр возник и сложился под воздействием русского искусства, опыта азербайджанских, татарских, армянских трупп и узбекского театра. Источником таджикского советского профессионального сценического искусства и драматургии являются также развитые традиции народного творчества» [8, с. 26].

Кроме того, согласно исследованиям Н. Х. Нурджанова, большое влияние на зарождение профессионального таджикского и узбекского театров оказали русские передвижные театры и агитпоезда в годы Гражданской войны в Туркестане. Это отмечали и другие авторы [1, с. 92]. О раннем периоде становления таджикского театра писали и другие исследователи, на труды которых ссылался Н. Х. Нурджанов. В частности, одним из организаторов современного таджикского профессионального театра был Хомид Махмудов [16, с. 200-201]. О гастролях кокандской труппы во главе с Хамзой Хакимзаде Ниязи (1889-1929) на протяжении лета 1920 г. в Истаравшане, Исфаре, Канибадаме и Худжанде писали и узбекские исследователи [16, с. 187-188]. Хамза руководил Кокандским окружным театром; он несколько раз бывал в Исфаре и посещал местный театр, организованный в 1920 году.

Начиная с середины 1920-х гг. интерес к театральному искусству стал повсеместно возрастать. При школах, техникумах, комсомольских организациях различных учреждений Таджикистана начали создаваться кружки самодеятельности. Примечательно, что далеко не во всех любительских коллективах республики участвовали женщины. Репертуар состоял из народных песен, мелодий и стихов, преимущественно принадлежавших перу А. Лахути. Кружковцы сами сочиняли маленькие пьесы на злобу дня, высмеивая в них баев, ишанов, мулл, осуждая многоженство и принудительные браки [8, с. 60]. В создании и росте этих объединений важную роль сыграли местные кадры, вернувшиеся после окончания учебы из Ташкента, Самарканда, Москвы и Баку [8, с. 60].

Н. Х. Нурджанов исследует сложный путь зарождения и становления таджикского профессионального театра, не отрывая его от единой социалистической театральной культуры. Учёный зафиксировал и проанализировал деятельность всех музыкально-драматических коллективов и кружков художественной самодеятельности, которые предшествовали созданию государственного театра и на базе которых выросли будущие известные актеры.

Согласно выводу Н. Х. Нурджанова, «в ... – Худженде, Канибадаме, Ура-Тюбе, Исфаре, Бухаре, Самарканде нашлись энтузиасты – передовая часть интеллигенции, молодежь, которые под воздействием русского театра, профессионального сценического искусства узбеков, азербайджанцев, татар, армян создали в 1919-1921 гг. собственный театр» [9, с. 28-29].

По данным исследователя, любительские коллективы в Худжанде и Истаравшане создавались под влиянием самаркандского таджикского любительского театра. В 1918 и начале 1920-х годов в здании городского театра Самарканда выступали русские, украинские, армянские, еврейские и венгерские любительские труппы. Приезжали европейские коллективы и из других регионов. Кульминационным моментом для Самарканда Н. Х. Нурджанов считал «появление таджикских и узбекских кружков художественной самодеятельности, создание первых в истории национального искусства очагов культуры» [9, с. 29].

Н. Х. Нурджанов в своем монографическом исследовании подробно описал создание и деятельность культурных учреждений, которые способствовали рождению профессионального таджикского театра. Так, 6 апреля 1919 г. в Самарканде был открыт Пролетарский музыкальный дом [2, с. 8], а при районном отделе народного образования Боги Шимол организована любительская труппа, называвшаяся мусульманским театром, или музыкально-драматическим обществом. Труппа состояла в основном из учителей и ремесленников-иранцев, говоривших по-азербайджански. В те годы в районе Боги Шимол жило свыше трех тысяч иранцев, приехавших сюда в разное время и по разным причинам [9, с. 29]. Осенью 1920 г. работники просвещения района Боги Шимол организовали персидско-таджикский любительский театр [2, с. 8].

Согласно выводам Н. Х. Нурджанова, «первые советские любительские театры Самарканда просуществовали до 1921-1922 гг., потом распались и слились с другими новыми труппами. Иранский театр в Самарканде, слабый во многих отношениях, послужил, тем не менее, для зарождающихся любительских трупп, в частности, труппы Ходжента, Ура-Тюбе (Истаравшан, Республика Таджикистан), Бухары, примером театра европейского типа. Он сыграл определенную роль и в пропаганде прогрессивной драматургии братского Азербайджана» [8, с. 31].

По инициативе Мусоджона Саиджонова в 1919 г. в Худжанде при уездном отделе народного образования был организован музыкально-драматический кружок, участниками которого стали преимущественно учителя. Позже в состав этого коллектива, насчитывавшего 25 человек, вошли народные музыканты Очил-дугторчи Ахмадов и Махмуджон-ота. Они выступали в помещении единственного в городе зимнего кинотеатра с маленькой сценой и зрительным залом на 300-400 мест. Спектакли шли раз

в неделю; кроме того, труппа давала представления на крытом базаре [8, с. 32-33].

Н. Х. Нурджанов также приводит подробные сведения о том, как в 1920-1921 гг. исфаринские учителя создали любительский театр, работой которого руководил один из первых педагогов этого города Абдулазиз Бобоев [8, с. 33].

Также, анализируя деятельность худжандского кружка, Н. Х. Нурджанов пишет, что его «репертуар... состоял из концертной программы и небольших пьес. В концертах участвовали музыканты, певцы, танцоры и масхарабозы» [8, с. 33].

Исследователь отмечал, что «в поставленных коллективом пьесах высмеивались бай-эксплуататоры, ишаны, казии, религиозные суеверия, взяточничество, бескультурье, пережитки феодализма, знахари, гадалки и наркоманы. В некоторых постановках демонстрировалось бесправное положение таджикского народа в Бухарском эмирате» [8, с. 34]. Даже в период борьбы с басмачеством худжандский кружок, несмотря на опасность, смог поставить пьесы «Одноглазый Шермат», «Холбута курбоши» и «Холматбек», которые были созданы на основе живых фактов, наблюдений и воспоминаний самих артистов и очевидцев. Анализируя эти спектакли, Н. Х. Нурджанов указал на их сильные и слабые стороны: «Публика взволнованно реагировала на подобные спектакли, хотя в художественном отношении они были достаточно примитивны» [8, с. 36]. Однако, на наш взгляд, несмотря на художественное несовершенство постановок, их главной целью было донести до зрителя всю несправедливость, существовавшую в обществе со времен феодального строя. Многие люди после просмотра таких спектаклей начинали с пониманием относиться к советской власти, в частности к изменению положения женщин в обществе. Так, исфаринской труппой была поставлена пьеса «Зулми занхо» («Угнетение женщин»), также основанная на реальных событиях [8, с. 36-37].

Подводя итоги развитию драматургии 1920-х годов, Н. Х. Нурджанов приходит к выводу, что большинство пьес того периода отличалось художественным несовершенством. Исследователь отмечает: «Большинство этих пьес было художественно несовершенным, схематичным, одноплановым. Индивидуализация и психологическая разработка характеров почти отсутствовали. Но в изображении людей разных социальных групп наблюдалась своеобразная типизация, которая подчеркивала общие, наиболее примечательные черты того или иного класса. Пьесы кружков самодеятельности сочинялись на живом народном языке, сохранявшем некоторые особенности, присущие диалекту той местности, где разыгрывались спектакли. Для речи положительных героев были характерны назидательные нравоучения, откровенная и прямая агитация. Пьесы сочинялись

кружковцами на основе действительных фактов и событий, которые ежедневно происходили на их глазах, на основе конкретного содержания агитационной работы с массами. Изображаемые события общественной жизни оценивались с точки зрения взглядов нового, советского человека» [8, с. 39].

С установлением советской власти на территории Таджикистана произошли кардинальные экономические и общественные перемены, жизнь стремительно менялась. Молодым, неопытным драматургам, не знакомым с достижениями мировой культуры, было трудно осознать и отразить сложные процессы этих грандиозных преобразований, а также проанализировать формирование новой советской психологии людей.

По мнению Н. Х. Нурджанова, в 1920-х годах в пьесах проводилось верное, но упрощенное деление персонажей по социальному признаку, на котором и строился конфликт, определявший действие спектаклей. На одной стороне находились народ и бедняки, на другой – бай, муллы, ишаны, басмачи и прочие носители старой идеологии [8, с. 39-40]. Эти сочинения откликались на злобу дня, но тут же сходили со сцены не только из-за своей художественной слабости, но и потому, что агитационные приемы, на которых они базировались, быстро исчерпывали себя [8, с. 40]. Тем не менее, согласно выводам Н. Х. Нурджанова, ранняя самостоятельная драматургия 1920-х годов послужила мощным толчком к зарождению таджикского профессионального сценического искусства.

Н. Х. Нурджанов отмечал, что в жанровом отношении пьесы рассматриваемого периода были разнообразны, но в репертуаре кружков и любительских театров все же преобладала комедия. Через нее авторы могли высмеять уродливые стороны быта, выразить протест против невежества, оставшегося от старого мира, и всего того, чему необходимо было положить конец. Комедия как бы идеологически продолжала и развивала традиции дореволюционного искусства, направленные на критику феодального уклада. «Актеры, выступая в этом жанре, – писал Н. Х. Нурджанов, – использовали живые традиции национальной культуры и опыт народного театра, продолжающего параллельно жить рядом с театром советским. В манере исполнения, в использовании импровизации, в создании бегло очерченных, остро характерных броских образов наблюдалась связь с традициями театра масхарабозов и кукольников» [8, с. 41].

Что касается творчества масхарабозов, то после установления советской власти социальная острота их представлений приобрела иное звучание. Так, наряду с разыгрыванием народных бытовых жанровых зарисовок, народные комики импровизировали новые сценки агитационно-политического содержания [8, с. 44-45]. При этом они стали открыто высмеивать бывших эксплуататоров. Разница заключалась в том, что в изображении традиционных персонажей – баев, мулл, врачей –

социалистический театр утверждал мысль об уничтожении классового неравенства и о революционном переустройстве жизни.

Н. Х. Нурджанов не обошел вниманием и взаимодействие таджикской и узбекской культур в постановочной практике. В качестве примера он приводит пьесу узбекского драматурга Хамзы «Бай и батрак», которая была показана в 1922 г. худжандским музыкально-драматическим кружком. В этой постановке артисты отразили тяжелую жизнь трудового народа до революции, его борьбу против поработителей-богачей, продажного мусульманского духовенства и царских чиновников, а также тему роста классового самосознания бедняков. Все это с позиции советского времени показывалось без страха за свою жизнь и будущее. В 1923-1924 гг. «Бая и батрака» поставил и исфаринский самодеятельный театр, которому текст произведения подарил сам автор – Хамза Хаким-заде.

Одной из серьезных проблем в период становления профессионального советского таджикского театра было участие женщин в самодеятельных коллективах. Как отмечает Н. Х. Нурджанов, «по обычаям того времени женщине не позволялось находиться в присутствии мужчин, следовательно, женские роли играли юноши, которые в музыкальных пьесах пели женским голосом и в особой женской манере» [8, с. 50]. Одним из мастеров, воплощавших такие образы на сцене, стал известный деятель Таджикского академического театра Окил-ака Зиёев, который начал свой творческий путь в самаркандском кружке самодеятельности и на протяжении 15 лет исполнял исключительно женские роли [8, с. 50].

Ещё одна особенность работы коллективов того времени, которую выделил Н. Х. Нурджанов, заключалась в том, что «самодеятельные артисты вели массово-воспитательную и просветительную работу: перед спектаклями читали небольшие лекции на различные общественно-политические темы, проводили беседы, разъясняющие политику партии и правительства, а также иногда разъясняли содержание пьесы, ее мысль. Такие мероприятия устанавливали связь актеров со зрителями. В первые годы после революции культурный уровень населения был настолько низок, что большинство зрителей, а подчас и сами артисты не имели понятия о настоящем театральном искусстве» [8, с. 52].

Согласно исследованиям Н. Х. Нурджанова, с середины 1920-х годов театры Северного Таджикистана начали привлекать к сценической деятельности и женщин. Первоначально актрисами были татарки, а начиная с 1926 г. в спектаклях стали участвовать и таджички – ученицы семилетней школы. Однако исполнительниц все еще не хватало, поэтому женские роли по-прежнему иногда играли мужчины [8, с. 54]. Многие постановки были посвящены темам раскрепощения женщин, принудительного брака, многоженства и гендерного неравенства. К ним относится, прежде всего, пьеса

М. Муинзода «Ссора мужа и жены», повествующая о месте женщины в семье и ее праве на самостоятельность. Безусловно, игра актрис в этих спектаклях отличалась высокой достоверностью, поскольку они воплощали на сцене собственный жизненный опыт, что стало для таджикского театра огромным достижением.

В любительских коллективах также ставилось много спектаклей, посвященных борьбе таджикского народа за установление и укрепление советской власти. Стоит отметить, что в первые годы советского периода профессия артиста не приветствовалась среди населения, поскольку люди искусства, по мнению Н. Х. Нурджанова, традиционно считались низшим слоем общества, а само сценическое творчество воспринималось как унижительное занятие.

Учитывая огромное значение театра как важного средства воспитания, третья сессия ЦИК Таджикской Автономной ССР в апреле 1928 г. приняла резолюцию «О состоянии народного просвещения в Таджикистане и о ближайших перспективах работы», в которой ставилась задача «организовать национальный государственный оркестр и драматическую труппу и добиться включения связанных с этим расходов в бюджет 1928-1929 гг. Одновременно принять меры к разработке и изданию пьес на таджикском языке» [19, с. 35].

В соответствии с решением правительства республики Народный комиссариат просвещения в 1929 г. приступил к формированию первой государственной профессиональной труппы. Так в Душанбе появился первый театр – Таджикский ордена Трудового Красного Знамени академический театр драмы имени А. Лахути [20, с. 2]. По сведениям Н. Х. Нурджанова, инициаторами создания профессионального театра в Душанбе стали Абдурахмон Бухоризода, Ходи Улмас и Ёкуб Фозиловы, Султон Саидмуродов и в особенности Гуломризо Бахор, которые приложили немало усилий для решения этой задачи [8, с. 75].

В итоге таджикский театр стал мощным идеологическим оружием в борьбе за новую жизнь. Благодаря сценическим постановкам народным массам разъясняли политику партии большевиков, пробуждали и укрепляли в них сознание необходимости борьбы с феодальным строем, а также с открытыми и замаскированными врагами. Ради сплочения трудящихся вокруг новой власти авторы и актеры призывали население к активному участию в реализации важнейших государственных и партийных мероприятий. Таким образом, таджикский театр активно способствовал формированию социалистического мировоззрения среди населения республики.

Стоит отметить, что на начальном этапе в становлении таджикского советского театра участвовала самая передовая часть интеллигенции – учителя, которые одновременно выступали в роли агитаторов и артистов. Раннее сценическое искусство эффективно помогало формированию клас-

сового самосознания масс. Кроме того, таджикский советский театр привлекал к себе подлинные таланты из народа, многие из которых в будущем стали выдающимися профессиональными актерами, певцами, танцорами, музыкантами, драматургами и композиторами.

В 1929 г. для организации первой профессиональной таджикской труппы в Душанбе был приглашен Хомид Махмудов – таджик по национальности, ранее работавший в Ташкенте в узбекском театре имени Хамзы. В 1927 г. он окончил в Москве трехгодичную театральную студию при Узбекском доме просвещения. «Основу таджикской труппы составили несколько участников кружка самодеятельности при горнострелковом таджикском батальоне и два артиста, приглашенных из концертной бригады Бухарской передвижной труппы, которая летом 1929 г. гастролировала в Душанбе. Из этой же труппы пришла в таджикский театр Гульчехра Бакоева, впоследствии народная артистка Таджикской ССР. В середине октября 1929 г. труппа состояла из семи человек. В ее составе были: актеры – Шариф Бакоев, Гульчехра Бакоева и Тубиё Бобоева, музыканты – Пулод Ахмадов, Гуломризо Хусейнов, Михаил Ягудоев и режиссер Хомид Махмудов, одновременно и директор театра» [8, с. 80].

7 ноября 1929 г. в Душанбе открылся первый Таджикский государственный театр Народного комиссариата просвещения Таджикской ССР. Ему было выделено помещение Дома деханина со зрительным залом на 470 мест. За четыре месяца работы коллектив дал около 20 спектаклей и концертов, регулярно выезжая на предприятия, в воинские части и учебные заведения [4].

Не забыл Н. Х. Нурджанов упомянуть в своей работе и о вкладе русских режиссёров из душанбинского Русского театра рабочей молодежи (ТРАМ), созданного в 1928 г. Так, русские мастера присутствовали на репетициях и спектаклях таджикского театра, помогали артистам овладевать сценическим искусством, осваивать технику сцены и создавать художественное оформление. Кроме того, устраивались совместные концерты с участием артистов обоих коллективов и украинского хора, работавшего в помещении Дома Красной Армии. В рассматриваемый период в Душанбе гастролировали некоторые театры Москвы, Ленинграда, а также отдельные музыкальные ансамбли. В частности, в феврале 1930 г. на сцене таджикского театра проходили гастроли Московского передвижного трудового коллектива артистов оперы.

Следует указать, что в трудах Н. Х. Нурджанова отчетливо проводится мысль о том, что таджикский театр формировался в крайне трудных условиях, но, несмотря на все объективные сложности, непрерывно развивался и укреплялся.

Таким образом, анализируя деятельность таджикского театра 1920-1930-х годов, можно с уверенностью утверждать, что он сумел завоевать широкую популярность среди зрителей, став важнейшим инструментом просвещения и воспитания общества. Кроме того, сценическое искусство этого периода отражало историю революционного движения, агитировало крестьянство в поддержку коллективизации, проходившей в условиях ожесточённой борьбы с кулачеством, выступало за раскрепощение женщин и преобразование быта. Следовательно, таджикский театр прошёл сложный и многогранный путь своего становления – от небольшой группы актёр-любителей до профессионального государственного учреждения культуры.

Литература

1. Андрианова М. К истории театра на фронте в период Гражданской войны // Труды Государственного центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина. – М., 1948. – Вып. 1. – С. 45-67.
2. Бародарони форс моро мужда // Шуълаи инкилоб. – 1920. – № 58. – Саҳ. 8.
3. Гоян Г. Театр, рожденный Октябрем. – Душанбе: Таджикгосиздат, 1943. – 124 с.
4. Из фондов периодической печати // Советский Таджикистан. - 1930. - 13 февр.; 18 февр.; 19 февр.; 25 февр.; 27 февр.; 6 марта.
5. Кайдалова О.Н. Традиции и современность //Сб. статей по вопросам театрального искусства народов Средней Азии. – М.: Искусство, 1977. – 254 с.
6. Львов Н. Материалы к истории таджикского театра // Труды государственного центрального театрального музея им. А. Бахрушина. – М.; - Л.: Искусство, 1941. – С. 105-130.
7. Нурджанов Н.Х. Государственный ордена Трудового Красного Знамени Таджикский академический театр драмы имени А. Лахути. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1957. – 36 с.
8. Нурджанов Н.Х. История таджикского советского театра (1917–1941). – Душанбе: Дониш, 1967. – 471 с.
9. Нурджанов Н.Х. Материалы к истории зарождения советского таджикского театра и драматургии // Таджикская драматургия и театр: [Сб. науч. трудов]. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1957. – С. 5-62.
10. Нурджанов Н.Х. Таджикский народный театр: (По материалам Кулябской области). – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 236 с.
11. Нурджанов Н.Х. Таджикский театр: Очерк истории / Под общ. ред. проф. Г. Гояна. – М.: Искусство, 1968. – 270 с.
12. Нурджанов Н.Х. Традиционный театр таджиков: В 2 т. – Душанбе: Дизайн-студия «Мир путешествий», 2002. – Т. 1. – 372 с.
13. Очерки истории и теории искусств таджикского народа / Отв. ред. А. Раджабов; Академия наук Республики Таджикистан, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша. – Душанбе: Дониш, 2024. – 546 с.
14. Развитие социалистической культуры в Таджикистане// Сб. документов и материалов за 1917–1941 гг.] / Центральный гос. архив РТ. – Душанбе: Ирфон, 1974. – 380 с.
15. Расми кушодани мусикихонаи ранчбарони Самарканд // Шуълаи инкилоб. – 1919. – № 1. – Саҳ. 8.

16. Рахманов М. Хамза и узбекский театр. – Ташкент, 1960. – С. 187-201.
17. Театральная хроника // Советский Таджикистан. – 1930. – 19 февраля.
18. Хакимов Н.Г. Формирование музыкально-театральной культуры Советского Таджикистана (1917–1941 гг.). – Худжанд: Нури маърифат, 2003. – 198 с.
19. Центральный государственный архив Республики Таджикистан (ЦГА РТ). – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 35.
20. Центральный государственный архив Республики Таджикистан (ЦГА РТ). – Ф. 385. – Оп. 4. – Д. 5. – Л. 2.

THE ROLE OF SOVIET CULTURAL POLICY IN THE CREATION OF THE PROFESSIONAL TAJIK THEATER IN THE 1920s IN THE WORKS OF PROFESSOR N.H. NURDJANOV

Rajabov Tojiddin Kholmurodovich

Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer
at the Department of Philosophy and Humanities
Academy of Public Administration
under the President of the Republic of Tajikistan
734003, Republic of Tajikistan, Dushanbe, str. Said Nosir, 33
Ph: (+992) 930 01 75 40 (m.)
tojiddinrajabov11@gmail.com

This article explores the role of Soviet cultural policy in the formation of the professional Tajik theater during the 1920s, based on the scholarly works of Doctor of Art History, Professor N. H. Nurdjanov. It analyzes the historical and cultural prerequisites for the emergence of the Tajik Soviet theater, as well as the influence of Russian, Uzbek, Azerbaijani, Tatar, and Armenian theatrical traditions on the development of national scenic art. The study notes that the establishment of the Tajik theater was closely linked to the cultural centers of Central Asia - Samarkand, Bukhara, and Tashkent - where future Tajik actors, playwrights, musicians, and directors began their creative careers. Drawing on N. H. Nurdjanov's research, the article reveals the significance of folklore, the art of maskharaboz (folk comedians), and musical-dramatic circles, which served as an essential foundation for the emergence of the professional theater.

Special attention is paid to the activities of the first amateur theatrical groups in Khujand, Isfara, Istaravshan, Samarkand, and Bukhara, their repertoire, and their artistic features. It is shown that early playwriting was predominantly agitational and educational in nature, addressing themes of social inequality, the struggle against feudal remnants, religious fanaticism, polygamy, and the disenfranchisement of women. The author emphasizes that despite the artistic schematism of the first plays, they played a crucial role in shaping public consciousness and developing national culture. The article also examines the role of the theater in disseminating Soviet ideology among the population. It highlights the contribution of Russian directors and theatrical companies to this process, through which the Tajik theater underwent a complex evolutionary path - from small amateur circles to a professional state theater.

Keywords: Soviet cultural policy; Tajik theater; professional theater; N.H. Nurdjanov; theatrical art; folklore; maskharaboz; musical-dramatic circles; amateur theatrical groups; agitational and educational playwriting; national culture; Samarkand; Bukhara.

НАҚШИ СИЁСАТИ ФАРАҲАНГИИ ШҶУРАВӢ ДАР ТАШКИЛИ ТЕАТРИ КАСБИИ ТОҶИК ДАР СОЛҲОИ 1920 ДАР ОСОРИ ПРОФЕССОР Н.Ҳ. НУРҶОНОВ

Рачабов Тоҷиддин Холмуродович

номзади илмҳои таърих, муаллими калони
кафедраи фалсафа ва илмҳои гуманитарии
Академияи идоракунии давлатии
назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон
734003, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. Саид Носир, 33
Тел: (+992) 930 01 75 40 (м.)
tojiddinrajabov11@gmail.com

Дар мақолаи мазкур нақши сиёсати фарҳангии шӯравӣ дар раванди ташаккули театри касбии тоҷик дар солҳои 1920 дар асоси осори илмии доктори илмҳои санъатшиносӣ, профессор Н.Ҳ. Нурҷонов мавриди таҳқиқ қарор гирифтааст. Инчунин заминаҳои таърихӣ фарҳангии пайдоиши театри шӯравӣ тоҷик, таъсири анъанаҳои театрии русӣ, ўзбекӣ, озарбойҷонӣ, таторӣ ва арманӣ ба шаклиҳои санъати сахнавии миллий таҳлил карда мешавад. Қайд карда мешавад, ки ташаккули театри тоҷик дар робитаи зич бо марказҳои фарҳангии Осиёи Миёна - Самарқанд, Бухоро ва Тошканд, ки дар он ҷо актёрон, драматургон, навозандагон ва коргардонҳои ояндаи тоҷик фаъолияти худро оғоз намудаанд, сурат гирифтааст. Дар асоси таҳқиқоти Н.Ҳ. Нурҷонов аҳамияти эҷодиёти халқӣ, санъати масҳарабозон ва маҳфилҳои мусиқӣ драмавӣ, ки заминаи муҳими пайдоиши театри касбӣ гардидаанд, ошкор карда мешавад.

Таваҷҷуҳи махсус ба фаъолияти аввалин дастаҳои театрии ҳаваскори Хучанд, Исфара, Истаравшан, Самарқанд ва Бухоро, репертуар ва хусусиятҳои бадеии онҳо зоҳир шудааст. Нишон дода шудааст, ки драматургияи аввалин бештар хусусияти ташвиқотию маърифатӣ дошта, мавзӯҳои нобаробарии иҷтимоӣ, мубориза бар зидди бокимондаҳои феодалӣ, таассуби динӣ, бисёрзани ва беҳуқуқии занонро фаро мегирифт. Муаллиф таъкид мекунад, ки сарфи назар аз сохтори содаи бадеии пьесаҳои аввалин, онҳо дар ташаккули шуури ҷамъиятӣ ва рушди фарҳанги миллий нақши муҳим бозидаанд. Ҳамчунин дар мақола нақши театр дар паҳн кардани ғояҳои ҳокимияти шӯравӣ дар байни аҳоли баррасӣ мешавад. Саҳми коргардонҳо ва дастаҳои театрии рус дар ин раванд қайд карда мешавад, ки ба шарофати он театри тоҷик роҳи мураккаби рушдро - аз маҳфилҳои хурди ҳаваскорон то театри касбии давлатӣ тай намудааст.

Калидвожаҳо: сиёсати фарҳангии шӯравӣ; театри тоҷик; театри касбӣ; Н.Ҳ. Нурҷонов; санъати театрӣ; эҷодиёти халқӣ; масҳарабозон; маҳфилҳои мусиқӣ драмавӣ; дастаҳои театрии ҳаваскор; драматургияи ташвиқотию маърифатӣ; фарҳанги миллий; Самарқанд; Бухоро.

УДК 94(575.3):378

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УЧАСТИЯ РОССИИ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ ТАДЖИКИСТАНА

Одинаева Наргис Назаровна

старший преподаватель, аспирант
кафедры всеобщей и отечественной истории
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 985 08 07 50 (м.)
nara-odinaeva@mail.ru

В статье исследуется процесс становления и развития системы высшего образования и академической науки Таджикистана в советский период через призму участия России (РСФСР) в формировании образовательной и научной инфраструктуры республики. Цель исследования заключается в выявлении основных направлений, форм и механизмов российской поддержки в подготовке национальных кадров, создании высших учебных заведений и развитии научного потенциала Таджикистана. Методологическую основу исследования составили историко-сравнительный, проблемно-хронологический и системный методы, а источниковую базу составили архивные документы, статистические материалы и опубликованные исторические исследования. В работе рассмотрены этапы создания первых высших учебных заведений республики, раскрыта роль российских вузов и научных учреждений в подготовке преподавательских и научных кадров, показан вклад эвакуированных в годы Великой Отечественной войны учёных в становление научных школ Таджикистана. Особое внимание уделено истории создания Таджикского государственного университета и развитию межвузовского сотрудничества, обеспечившего подготовку специалистов высшей квалификации. Сделан вывод о том, что системная кадровая, научно-методическая и материально-техническая поддержка со стороны России стала одним из ключевых факторов формирования современной системы высшего образования и науки Таджикистана. Полученные результаты позволяют рассматривать советский опыт российско-таджикского сотрудничества как важную историческую основу современных интеграционных процессов в образовательной и научной сферах.

Ключевые слова: история образования; история науки; Таджикистан; Россия (РСФСР); высшее образование; советский период; российско-таджикское сотрудничество; научные кадры; академическая наука; образовательная политика.

Становление современной системы образования и науки в Таджикистане неразрывно связано с кардинальными социально-политическими преобразованиями, произошедшими в Средней Азии после Октябрьской революции 1917 года. До этого времени на территории, населённой таджиками, практически отсутствовала светская высшая школа: функционировали лишь традиционные медресе, где преподавание велось на арабском языке и было ограничено религиозными дисциплинами. Уровень грамотности населения не превышал 2–3 %, а научные исследования не велись вовсе [9, с. 12].

Установление советской власти и последующее национально-территориальное размежевание создали политические и социальные предпосылки для коренной перестройки образовательной сферы. Однако создание высшей школы, подготовка национальных кадров и организация академической науки требовали колоссальных ресурсов – финансовых, кадровых, организационных. Эти задачи не могли быть реализованы силами самой республики ввиду отсутствия квалифицированных преподавателей, учебной литературы, лабораторного оборудования и сложившихся научных традиций. Решающую роль в их выполнении сыграла Россия (в то время – РСФСР) как центральная союзная республика, обладавшая мощным научно-образовательным потенциалом и опытом управления высшей школой.

К середине 1918 г. большевистская власть утвердилась на большей части региона, хотя в отдельных районах (на Памире, в Ура-Тюбе) сопротивление затянулось до лета 1918 г., а в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате – до 1920 г. [9, с. 172-177; 10, с. 45-48]. Параллельно с политическим утверждением началось строительство новой системы образования. Уже в ноябре 1917 г. Наркомпрос РСФСР опубликовал «Обращение к населению», провозгласившее всеобщую грамотность, бесплатное и светское обучение на родном языке. В сентябре 1918 г. было принято «Положение о единой трудовой школе РСФСР», заложившее организационные основы – две ступени обучения (5+4 года) и единую структуру школьного образования [17, с. 7, 145]. Национальным меньшинствам гарантировалось право открытия школ и даже вузов на родном языке (постановление от 31 октября 1918 г.) [17, с. 178]. Уже в апреле 1918 г. в Ташкенте был открыт Туркестанский народный университет, который первоначально представлял собой учебный комбинат с курсами разного уровня. На его организацию из центра было выделено 2 млн рублей [12, с. 21]. Однако полноценное финансирование просвещения удалось восстановить лишь к осени 1924 г., после преодоления последствий голода и разрухи [5, с. 14].

Национально-территориальное размежевание Средней Азии, завершившееся в 1924–1929 гг., привело к образованию Таджикской АССР в составе Узбекской ССР (1924), а затем – к её преобразованию в Таджик-

скую ССР – седьмую союзную республику (16 октября 1929 г.). Это событие дало мощный импульс созданию национальной системы высшего образования. Уже 30 сентября 1925 г. Ревком Таджикской АССР принял постановление «О мерах по улучшению подготовки педагогических кадров», которое предусматривало открытие специальных учебных заведений. В 1927 г. по заявке республики в Самарканде (тогда в Узбекистане) был учреждён Таджикский институт просвещения, который в 1930-е годы переехал в Душанбе и стал главным центром подготовки учителей. Его выпускниками стали многие видные деятели культуры и науки, в том числе классики таджикской литературы М.Турсунзаде и С.Улугзода [34, с. 112].

В последующие годы были открыты следующие вузы:

- Сталинабадский педагогический институт (1931 г., ныне Таджикский государственный педагогический университет им. С. Айни);
- Ленинабадский педагогический институт (1932 г., ныне Худжандский государственный университет им. Б. Гафурова);
- Сельскохозяйственный институт (1931 г. в Ленинабаде, с 1944 г. – в Сталинабаде);
- Медицинский институт (1933 г. в Сталинабаде, закрыт в 1935 г. из-за слабой материальной базы, вновь открыт в 1939 г. при поддержке Наркомздрава СССР) [29, с. 12; 24, с. 201].

К концу 1930-х годов в этих пяти вузах обучалось около 4,5 тыс. студентов. За 1935–1941 гг. трёхгодичные учительские институты (в Сталинабаде, Ленинабаде и Кулябе) подготовили 719 учителей, преимущественно из числа таджиков и узбеков [24, с. 201]. Особое место в системе образования занял Сталинабадский государственный педагогический институт (позднее – Душанбинский госпединститут им. Т.Г. Шевченко) [2, с. 112]. Он стал подлинной кузницей кадров для всей республики: из его стен вышли многие будущие академики, писатели и государственные деятели Таджикистана.

Поскольку в республике отсутствовала собственная база для подготовки преподавателей и учёных, эта работа с самого начала велась двумя взаимодополняющими направлениями. Первое – командирование таджикской молодёжи в вузы РСФСР и других союзных республик. Уже в 1926–1927 гг. десятки студентов были направлены в Среднеазиатский государственный университет (Ташкент) и Коммунистический университет народов Востока (Москва). Всего же 1927–1928 учебном году за пределы республики на учёбу отправились 486 человек [5, с. 98]. Эта практика стала массовой в последующие годы. Второй путь заключался в приглашении специалистов из России. Ревком республики организовал специальную аттестационную комиссию для отбора и направления на работу в Таджикистан квалифицированных педагогов и научных работников [5, с. 56].

Особо значимой была помощь профессоров и преподавателей из центральных вузов РСФСР. В частности, решением проблемы подготовки врачебных кадров занимались участники экспедиции под руководством профессора Е.Н. Марциновского (1930 г.). Организатором Таджикистанской базы АН СССР (1932 г.), преобразованной в 1941 г. в Таджикский филиал АН СССР, выступил академик Е.Н. Павловский. Он лично читал лекции по биологии в открывшемся медицинском институте и заложил основы комплексных научных исследований в республике [25, с. 7; 30, с. 14]. При организации работы Таджикского медицинского института в 1939 г. его первый директор А.А. Краус обратился за кадровой помощью в Москву и Ленинград. В результате в Сталинабад приехали крупные учёные: академик Е.Н. Павловский, профессор Л.А. Шангина (анатомия) и другие специалисты. В первый же год было организовано восемь кафедр, большинство из которых возглавили учёные, прибывшие из РСФСР [29, с. 14-15]. Учебники и пособия по русскому языку и литературе разрабатывали видные методисты Ф.Б. Беспальцев, профессор Л.В. Успенская, В.Г. Астахов, чьи труды способствовали адаптации учебного процесса к практическим задачам хозяйственного и культурного строительства в республике [15, с. 34]. К 1940 г. в научных учреждениях Таджикистана работало 28 докторов и кандидатов наук, включая 7 представителей местных национальностей. Главными базами подготовки молодых учёных стали педагогический и медицинский институты, а также Таджикская база АН СССР, где функционировала аспирантура [21, с. 44].

В годы войны здания многих вузов были заняты под госпитали, занятия шли в 2–3 смены, более 5000 учителей Таджикистана ушли на фронт [30, с. 110]. В начале войны ввели сокращённые сроки обучения (3–3,5 года), но с 1942 г. вернулись к нормативным учебным планам [3, с. 95]. Однако именно в этот тяжёлый период эвакуация научных и учебных учреждений из западных регионов СССР сыграла исключительно позитивную роль. Приток эвакуированных специалистов заметно усилил профессорско-преподавательский состав республики. В Сталинабадском пединституте им. Т.Г. Шевченко в 1942–1943 учебном году число преподавателей выросло до 111 человек (против 78 годом ранее) [23, с. 243]. Ленинабадский пединститут пополнился 14 преподавателями, среди которых были видные физики, химики и математики. Учёные-эвакуированные активно включились в исследовательскую работу оборонного и народно-хозяйственного значения. Например, кафедра физики Ленинабадского пединститута создала гелиоприбор для использования солнечной энергии, кафедра химии исследовала соляные запасы для производства взрывчатых веществ [13, с. 67]. В Таджикском мединституте велись исследования по заживлению ран и переломов в условиях высокогорья [38, с. 28].

Несмотря на все трудности, подготовка кадров не прекращалась. В 1943 г. состоялся первый выпуск Таджикского мединститута – 125 врачей, среди которых были первые врачи-таджики [38, с. 31]. Всего за годы войны вузы республики выпустили более 1000 специалистов, было защищено 16 докторских и 32 кандидатские диссертации [21, с. 71]. После войны, к 1956 г., из 18 415 учителей школ республики лишь 2493 имели высшее образование, что потребовало дальнейшей реорганизации педагогического образования [24, с. 258]. В конце 1950-х годов произошло объединение двухгодичных учительских и четырехлетних педагогических институтов, в результате чего в республике осталось три профильных пединститута – в Сталинабаде, Ленинабаде и Кулябе. К подготовке педагогов подключился и открытый в 1948 г. Таджикский государственный университет. В 1958 г. был создан Научно-исследовательский институт педагогических наук [18, с. 112].

Подготовка специалистов для промышленности активизировалась с открытием в 1956 г. Таджикского политехнического института (ныне Таджикский технический университет им. Академика М.С. Осими). На его первый курс было принято 200 человек [31, с. 8]. Ранее, в 1953 г., ТГУ осуществил свой первый выпуск, подготовив 160 специалистов [29, с. 19]. К 1960 г. общее число студентов во всех вузах республики достигло 18,1 тыс. человек [19, с. 287]. Межреспубликанское сотрудничество планомерно расширилось: студенты из Таджикистана проходили производственную практику на предприятиях Москвы, Ленинграда и Урала. Всего же в годы восьмой и девятой пятилеток в аспирантуре вузов и научно-исследовательских институтов РСФСР обучалось более 3000 таджикстанцев [7, с. 94].

Таджикский государственный университет (ныне Таджикский национальный университет) был открыт 1 сентября 1948 г. согласно Постановлению Совета Министров СССР от 21 марта 1947 г. Первоначально он работал в составе трёх факультетов (геолого-почвенного, биологического и историко-филологического) в здании Сталинабадского педагогического института им. Шевченко. На первый курс было принято 240 студентов, а штат преподавателей насчитывал всего 17 человек, среди которых было 2 профессора и 8 доцентов [29, с. 9]. Первым ректором стал известный учёный-историк академик З.Ш. Раджабов. По его инициативе в ТГУ были приглашены лучшие педагоги из центральных вузов СССР, налажены регулярные поставки оборудования и книг. Однако кадровый голод оставался острым: из 60 преподавателей, работавших в 1949 г., 38 не имели учёных степеней [32, л. 23]. В том же году университету было передано здание под главный корпус, началось обустройство лабораторий и общежитий [33, л. 45].

Новый этап развития связан с именем ректора С.А. Раджабова (1956–1971 гг.), при котором началось активное структурное реформирование и укрепление материальной базы Таджикского государственного университета (ныне Таджикский национальный университет). К началу 1970-х годов ТГУ имел 11 факультетов, 59 кафедр и готовил специалистов по 37 специальностям. Число студентов выросло с 1695 в 1956 г. до 12 467 в 1970 г. [29, с. 58]. Социальный состав студенчества изменился: доля выходцев из рабочих и колхозников к 1970 г. достигла почти 70%, а число девушек-таджичек превысило 1180 человек [29, с. 63]. Мощным импульсом для развития научной работы стало сотрудничество с ведущими центрами РСФСР. Московский государственный университет оказал университету помощь на 500 тыс. рублей для приобретения оборудования [29, с. 71]. Для чтения спецкурсов и руководства аспирантами в ТГУ регулярно приезжали академики и профессора из Москвы и Ленинграда: академик Н.А. Тихонов, А.А. Самарский, профессора Л.А. Скорняков, Д.С. Комиссаров и многие другие [22, с. 12]. К 1970 г. штат преподавателей вырос до 658 человек, 37% из них имели учёные степени [29, с. 89]. Аспирантура университета (открыта в 1950 г.) подготовила за эти годы сотни кандидатов наук. Библиотечный фонд увеличился с 9 тыс. книг в 1948 г. до более 500 тыс. к 1971 г., причём значительная часть поступлений шла из Москвы [29, с. 102]. ТГУ им. В.И. Ленина стал не только главной кузницей кадров, но и крупнейшим научным центром республики, координирующим исследования в области естественных, гуманитарных и социальных наук.

Достигнутый к началу 1970-х годов высокий уровень академического потенциала ТГУ и других действующих вузов позволил республике перейти к решению качественно новых задач. Развитие системы образования и науки в 1970–1980-е годы вступило в этап глубокой диверсификации. В этот период ускоренное развитие промышленности и сельского хозяйства республики потребовало расширения подготовки кадров по инженерно-техническим, медицинским и аграрным специальностям. В ответ на запросы производства открывались новые направления подготовки, в том числе автоматизированные системы управления, стоматология, теплоэнергетика, гидромелиорация.

Параллельно шло активное расширение образовательного пространства за счёт межреспубликанских связей: ежегодно более 3 тыс. юношей и девушек из Таджикистана обучались в ведущих вузах Москвы, Ленинграда, Киева, Новосибирска и Свердловска по 121 специальности [20, с. 245]. Важным направлением государственной политики в эти годы оставалось улучшение социального состава студенчества. Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР 1969 г. об организации подготовительных отделений предоставило существенные преимущества при поступлении рабочей молодёжи, колхозникам и демобилизованным воинам. Благодаря этим мерам,

к 1982 г. доля данной категории студентов на дневных отделениях вузов Таджикистана достигла 78,6% [22, с. 17].

Качественный состав научно-педагогических кадров также неуклонно рос. В 1980 г. в вузах республики трудилось 4402 преподавателя, из которых 104 являлись докторами наук и 1370 – кандидатами наук, что составляло 33% от общего штата [18, с. 54]. Хотя Таджикистан по этому показателю уступал общесоюзному уровню (средний показатель по СССР составлял около 45%), наблюдалась устойчивая положительная динамика. Сеть аспирантуры расширялась: в 1978 г. она открылась при сельскохозяйственном институте, а в 1981 г. – при политехническом [27, с. 162]. Продолжалась практика целевой подготовки кадров в ведущих институтах АН СССР (Физико-техническом им. А. Ф. Иоффе, Биохимии им. А. Н. Баха, Институте востоковедения) и Академии педагогических наук СССР. Физики Ленинадского пединститута активно сотрудничали с Объединённым институтом ядерных исследований в Дубне (Московская область) [14, с. 38]. Особое внимание уделялось подготовке педагогических кадров, в частности женщин-учителей для сельских школ. К концу 1980-х годов в республике действовало 6 педагогических вузов, что позволило значительно сократить дефицит квалифицированных педагогов. Всего за 1970–1980-е годы высшие учебные заведения Таджикистана подготовили более 350 тыс. дипломированных специалистов для всех отраслей народного хозяйства [11, с. 210]. Несмотря на нарастание общегосударственного кризиса к концу периода, система высшего образования и науки республики, сформированная при решающем участии РСФСР, продемонстрировала впечатляющие количественные и качественные результаты.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что процесс становления высшего образования и науки в Таджикистане носил ярко выраженный ускоренный, директивный характер и был неразрывно связан с общесоюзной политикой в сфере культурного строительства. Ключевым фактором успеха стала целенаправленная и системная помощь РСФСР, которая проявлялась в нескольких аспектах: организационно-управленческом [3, с. 82], кадровом [34, с. 156], материально-техническом и научно-методическом. Дискуссионным остаётся вопрос о степени самостоятельности республики в определении образовательной политики. С одной стороны, все стратегические решения принимались в Москве, что ограничивало местную инициативу и приводило к унификации, не всегда учитывающей национальную специфику. С другой стороны, без такого директивного подхода, в условиях полного отсутствия кадров и материальной базы, создание эффективной системы высшего образования в сжатые сроки было бы невозможным. Исторический опыт показывает, что именно сочетание централизованного планирования и региональной адаптации позволило достичь впечатляю-

щих результатов. Более того, сотрудничество России и Таджикистана в сфере образования стало уникальным примером успешного межреспубликанского взаимодействия, которое привело к формированию многонациональной интеллигенции и созданию научных школ, во многом сохранивших свои традиции до настоящего времени.

На основании проведённого исследования можно сформулировать следующие основные выводы. Становление высшего образования и науки в Таджикистане происходило в рамках общесоюзной образовательной политики и было обусловлено политическими решениями, принятыми после Октябрьской революции 1917 года, а также национально-территориальным размежеванием Средней Азии в 1920-х годах. Этот процесс носил ускоренный характер и был направлен на ликвидацию культурной отсталости региона. Создание первых педагогических, медицинских и сельскохозяйственных вузов стало возможным исключительно благодаря систематической и целенаправленной помощи РСФСР. Взаимодействие включало целевое направление таджикской молодёжи на обучение в вузы России, приглашение на работу профессоров и преподавателей из центральных университетов, регулярную поставку учебного оборудования, приборов и научной литературы, а также совместную разработку учебных планов и методических пособий.

В годы Великой Отечественной войны эвакуация научных учреждений из западных районов СССР значительно усилила кадровый потенциал республики, способствовала проведению актуальных прикладных исследований оборонного и народно-хозяйственного значения, а также обеспечила преемственность и развитие национальных научных школ. Ключевым послевоенным событием, превратившим республику в самостоятельный центр высшего образования и науки, стало открытие и развитие Таджикского государственного университета в 1948 году. В его становлении решающую роль сыграла поддержка Московского государственного университета, Ленинградского университета и других вузов РСФСР, которые направляли своих ведущих учёных, а также оказывали регулярную финансовую и материально-техническую помощь.

В 1970–1980-е годы в республике окончательно сложилась разветвлённая и многоотраслевая система высшего образования, подготовившая сотни тысяч квалифицированных специалистов для всех сфер народного хозяйства. При этом значительная часть научно-педагогических кадров прошла обучение, стажировку или повышение квалификации в вузах и академических институтах РСФСР, что позволяло стабильно поддерживать высокий уровень преподавания и научных изысканий. Исторический опыт убедительно показывает, что без всесторонней и последовательной помощи России формирование современной системы образования и науки в Таджикистане в исторически сжатые сроки было бы невозможным. Это мно-

голетнее сотрудничество заложило прочный фундамент для дальнейшего развития образовательной сферы независимого Таджикистана, и его позитивное влияние отчётливо ощущается до настоящего времени.

Литература

1. Академия наук СССР и союзные республики: научное сотрудничество / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР; отв. ред. чл.-корр. АН СССР Ю.А. Поляков. – М.: Наука, 1976. – 180 с.
2. Алиев Х. Очерки истории культуры Советского Таджикистана (1917–1957 гг.) / отв. ред. канд. ист. наук З.А. Ақобиров. – Душанбе: Ирфон, 1960. – 220 с.
3. Высшая школа СССР за 50 лет / под ред. В.П. Елютин. – М.: Высшая школа, 1967. – 272 с.
4. Высшая школа Таджикистана в цифрах: стат. сб. / Центр. стат. упр. Таджикской ССР; отв. за вып. А.Г. Горкин. – Душанбе: Статистика, 1983. – 80 с.
5. Из истории культурного строительства в Таджикистане (1917–1941 гг.): сборник документов и материалов. - Т. I / Глав. архив. упр. при СМ Таджикской ССР, Ин-т истории им. А.Дониша АН ТаджССР; сост. В.А. Козачковский; под ред. чл.-корр. АН ТаджССР З.Ш. Раджабова. – Душанбе: Ирфон, 1983. – 280 с.
6. Из истории образования Таджикской ССР и создания Коммунистической партии Таджикистана: сборник документов / Ин-т истории партии при ЦК КП Таджикистана; сост. С.А. Раджабов; под ред. акад. АН ТаджССР А.М. Богоутдинова. – Душанбе: Таджикгосиздат, 1964. – 150 с.
7. Интернациональные связи Таджикистана / отв. ред. Л.П. Сечкина. – Душанбе: Дониш, 1975. – 140 с.
8. История педагогики таджикского народа / А.Э. Измайлов, М.Л. Лутфуллоев, Х.А. Афзалов; под ред. И.О. Обидова. – Душанбе: Дониш, 1999. – 240 с.
9. История таджикского народа. - Т. V. Новейшая история (1917–1941 гг.) / Ин-т истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ; под ред. акад. Р.М. Масова. – Душанбе: ПОО «Империял-групп», 2004. – 752 с.
10. История таджикского народа. - Т. VI. Новейшая история (1941–2010 гг.) / Ин-т истории, археологии и этнографии им. А.Дониша АН РТ; под ред. акад. Р.М. Масова. – Душанбе: Дониш, 2011. – 688 с.
11. Итоги развития народного хозяйства Таджикской ССР за годы советской власти: стат. сб. / Центр. стат. упр. Таджикской ССР; отв. за вып. М.С. Назриев. – Душанбе: Статистика, 1987. – 250 с.
12. К 50-летию Ташкентского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. В.И. Ленина (1920–1970) / М-во высш. и сред. спец. образования УзССР; отв. ред. проф. Т.А. Сарымсаков. – Ташкент: Укитувчи, 1970. – 120 с.
13. Культурная жизнь Таджикистана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / М.Р. Шукуров; отв. ред. акад. АН ТаджССР Б.И. Искандаров. – Душанбе: Дониш, 1980. – 150 с.
14. Ленинабадский педагогический институт им. С.М. Кирова (1932–1982) / М-во просвещения Таджикской ССР; сост. С.Х. Хакимов; отв. ред. доц. Х.Х. Джураев. – Душанбе: Ирфон, 1982. – 90 с.

15. Методика преподавания русского языка в таджикской школе / Л.В. Успенская, В.Г. Астахов, М.Б. Нагзибекова; под ред. проф. Л.В. Успенской. – Душанбе: Маориф, 1985. – 312 с.
16. Народное образование в СССР: сборник документов. 1917–1973 гг. / М-во просвещения СССР; сост. А.А. Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И. Пузырев, Л.Ф. Литвинов. – М.: Педагогика, 1974. – 560 с.
17. Народное образование в Таджикской ССР (1924–1959 гг.) / Т.К. Каримова; отв. ред. акад. АН ТаджССР И.О. Обидов. – Душанбе: Ирфон, 1960. – 170 с.
18. Народное образование, наука и культура в Таджикской ССР: стат. сб. / Центр. стат. упр. Таджикской ССР; отв. за вып. К.Н. Назаров. – Душанбе: Статистика, 1981. – 160 с.
19. Народное хозяйство Таджикской ССР в 1960 году: стат. ежегодник / Центр. стат. упр. при Совете Министров Таджикской ССР; отв. за вып. С.Б. Баротов. – Душанбе: Госстатиздат, 1961. – 320 с.
20. Народное хозяйство Таджикской ССР в 1985 году: стат. ежегодник / Центр. стат. упр. Таджикской ССР; отв. за вып. М.С. Назриев. – Душанбе: Статистика, 1986. – 310 с.
21. Наука Советского Таджикистана (1924–1967) / Акад. наук Таджикской ССР; гл. ред. акад. М.С. Асимов. – Душанбе: Дониш, 1968. – 180 с.
22. О подготовке научно-педагогических кадров в Таджикской ССР (1970–1980 гг.) / Х.А. Афзалов; отв. ред. проф. И.О. Обидов. – Душанбе: Дониш, 1983. – 100 с.
23. Очерки истории Коммунистической партии Таджикистана. - Т. II. 1938–1964 гг. / Ин-т истории партии при ЦК КП Таджикистана; под ред. акад. АН ТаджССР А.М. Богоутдинова. – Душанбе: Ирфон, 1965. – 412 с.
24. Очерки истории народного образования в Таджикистане (1924–1965 гг.) / И.О. Обидов; под ред. чл.-корр. АН ТаджССР З.Ш. Раджабова. – Душанбе: Ирфон, 1965. – 310 с.
25. Павловский Е.Н. Таджикская база Академии наук СССР и её научно-исследовательская деятельность / Е. Н. Паловский. – Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 45 с.
26. Раджабов З.Ш. Моя жизнь: воспоминания и размышления / под ред. акад. АН РТ Р.М. Масова. – Душанбе: Дониш, 2001. – 200 с.
27. Развитие науки в Таджикской ССР (1951–1981) / Акад. наук Таджикской ССР; гл. ред. акад. М.С. Асимов. – Душанбе: Дониш, 1984. – 200 с.
28. Таджикский государственный медицинский институт: исторический очерк (1939–1989 гг.) / сост. С.И. Исаков, К.Т. Таджикиев; отв. ред. проф. Ю.Б. Исхаки. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 96 с.
29. Таджикский государственный университет им. В.И. Ленина: (исторический очерк) / сост. П.Б. Бабаджанов; под ред. чл.-корр. АН ТаджССР С.А. Раджабова. – Душанбе: Ирфон, 1971. – 132 с.
30. Таджикский народ в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Л.П. Сечкина; отв. ред. акад. АН ТаджССР Б.И. Искандаров. – Душанбе: Дониш, 1989. – 236 с.
31. Таджикский политехнический институт: (к 20-летию со дня основания) / М-во высш. и сред. спец. образования Таджикской ССР; сост. С.И. Рахимов. – Душанбе: Ирфон, 1976. – 60 с.
32. Центральный государственный архив Республики Таджикистан (ЦГА РТ). – Ф. 360. – Оп. 1. – Д. 42. – Л. 23.

33. Центральный государственный архив Республики Таджикистан (ЦГА РТ). – Ф. 360. – Оп. 1. – Д. 42. – Л. 45.
34. Шукуров М.Р. История культурной жизни Советского Таджикистана (1917–1941 гг.). – Т. I / отв. ред. акад. АН ТаджССР З.Ш. Раджабов. – Душанбе: Ирфон, 1970. – 494 с.

HISTORICAL PREQUISITES FOR RUSSIA'S PARTICIPATION IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF SCIENCE AND EDUCATION IN TAJIKISTAN

Odinayeva Nargis Nazarovna

Senior Lecturer, Postgraduate Student
of the Department of General and National History
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, str. M. Tursunzade, 30
Tel.: (+992) 985 08 07 50 (m.)
nara-odinaeva@mail.ru

The article examines the process of formation and development of the higher education system and academic science in Tajikistan during the Soviet period through the prism of Russia's (RSFSR) participation in building the educational and scientific infrastructure of the republic. The purpose of the study is to identify the main directions, forms, and mechanisms of Russian support in training national personnel, establishing higher education institutions, and developing the scientific potential of Tajikistan. The methodological framework of the research is based on historical-comparative, problem-chronological, and systemic methods, while the source base includes archival documents, statistical materials, and published historical studies. The paper reviews the stages of creating the republic's first higher education institutions, reveals the role of Russian universities and scientific institutions in training teaching and research personnel, and demonstrates the contribution of scientists evacuated during the Great Patriotic War to the formation of Tajik scientific schools. Special attention is paid to the history of the establishment of the Tajik State University and the development of inter-university cooperation, which ensured the training of highly qualified specialists. It is concluded that systemic personnel, scientific-methodological, and material-technical support from Russia became one of the key factors in forming the modern system of higher education and science in Tajikistan. The obtained results allow considering the Soviet experience of Russian-Tajik cooperation as an important historical foundation for contemporary integration processes in the educational and scientific spheres.

Keywords: history of education; history of science; Tajikistan; Russia (RSFSR); higher education; Soviet period; Russian-Tajik cooperation; scientific personnel; academic science; educational policy.

ЗАМИНАҲОИ ТАЪРИХИИ ИШТИРОКИ РОССИЯ ДАР ТАШАККУЛ ВА РУШДИ ИЛМУ МАОРИФИ ТОҶИКИСТОН

Одинаева Наргис Назаровна

муаллими калон, аспиранти
кафедраи таърихи умумӣ ва ватании
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 985 08 07 50 (м.)
nara-odinaeva@mail.ru

Дар мақола раванди ташаккул ва рушди низоми таҳсилоти олий ва илми академии Тоҷикистон дар давраи шӯравӣ тавассути призмаи иштироки Россия (РСФСР) дар бунёди инфрасохтори таълимӣ ва илмӣ ҷумҳурӣ мавриди пажӯҳиш қарор гирифтааст. Мақсади тадқиқот аз муайян намудани самтҳо, шаклҳо ва механизмҳои асосии дастгирии Россия дар оморасозии кадрҳои миллий, таъсиси муассисаҳои таҳсилоти олий ва рушди иқтисодии илмӣ Тоҷикистон иборат мебошад. Асоси методологии тадқиқотро методҳои таърихӣ-муқоисавӣ, проблемавӣ-хронологӣ ва низомӣ, инчунин заминаи сарчашмавино хуҷатҳои бойгонӣ, маводи оморӣ ва тадқиқоти таърихӣ нашршуда ташкил додаанд. Дар мақола марҳалаҳои таъсиси нахустин муассисаҳои таҳсилоти олии ҷумҳурӣ баррасӣ шуда, нақши донишгоҳҳо ва муассисаҳои илмӣ Россия дар оморасозии кадрҳои илмӣ-педагогӣ қушода шудааст, инчунин саҳми олимони дар солҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ эвакуатсияшуда дар ташаккули мактабҳои илмӣ Тоҷикистон нишон дода шудааст. Таваҷҷуҳи махсус ба таърихи таъсиси Донишгоҳи давлатии Тоҷикистон ва рушди ҳамкориҳои байнидонишгоҳӣ, ки оморасозии мутахассисони дорои таҳассуси олиро таъмин намуданд, зоҳир шудааст. Хулоса бароварда мешавад, ки дастгирии мунтазами кадрӣ, илмӣ-методӣ ва моддию техникӣ аз ҷониби Россия ба яке аз омилҳои асосии ташаккули низоми муносири таҳсилоти олий ва илми Тоҷикистон таъсир дод. Натиҷаҳои бадастомада имкон медиҳанд, ки таҷрибаи шӯравӣ ҳамкориҳои Россия ва Тоҷикистон ҳамчун заминаи муҳими таърихӣ равандҳои муносири интеграсионӣ дар соҳаҳои маориф ва илм баррасӣ шавад.

Калидвожаҳо: таърихи маориф; таърихи илм; Тоҷикистон; Россия (РСФСР); таҳсилоти олий; давраи шӯравӣ; ҳамкориҳои Россия ва Тоҷикистон; кадрҳои илмӣ; илми академӣ; сиёсати маориф.

УДК 1:2:316.647.7

**РАЗВИТИЕ НАУЧНО-ФИЛОСОФСКОГО МЫШЛЕНИЯ
КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
РЕЛИГИОЗНОМУ ФАНАТИЗМУ**

Диноршоева Зарина Мусоевна

доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник отдела истории философии

Институт философии и права
имени А.М. Баховаддинова

Национальная академия наук Таджикистана

734025, Республика Таджикистан, Душанбе, проспект Рудаки, 33

Тел.: (+992) 902 22 28 86 (м.)

В статье осуществляется попытка выявления основных причин радикализации религии и появления религиозного фанатизма и предлагаются механизмы противодействия этому явлению. Наряду с факторами, способствующими минимизации проявления религиозного фанатизма, указывается на постоянное развитие качества образования, которое закладывает основы научно-философского мышления и мировоззрения членов общества. Более того, автор утверждает, что качественное образование обуславливает формирование рационального и критического мышления, а также аналитического восприятия и осмысления мира, и это способствует самостоятельному поиску ответов без глубинного погружения в религиозное учение. Автор указывает на необходимость регулярного мониторинга общественной жизни и междисциплинарного подхода к исследованию причин активизации религии и религиозного фанатизма, так как борьба с религиозным фанатизмом предполагает выявление глубинных причин его возникновения и активизации. Одним из важных факторов борьбы с религиозным фанатизмом является недопущение политизации религии и сохранение основ светского государства. Также в статье излагается идея о том, что выполняя свои социальные функции, религия будет сохранять свои позиции в традиционных обществах, поэтому важным является не противопоставлять религиозность светскости, научное знание религиозному, веру знанию, обостряя ситуацию, а находить и применять превентивные меры для предотвращения крайних форм проявления религиозности в обществе.

Ключевые слова: религия; вера; общество; образование; свободомыслие; функции религии; религиозный фанатизм; экстремизм; научно-философское мышление; мировоззрение.

История человечества свидетельствует о том, что религия, являясь

формой общественного сознания, отражает содержание общественного бытия, и эволюция религиозных представлений обусловлена теми изменениями, которые происходят в общественной жизни людей, в их духовной и материально-производительной деятельности. В этом смысле, религия не имеет самостоятельной истории, оторванной от истории общества. Поэтому если в развитии религии следить даже только за той нитью, которая связана с изменением ее верований, то и тогда необходимо видеть основной фактор этого развития, лежащий вне самой религии, в реальной общественно-исторической действительности. С условиями развития общественной жизни связаны и процессы активного либо пассивного проявления религии в обществе, процессы сакрализации и секуляризации общества, клерикализма и антиклерикализма, фундаментализма и экстремизма и т.д. Религии всегда сопутствовало свободомыслие в его различных проявлениях – богоборчество, нигилизм, индифферентизм, атеизм и т.д., которое отстаивало право разума на самостоятельное, критическое осмысление мира, его процессов и явлений. Человечество за всю свою историю прошло через периоды, когда религия в лице духовенства, церковных организаций и т.д. выступала в качестве карательного органа по отношению к свободомыслию, а, следовательно, к науке, философии и другим формам внерелигиозного постижения и осмысления мира. Достаточно вспомнить средневековую инквизицию, преследование инакомыслящих и свободомыслящих в мусульманском мире, абсолютную власть жрецов в брахманизме и т.д. Здесь уместен вопрос: каким образом, по каким причинам религия, являющаяся системой нравственных норм и общечеловеческих ценностей, регулятором взаимоотношений между людьми, может трансформироваться в орган непримиримости и насилия? Конечно, каждое конкретное подобное историческое явление заслуживает отдельного анализа и изучения, так как в конкретных общественных условиях действует определённая, соответствующая данной исторической эпохе и данному обществу совокупность объективных и субъективных причин. Однако неминуемо проявляется и общая закономерность этого процесса. Религия, религиозное учение становятся фактором, препятствующим стабильному развитию общества, прогрессу, модернизации, фактором дезинтеграции общества, детерминирующим межнациональные и межконфессиональные конфликты, когда:

1. Религиозное учение становится государственной идеологией и начинает отражать, защищать и, следовательно, служить интересам господствующего класса. В такой ситуации религиозные институты и организации перестают быть элементом духовно-культурной сферы общества и становятся частью политической сферы. При этом они практически перестают выполнять свои прямые функции и включаются в широкое пространство борьбы и столкновений политических интересов, целью и при-

чиной которых является борьба за власть.

2. Несмотря на то что религия и религиозное учение представляют собой некую систему моральных норм, гипертрофированное стремление к осуществлению регулятивно-воспитательной функции детерминирует тотальный контроль как общественной, так и личной жизни людей. Это может привести к расколу общества на тех, кто приемлет подобный тотальный контроль, и тех, кто с ним не согласен. Согласно всеобщему закону перехода количественных изменений в качественные, религиозное учение должно регулировать и воспитывать человека, а не карать и угнетать.

3. Использование религиозными организациями и духовенством религиозного учения ради достижения своих политико-экономических целей и амбиций, то есть когда происходит политизация религии.

4. Сопротивление религиозных организаций и духовенства модернизации общества и его сфер, их неприятие светского мышления и образа жизни, а также борьба с ними. Одной из причин этого является консервативность религиозного учения, стремление сохранить без изменений сложившиеся в совершенно иных исторических условиях взгляды, нормы, ценности и традиции.

Во избежание деструктивных последствий для общественной жизни необходимо осознать, что религия является элементом духовно-культурной сферы общества, и именно этим должны определяться её цели, задачи и функции в социуме. Религия должна перейти от контролирующей к воспитательной функции, от дезинтегрирующей – к интегрирующей, от призывов об исключительности того или иного религиозного учения – к осознанию самобытности всех конфессий.

Современный мир в целом и таджикское общество в частности характеризуются ростом и усилением религиозного сознания людей. При этом данная тенденция охватила и продолжает охватывать различные и даже противоположные слои населения – бедных и богатых, старых и молодых, образованных и малообразованных, работающих и безработных, интеллигенцию, чиновников, управленцев, рабочих и крестьян. При анализе данной ситуации можно выявить комплекс причин, как внутренних, так и внешних, объективных и субъективных, обусловивших подобное состояние таджикского общества. Но следует учитывать и то, что полное объяснение этому процессу нельзя дать, опираясь лишь на строгий детерминизм и каузальность [2, с.84]. Необходимо иметь в виду наличие альтернативных путей развития этого явления. К примеру, принято считать, что основными причинами, порождающими активизацию религии в обществе, являются социально-экономические и политические проблемы: бедность, безработица, кризис и недоступность образования, авторитаризм, тоталитаризм, кумовство, несоблюдение прав человека и т.д. Однако нередки

случаи, когда при наличии в обществе подобных ситуаций явная религиозная активность не наблюдается. И наоборот, во вполне успешно развивающихся обществах может проявляться усиление религиозного сознания.

Активизация религиозного сознания обуславливает рост религиозного фанатизма. Терминологическое значение этого понятия дано во многих словарях, обобщая которые можно сказать, что фанатизм – это прежде всего непоколебимая и отвергающая альтернативы приверженность индивида определённым убеждениям, которая находит выражение в его деятельности и общении. На основе этого можно выявить основные признаки фанатизма: готовность к жертвам; сочетание преданности идее с нетерпимостью к инакомыслящим; пренебрежение этическими и правовыми нормами; феномен групповой психологии, характеризующийся повышенной эмоциональностью; отказ от диалога; отсутствие критического восприятия своих убеждений. Весьма точно отметил М. А. Яхьяев: «Теоретически плодотворный анализ религиозного фанатизма предполагает исследование религиозного сознания, религиозного поведения и религиозных организаций в плане выявления их особенностей, содержащих в себе ростки или потенциальный зародыш фанатизма» [20, с.45].

Фанатизм обуславливает возникновение экстремизма и терроризма. В настоящее время угроза терроризма ощущается по всему миру, и это становится одной из глобальных проблем человечества. В связи с этим мировое сообщество пришло к осознанию того, что борьба с терроризмом должна осуществляться совместно и на всех уровнях. Для этого необходимо координировать действия, принять комплексную программу по борьбе с терроризмом и разработать механизмы её осуществления. При этом даже страны, находящиеся в конфронтации друг с другом, должны объединить усилия в данном направлении, что, к сожалению, плохо получается в настоящее время. Более того, наличие разных, противоположных интересов у государств обуславливает формирование двойных стандартов и подходов к такому явлению, как терроризм и экстремизм. Однако не следует забывать, что не каждый верующий и религиозный человек является фанатиком либо может стать экстремистом и террористом: «прежде всего необходимо решить проблему критериев, позволяющих провести демаркационную линию между верующим и религиозным фанатиком» [8, с.148]. В самом общем смысле можно сказать, что разница между ними обычно кроется не в предмете веры, а в способе её проявления.

Наряду с множеством факторов, которые могут в определённой мере противодействовать религиозному фанатизму, можно назвать развитие научно-философского мышления, особенно у детей, подростков и молодёжи в целом. Для этого, на наш взгляд, необходимо:

- сформировать у молодёжи принцип «принятия», содержание кото-

рого сводится к тому, что человек имеет право быть другим. Это будет способствовать преодолению барьера «Я – чужой»: если другой человек не такой же, как я, это не означает, что он чужой или враг;

- создать условия для формирования личности ребёнка и подростка в многонациональной и поликонфессиональной среде. Чем раньше молодой человек столкнётся с языковым, культурным и религиозным разнообразием и ознакомится с ним, тем меньше он будет воспринимать это разнообразие как «чужое»;

- как можно раньше знакомить ребёнка и подростка с достижениями науки в формах, соответствующих возрастному восприятию (возрастная психология успешно решает данные задачи);

- в раннем возрасте формировать у детей и молодёжи самостоятельное, критическое и творческое мышление;

- способствовать созданию гармоничного психологического климата и успешному прохождению всех этапов социализации личности;

- стимулировать стремление молодёжи к ведению активной образа жизни и её интеграции в социум;

- минимизировать риски отчуждения молодёжи от нравственно-ценностной и правовой систем социума.

Решением данных задач и их реализацией занимаются социальные институты, деятельность которых обуславливает успех или неудачу в этом процессе. Необходимо отметить, что формирование научно-философского мышления, способствующего противодействию религиозному фанатизму, зависит и от наличия благоприятного климата во всех сферах общественной жизни: политической, экономической, социальной и духовной. Не последнюю, а, на наш взгляд, даже главную роль в формировании научного мышления и мировоззрения в обществе играет сфера образования, развитие естественно-научных знаний, изучение общественно-гуманитарных наук, а также правильное преподавание дисциплин с использованием новых методов. В любом случае успех в этом процессе зависит от того, насколько рано выявлены причины, породившие данное явление в социуме, и насколько быстро и эффективно они ликвидированы. Также стоит учитывать, что «в ситуации, когда традиционные религии не в состоянии справиться с вызовами времени, в обществе начинают появляться маргинальные религиозные течения» [4, с.36]

Выявлению причин и предпосылок фанатизма могут способствовать социологические опросы, на основе фундаментального анализа которых необходимо осуществлять предварительное прогнозирование.

Литература

1. Абдухамитов В.А. Правовое регулирование противодействия экстремизму в Республике Таджикистан // Российско-азиатский правовой журнал. – 2023. – № 4. – С. 36-41.
2. Анисин А.Л. Феномен «научного мировоззрения» // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2013. – № 1. – С. 81-86.
3. Артикалиева Д.О. Религиозный фанатизм и экстремизм: причины и последствия // ТТИ. – 2026. – № 5. – С. 12-18.
4. Власова Ю.М. Фанатизм как элемент веры и религиозной практики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 2-3 (8). – С. 34-38.
5. Гаврилкин А.В., Ибрагим М.И. Религиозный экстремизм в Республике Таджикистан: тенденция развития и методы борьбы на современном этапе // Вестник евразийской науки. – 2025. – № 2. – С. 104-112.
6. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Самоорганизация в проявлениях экстремизма молодёжи // Социологические исследования. – 2009. – № 1. – С. 78-88.
7. Касавин И.Т. Научное мировоззрение: концепт, идеология, социальная практика // Вопросы философии. – 2019. – № 12. – С. 78-87.
8. Кузнецова М.Н. Феномен религиозного фанатизма в контексте проблемы истины и эффективности // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2014. – № 10. – С. 145-153.
9. Мухаметзянова-Дуггал Р.М. Религиозный фанатизм и экстремизм: понятийный аппарат и социальные практики // Власть. – 2015. – № 11. – С. 126-131.
10. Мчедлова М.М. Религиозные смыслы современной общественной трансформации: новые теоретические подходы // Социологические исследования. – 2016. – № 10. – С. 60-67.
11. Нуров А.А. Проблемы демаркации религиозной традиции и деструктивного фанатизма в современной исламской философии // Известия Института философии, политологии и права им. А.Баховаддинова АН РТ. – 2022. – № 2. – С. 55-63.
12. Отношение студенческой молодёжи к экстремизму и его профилактика в образовательной среде / И.В. Антонович, А.А. Мазайлова, С.Г. Чудова [и др.] // Вестник Алтайского государственного университета. – 2024. – № 2. – С. 54-61.
13. Распопов В.Я. Научное мировоззрение // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. – 2017. – № 9-2. – С. 211-222.
14. Религиозный экстремизм среди молодёжи в условиях социальных изменений // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2016. – № 4 (156). – С. 15-22.
15. Саидов А.С. Социальные корни религиозного экстремизма в Таджикистане // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. – 2012. – № 3. – С. 45-52.
16. Салимов Н.С. Роль системы образования в формировании гражданской идентичности и светского мировоззрения молодёжи Таджикистана // Паёми До-нишгоҳи миллии Тоҷикистон. – 2019. – № 4. – С. 89-95.
17. Холиков К.З. Особенности государственно-конфессиональных отношений в условиях модернизации таджикского общества // Китобдор. – 2018. – № 2. – С. 67-73.

18. Шарипов А.М. Политизация религии как угроза стабильности транзитивного общества // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. - 2018. – № 1 (74). – С. 142-150.
19. Шенгальц Е.В. Социально-психологические факторы формирования критического мышления у подростков // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 3 (82). – С. 289-292.
20. Яхьяев М.Я. Феномен религиозного фанатизма. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2006. – 312 с.

THE DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC AND PHILOSOPHICAL THINKING AS A FACTOR IN COUNTERING RELIGIOUS FANATICISM

Dinorshoeva Zarina Musoevna

Doctor of Philosophy, Professor,
Chief Researcher of the Department of the History of Philosophy
the Institute of Philosophy and Law
after A.M. Bakhovaddinov
National Academy of Sciences of Tajikistan
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Avenue, 33
Ph.: (+992) 902 22 28 86 (m.)

The article attempts to identify the main causes of religious radicalization and the emergence of religious fanaticism, offering mechanisms to counter this phenomenon. Along with factors contributing to minimizing the manifestations of religious fanaticism, the author points to the continuous development of the quality of education, which lays the foundation for the scientific and philosophical thinking and worldview of society members. Moreover, the author argues that quality education drives the formation of rational and critical thinking, as well as an analytical perception and understanding of the world, which fosters an independent search for answers without deep immersion into religious doctrines. The author highlights the need for regular monitoring of public life and an interdisciplinary approach to researching the causes behind the revitalization of religion and religious fanaticism, since countering religious fanaticism requires identifying the underlying causes of its origin and activation. One of the vital factors in combating religious fanaticism is preventing the politicization of religion and preserving the foundations of a secular state. The article also puts forward the idea that by fulfilling its social functions, religion will maintain its positions in traditional societies; therefore, it is crucial not to oppose religiosity to secularism, scientific knowledge to religious views, or faith to knowledge—which only aggravates the situation—but rather to find and apply preventive measures to preclude extreme forms of religious expression in society.

Keywords: religion; faith; society; education; free-thinking; functions of religion; religious fanaticism; extremism; scientific and philosophical thinking; worldview.

РУШДИ ТАФАККУРИ ИЛМӢ-ФАЛСАФӢ ҲАМЧУН ОМИЛИ МУҚОВИМАТ БА ТААССУБИ ДИНӢ

Диноршоева Зарина Мусоевна

доктори илмҳои фалсафа, профессор,
сарҳодими Шӯъбаи таърихи фалсафаи

Институти фалсафа ва ҳукуки

ба номи А.М. Баҳоваддинов

Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 33

Тел.: (+992) 902 22 28 86 (м.)

Дар мақола кӯшиши муайян кардани сабабҳои асосии радикализатсияи дин ва пайдоиши таассуби динӣ сураат гирифта, механизмҳои муқовимат ба ин падида пешниҳод шудаанд. Дар баробари омилҳое, ки ба ҳадди ақал расонидани зуҳуроти таассуби динӣ мусоидат мекунад, ба рушди мунтазами сифати таҳсилот, ки заминаҳои тафаккур ва ҷаҳонбинии илмӣ-фалсафии аъзои ҷомеа ро мегузорад, ишора шудааст. Илова бар ин, муаллиф таъкид мекунад, ки таҳсилоти босифат боиси шаклгирии тафаккури ратсионалӣ ва интиқодӣ, инчунин дарки таҳлилӣ ва фаҳмиши ҷаҳон мегардад ва ин ба ҷустуҷӯи мустақилонаи ҷавобҳо бидуни ғӯтаварихҳои амиқ ба таълимоти динӣ мусоидат мекунад. Муаллиф зарурати мониторинги мунтазами ҳаёти ҷамъиятӣ ва равиши байни-соҳавиро ба таҳқиқи сабабҳои фаъолшавии дин ва таассуби динӣ нишон медиҳад, зеро мубориза бо таассуби динӣ ошкор кардани сабабҳои амиқи пайдоиш ва фаъолшавии онро тақозо менамояд. Яке аз омилҳои муҳими мубориза бо таассуби динӣ пешгирӣ аз сиёсигардонии дин ва ҳифзи асосҳои давлати дунявӣ мебошад. Инчунин дар мақола ин ақида баён шудааст, ки дин вазифаҳои иҷтимоии ҳудро иҷро намуда, мавқеи ҳудро дар ҷомеаҳои суннатӣ нигоҳ медорад, бинобар ин муқобил нагузоштани диндорӣ ба дунявият, дониши илмӣ ба динӣ ва эътиқод ба дониш, ки вазъиятро шиддатнок мекунад, муҳим буда, пайдо ва амалӣ намудани чораҳои пешгирикунанда барои ҷилавгирӣ аз шаклҳои ифротии зуҳури диндорӣ дар ҷомеа зарур мебошад.

Калидвожаҳо: дин; эътиқод; ҷомеа; таҳсилот; озодфикрӣ; вазифаҳои дин; таассуби динӣ; экстремизм; тафаккури илмӣ-фалсафӣ; ҷаҳонбинӣ.

УДК 141.7:331.5 (470)

КАДРОВЫЙ ДЕФИЦИТ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ФЕНОМЕН

Ульмасов Рахмон

доктор экономических наук, профессор
кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 985 73 83 20 (м.)
ulmasovr@gmail.com

В данной работе представлен комплексный междисциплинарный анализ кадрового дефицита в современной России, рассматриваемого не только как экономическая диспропорция, но и как фундаментальный социально-философский вызов. На основе актуальных статистических данных за 2023-2025 гг. (дефицит на уровне 4,8 млн человек) и экспертных прогнозов до 2030 года исследуется трансформация российского рынка труда в условиях демографического сжатия.

Особое внимание уделяется изменению антропологического облика и ценностных ориентиров «человека труда», переходу от индустриальной этики к постиндустриальным моделям самореализации. В работе подробно анализируется роль трудовой миграции из стран Центральной Азии, в частности, Таджикистана, как ключевого фактора устойчивости экономики. Рассматриваются новые социальные практики: межнациональные браки, изменение ментальных установок мигрантов нового поколения, а также гендерная трансформация традиционно «мужских» отраслей (строительство, промышленность).

Автор обосновывает необходимость перехода от ситуативного реагирования к системной государственной политике, включающей цифровизацию миграционных процедур, развитие межгосударственных образовательных кластеров и формирование новой этики «лояльного контракта». Работа завершается выводом о том, что эффективное управление человеческим капиталом и гуманная интеграция мигрантов являются обязательными условиями сохранения социальной солидарности и обеспечения национальной безопасности России в эпоху глобальных перемен.

Ключевые слова: кадровый дефицит; социальная философия; трудовая миграция; демографическая трансформация; социальная интеграция экономическая устойчивость; текучесть кадров; институциональная адаптация.

По оценкам Института экономики РАН и Института Гайдара, в 2023 году в России наблюдался дефицит рабочей силы на уровне 4–4,8 млн человек [11]. В 2024–2025 гг. более 90 % работодателей сообщали о нехватке

сотрудников [22]. Совокупный структурный дефицит оценивается примерно в 1 млн работников при одновременной текучести кадров на уровне 48 % (при условно допустимой норме около 30 %) [13].

Отраслевая структура дефицита трудовых ресурсов свидетельствует о системном характере проблемы и дисбалансе спроса и предложения на рынке труда:

- Логистика и складское хозяйство: в данном секторе нехватка персонала достигает 30–50 %. Особо острая потребность зафиксирована в сегменте линейного персонала и водителей (категории В, С, Е), где спрос увеличился на 200–300 %.

- Агропромышленный комплекс: по прогнозным данным, к 2025 году дефицит кадров в сельском хозяйстве может составить до 300 тыс. человек. При этом ежегодная потребность в привлечении новых специалистов оценивается в 143 тыс. единиц.

- Промышленный сектор: наблюдается критическая нехватка квалифицированных рабочих кадров (токарей, слесарей, сварщиков), совокупный дефицит которых оценивается в 140 тыс. специалистов.

- Здравоохранение: отмечается устойчивая регрессивная динамика кадрового обеспечения, начавшаяся в 2019 году. Проблема носит комплексный характер, затрагивая как врачебный состав, так и средний медицинский персонал.

- Высокотехнологичный и инфраструктурный секторы: в IT-сфере, строительстве, ЖКХ и транспортной отрасли значительная часть вакансий характеризуется длительным периодом экспозиции, оставаясь незакрытыми в течение долгого времени.

В рамках социальной философии кадровый дефицит не сводится исключительно к экономической диспропорции между спросом и предложением на рынке труда. Он выступает индикатором более глубоких структурных трансформаций общества – демографических, ценностных, институциональных и цивилизационных. В этом контексте кадровый голод в современной России представляет собой комплексную и затяжную проблему, охватывающую ключевые сектора экономики. По расчетам экспертов, для замещения выбывающих кадров и обеспечения устойчивого функционирования системы необходимо ежегодно привлекать до 2 млн молодых работников.

Сокращение численности трудоспособного населения отражает не просто статистический тренд, а изменение воспроизводственной модели общества. Старение населения и снижение рождаемости означают трансформацию самой социальной ткани – ослабление механизма межпоколенческой преемственности и перераспределения социальных ролей.

В условиях рекордно низкой безработицы наиболее остро кадровый дефицит в РФ ощущается в промышленности, строительстве, транспорте и розничной торговле. И эта тенденция ослабевать не будет. Одним из основных способов решения проблемы восполнения трудовых ресурсов в РФ и во всем мире является привлечение мигрантов. Дефицит рабочей силы к 2030 году составит от 2–4 млн человек, в том числе среди специалистов со средним специальным образованием – от 1,1 млн до 2,2 млн, а среди работников с высшим образованием – от 700 тыс. до 1,4 млн [27]. К концу 2024 года 70% предприятий в РФ испытывали дефицит кадров. Работодатели были вынуждены увеличивать нагрузку на сотрудников и дополнительно материально их поощрять [14]. Демографический кризис в современной России – это не только сокращение численности населения и старение трудоспособной когорты. В социально-философском измерении он выступает антропологическим вызовом, затрагивающим основы воспроизводства человека как социального существа, носителя культуры, труда и исторической памяти.

Сокращение трудоспособного населения сочетается со структурным дефицитом рабочих и инженерных кадров. Возникает парадокс: общество остро нуждается в «человеке труда», однако сложившаяся система социализации ориентирует молодёжь на принципиально иные модели успеха. В философском смысле наблюдается трансформация самого образа человека:

- от «человека профессии» к «человеку проекта»;
- от стабильной занятости к фрагментарной (проектной);
- от профессиональной идентичности к гибкой, сетевой.

Данный демографический сдвиг в современной России – это не просто статистический тренд, а глубокая трансформация структуры семьи, модели труда и межпоколенческой солидарности. Он усиливает разрыв между экономической потребностью в стабильных кадрах и культурной ориентацией на мобильность. В социально-философском контексте это явление выступает антропологическим вызовом, требующим комплексного переосмысления политики воспроизводства населения, образовательных стратегий, миграционного регулирования и ценностных оснований общественного развития.

В условиях демографического сжатия миграция становится способом поддержания численности трудовых ресурсов. Однако в социально-философском аспекте это означает изменение этнокультурной структуры общества, расширение пространства межкультурного взаимодействия и необходимость формирования новых форм социальной солидарности. Антропологический вызов здесь заключается в вопросе: способно ли общество интегрировать «другого» без утраты собственной идентичности?

В России миграция долгое время выступала не только как экономическое явление, но и как механизм компенсации демографического спада и дефицита рабочей силы, вызванных низкой рождаемостью, старением населения и эмиграционными потоками. Например, до пандемии COVID-19 в России работали 4–4,5 млн иностранцев, составляя значительную часть рабочей силы – особенно в низкоквалифицированных отраслях. Это составляло примерно 7% всей экономически активной рабочей силы [8]. По данным на 2023 год, официально 2,15 млн мигрантов были легально трудоустроены, что составляет примерно 3–4% от рынка труда страны (из 72 млн человек трудоспособного возраста) [16].

Между тем на российском рынке труда растет потребность в иностранной рабочей силе. В настоящее время ряд секторов экономики, в том числе имеющие стратегическое значение (оборонный и энергетический), испытывают кадровый голод, несмотря на существенный рост заработных плат [7]. По данным РАН, российским компаниям не хватает около 4,8 млн работников. Этот дефицит замедляет экономический рост, в то время как безработица достигла исторического минимума в 2,8% (I квартал 2024 года). По словам главы Центрального банка Эльвиры Набиуллиной, нехватка трудовых ресурсов является главной проблемой российской экономики.

Президент Российской Федерации Владимир Путин в декабре 2023 года заявил, что в стране находятся более 10 млн мигрантов, включая трудовых [15]. Несмотря на высокую потребность в кадрах, приток иностранных рабочих сокращается: так, в 2023 году миграционный прирост составил около 560 400 человек, что на 23% меньше, чем годом ранее. Это снижает компенсирующий эффект миграции в условиях демографического спада и лишь усиливает дефицит кадров [6].

Понимание трудовой мотивации в современной России важно не только как экономическая категория, но и как социально-культурный феномен. Изменения в том, почему люди работают, какие условия считают приемлемыми и что является для них жизненным ориентиром, отражают фундаментальные сдвиги в ценностных установках общества в целом. Современный работник всё чаще ориентируется не только на уровень оплаты труда, но и на качество жизни, гибкость занятости и баланс между работой и личным временем. Это свидетельствует о смене ценностной парадигмы – от индустриальной этики труда к постиндустриальной модели самореализации. Таким образом, кадровый голод – это во многом дефицит согласования между институциональной организацией труда и новыми социальными ожиданиями.

Согласно опросам рекрутинговой компании Kelly (2024), для 56% российских соискателей ключевым мотивом является соблюдение баланса между работой и личной жизнью (work-life balance), а не только матери-

альный фактор. Это подтверждает, что современный сотрудник в большей степени ориентирован на качество жизни, чем на традиционные модели трудовой активности. Аналогичные результаты демонстрируют исследования HeadHunter - каждый третий работник готов сменить место ради гибкого графика даже без увеличения дохода. При этом более 70% респондентов ставят «комфортные условия труда» выше карьерного роста [29]. Следовательно, классическая установка «больше работать – больше зарабатывать» уступает место сложным ценностным моделям, где приоритет отдается эмоциональному благополучию, свободе и самореализации.

Современные мигранты из Таджикистана принципиально отличаются от представителей первых волн трудовой миграции 1990-х – начала 2000-х годов. Эти различия проявляются не только в экономическом поведении, но и в ментальных установках, психологической готовности к интеграции и механизмах социальной адаптации.

В 1990-е – начале 2000-х годов мигранты преимущественно рассматривали Россию как временное место заработка. Поездки планировались как краткосрочные и имели целью исключительно материальную поддержку семьи на родине. Основным фокусом выступало финансовое выживание, что обуславливало минимальную адаптацию к российской среде: слабое владение языком и отсутствие долгосрочного жизненного проектирования. Ментальная установка того периода формулировалась как «выжить и заработать», практически не подразумевающая интеграционных социальных целей.

В противовес этому, современное поколение трудовых мигрантов демонстрирует принципиально иной подход. Сегодня наблюдается ориентация на глубокую интеграцию: мигранты системно изучают русский язык, проходят курсы повышения квалификации и осваивают новые востребованные профессии. Показателем стратегического мышления и серьезности намерений становится рост инвестиций в недвижимость на территории России. В ментальном плане фокус сместился с простого накопления денежных средств на саморазвитие и карьерное продвижение [18].

Параллельно с ментальными сдвигами происходила и эволюция социальных практик. Если в 1990-е – начале 2000-х годов социальная интеграция была минимальной, то сегодня эти границы становятся более прозрачными. В ранний период миграции браки заключались преимущественно внутри этнических групп, а участие в жизни местных сообществ было крайне ограниченным. Социальная жизнь в России фактически замыкалась внутри рабочего коллектива, а ресурсы редко вкладывались в образование или долгосрочные социальные проекты [3].

Современное поколение трудовых мигрантов всё чаще создают семьи с представителями других национальностей, особенно русскоязычны-

ми, что значительно повышает уровень их социальной интеграции. Они проявляют устойчивый интерес к долгосрочному проживанию: получают образование в колледжах и университетах, открывают бизнес, приобретают жилье и активно участвуют в культурной и экономической жизни регионов пребывания [17]. С развитием трудовой миграции из Таджикистана, начиная с 1990–2000-х годов, неуклонно росло число межнациональных союзов. По экспертным оценкам, среди нескольких сотен тысяч граждан Таджикистана, получивших российское гражданство после 2000-х годов, от 40 до 60 тыс. человек заключили браки с россиянками. Такие союзы, существующие как в официальной, так и в гражданской формах, стали заметной тенденцией среди мигрантов этого поколения [20]. Анализ данных прошлых переписей населения показал, что около 70% семей, где супруг – таджик, являются интернациональными. Это относительно высокий показатель в сравнении с другими этническими группами [5]. Основными причинами формирования таких союзов являются:

- тесное социальное взаимодействие внутри многонациональных трудовых коллективов;
- глубокая интеграция мигрантов в местные сообщества;
- успешная языковая адаптация (активное освоение русского языка);
- длительное проживание и стремление к созданию полноценной семейной жизни за пределами родины.

В 2025 году в Таджикистане зарегистрировано 122 брака таджикских женщин с иностранными гражданами. Согласно действующему законодательству, такие союзы заключаются на основании обязательного брачного договора. Стоит отметить, что иностранные граждане имеют право вступать в брак с гражданами Таджикистана только после проживания в республике не менее одного года. При этом иностранный супруг в рамках установленных требований обязан обеспечить своего партнера жильем на территории Таджикистана [5].

Трудовые мигранты из Таджикистана нынешнего поколения действительно всё чаще ориентируются на длительное проживание и глубокую интеграцию в России. Это проявляется не только в профессиональной адаптации и изучении языка, но и в создании семей, в том числе интернациональных. Межнациональные браки таджиков с россиянками или представительницами других этнических групп стали реальной социальной практикой, отражающей процессы культурного обмена, идущие параллельно с трудовой миграцией [17]. Таким образом, современное поколение мигрантов демонстрирует коренное отличие от предшественников 1990-х годов в ментальном, психологическом и социальном аспектах. Данная генерация ориентирована на долгосрочную интеграцию, саморазвитие и ак-

тивное межкультурное взаимодействие, что делает их значимым элементом социальной и экономической структуры регионов России [20].

Миграция в современной России – это не только экономический ресурс и демографический компенсатор, но и значимый структурный фактор социальной динамики. Она трансформирует саму конфигурацию общественной солидарности, идентичности, стратификации и межкультурной коммуникации.

С точки зрения социальной философии, миграция изменяет социальную морфологию общества [12], перераспределяются роли, усиливается разделение труда, усложняются формы кооперации. В условиях кадрового дефицита (оценка которого в 2023 г. составила 4–4,8 млн человек) мигранты заполняют ниши в строительстве, логистике, ЖКХ и сельском хозяйстве, формируя новые слои «трудовой периферии» и одновременно – каналы социальной мобильности. Миграция усиливает органическую солидарность (по Дюркгейму) – взаимозависимость различных групп через разделение труда – однако при институциональных сбоях она может порождать аномию [12].

Через призму теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса [31] миграция рассматривается как расширение «жизненного мира» общества: возникают новые культурные коды, языковые практики и формы повседневности. Успех интеграции в данном контексте напрямую зависит от инклюзивности социальных институтов (образования, рынка труда, правовой системы) и общей способности социума к межкультурному диалогу.

Исследования ВШЭ фиксируют устойчивый рост доли мигрантов, ориентированных на долгосрочное пребывание. Это проявляется через активные инвестиции в профессиональное обучение, совершенствование владения русским языком, а также стремление к получению вида на жительство (ВНЖ) или гражданства РФ [19].

Таким образом, интеграция представляет собой не принудительную ассимиляцию, а коммуникативное согласование норм; без этого процесса неизбежно возрастает риск символических конфликтов. Миграция трансформирует идентичность личности, переводя её из этнически замкнутого состояния в гражданское и практико-ориентированное, через институты труда, образования и семьи.

В логике П. Бурдьё [1] мигранты входят в принимающее общество с определённым набором капиталов: экономическим, культурным и социальным. Успешность их жизненных траекторий напрямую зависит от возможности конвертации культурного капитала (знание языка, наличие диплома) в капитал экономический (стабильная занятость, доход). В условиях естественной убыли населения, по оценкам демографов ВШЭ, для стабилизации численности необходим ежегодный приток сотен тысяч человек

[9], миграция выступает важнейшим механизмом социального воспроизводства. Она восполняет не только дефицит рабочей силы, но и поддерживает развитие культурной среды через формирование новых семей и участие детей мигрантов в системе образования [20].

Миграция – это неотъемлемый элемент исторической динамики общества; вопрос заключается не в «быть или не быть» миграции как таковой, а в качестве институтов интеграции и справедливости распределения возможностей. Кадровый дефицит объективно усиливает зависимость экономики от миграционных потоков. В социально-философском измерении это означает неизбежное расширение культурного и этнического многообразия, что требует выработки новых механизмов общественной солидарности. В противном случае экономический потенциал миграции рискует трансформироваться в источник социального напряжения и конфликтности.

В условиях острого кадрового голода работодатели всё чаще вынуждены рассматривать варианты привлечения трудовых мигрантов не только из стран СНГ, но и из нетрадиционных регионов – таких как Индия, Пакистан или страны Африки.

Привлекательность Российской Федерации для граждан Таджикистана может снизиться на фоне недавних изменений в российском законодательстве. С одной стороны, эти меры направлены на упорядочивание миграционных процессов и защиту прав иностранных работников. С другой стороны, они существенно ужесточают требования, увеличивая финансовую и административную нагрузку на мигрантов. Подобное усиление контроля может сделать российский рынок труда менее конкурентоспособным, особенно для категории низкоквалифицированных работников.

Кадровый голод – это острый дефицит квалифицированной рабочей силы, при котором спрос работодателей на сотрудников значительно превышает предложение. Данное явление проявляется как в отдельных отраслях - IT, медицина, строительство, так и в масштабах всей экономики. На текущий момент более 4 млн вакансий остаются незакрытыми. Свыше 60% работодателей отмечают нехватку рабочих рук, особенно в промышленности, строительстве, транспорте и сельском хозяйстве [10]. Наиболее востребованными категориями персонала являются:

- монтажники и строители (более 43 000 квот);
- специалисты в области металлообработки и машиностроения (свыше 23 000);
- операторы, аппаратчики и машинисты оборудования (более 29 000);
- представители других квалифицированных профессий на крупных и мелких промпредприятиях (более 74 000) [23].

Параллельно с производственным сектором рынок розничной торговли также не справляется с растущим спросом на квалифицированных сотрудников.

Большинство экспертов согласны с мнением, что приезжие могут закрыть потребность в кадрах в отраслях, нуждающихся в большом количестве массового персонала без высокой квалификации: ритейле, e-commerce, HoReCa, строительстве, транспорте и клининге. В сегменте вакансий, требующих высоких навыков, ситуация иная: по разным оценкам, доля квалифицированных мигрантов в России не превышает 5–10%. Впрочем, стоит отметить, что цифры разнятся в зависимости от отрасли и характера работы. Например, в строительных специальностях (маляры, штукатуры, плотники) их доля доходит до 40%, в то время как на производствах – лишь до 5%.

Миграция частично покрывает дефицит, но не решает проблему квалификации кадров. Особенно острый дефицит наблюдается в регионах Сибири, Дальнего Востока и в малых городах [21]. К сферам с наибольшей нехваткой специалистов относятся:

- Строительство: дефицит как рабочих (сварщиков, электриков, слесарей), так и инженеров.
- Здравоохранение: нехватка врачей, фельдшеров и медсестёр, особенно в сельской местности.
- Образование: дефицит школьных учителей математики и естественных наук.
- IT-сфера: несмотря на рост зарплат, сохраняется потребность в программистах, аналитиках и инженерах.
- Промышленность и логистика: острый спрос на слесарей, токарей, станочников и водителей [21].

В 2024 году официально зарегистрировано более 1,5 млн вакансий при наличии около 600 тыс. зарегистрированных безработных – количество предложений значительно превышает число соискателей [16]. На строительных объектах и промышленных предприятиях Москвы, Санкт-Петербурга и Дальнего Востока критически не хватает квалифицированных рабочих. Особо сильный дефицит кадров (до 400 тыс. человек) фиксируется на заводах оборонно-промышленного комплекса, в автомобилестроении и тяжёлой промышленности [24]. В сфере транспорта и логистики наблюдается нехватка водителей, грузчиков и экспедиторов; наиболее остро ощущается дефицит дальнбойщиков (рост нехватки на 58% за год) и водителей общественного транспорта [11].

Нехватка кадров и низкая квалификация остаются одними из самых острых проблем строительной отрасли. Труд мигрантов активно используется в рабочих специальностях и во всех видах промышленности – прежде

всего в легкой и пищевой. Малоизвестный факт: значительная часть мясной продукции в России производится именно с привлечением иностранных работников. Они демонстрируют высокую трудовую дисциплину, строго соблюдая технологические требования при работе на станках и конвейерах [27]. При этом, согласно опросам, примерно половина рабочих недовольна уровнем заработной платы и условиями труда. Одной из наиболее недооцененных проблем строительства сегодня является острый дефицит не офисных менеджеров, а линейного персонала: бетонщиков, арматурщиков, каменщиков, сварщиков, а также мастеров, прорабов и специалистов ПТО. Это люди, без которых невозможно возведение ни одного квадратного метра жилья, вне зависимости от проектных планов на бумаге [10].

В 2026 году строительная отрасль России столкнулась с критическим кадровым голодом. По оценкам Минстроя и экспертов рынка, дефицит составляет порядка 200 тыс. человек, что ставит отрасль в один ряд с наиболее пострадавшими сферами (медициной и логистикой) [11]. Демографический спад, старение населения и жесткая межиндустриальная конкуренция за таланты ведут к резкому росту зарплатных ожиданий, сложностям с удержанием персонала и увеличивают риски срыва сроков реализации крупных проектов [26].

В последние годы кадровый рынок серьезно просел из-за демографических факторов и жесткой конкуренции с отраслями, где условия труда легче при сопоставимых зарплатах. Стройка – это бетон, арматура, дожди, морозы и высокая интенсивность работ. Это тяжелый труд, который выдерживают далеко не все. При текущих тенденциях дефицит кадров будет сохраняться как минимум до 2030 года. Согласно официальным прогнозам, текущая нехватка в 4–5 млн человек при реализации пессимистичного сценария может вырасти до 11 млн к 2030 году. Это становится системным тормозом для экономики: сдерживается рост ВВП, сокращаются объемы выпуска продукции и снижаются темпы развития промышленности. Дефицит носит выраженный региональный характер: так, заводам Челябинской области не хватает тысяч рабочих, предприятиям Свердловской области требуется свыше 150 тысяч человек, а компаниям Якутии – более 3,4 тысячи работников [26].

Санкт-Петербург также столкнулся с масштабным кадровым голодом. Северной столице требуются специалисты в самых разных отраслях, однако полностью закрыть потребность не удастся. До 2029 года для стабильного развития экономики города необходимо ежегодно привлекать от 122 тыс. до 158 тыс. новых сотрудников. Наибольший спрос зафиксирован в торговле (25,2 тыс.), промышленности (18,3 тыс.), а также в сфере транс-

портировки и хранения (14,7 тыс.). При этом региональная система образования способна удовлетворить лишь около 75% этой потребности [11].

В условиях демографического спада и структурных трансформаций российского рынка труда миграция из стран Центральной Азии (Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана) приобретает стратегическое значение. Она выступает не просто дополнительным источником ресурсов, но и ключевым фактором устойчивости целого ряда отраслей. Трудовые мигранты заполняют ниши, не востребованные гражданами Российской Федерации, становясь важным элементом экономической стабильности [25]. Основная масса граждан Республики Таджикистан, выезжающих на заработки, по-прежнему направляется в Россию. За 2024 год из Таджикистана выехало около 618 097 человек, из которых 98% (порядка 605 500 человек) выбрали Российскую Федерацию. Согласно данным МВД РФ, по итогам года в страну прибыло около 6,3 млн иностранных граждан, из которых примерно половина – с трудовой целью. Доля граждан Таджикистана составила 16,7%, что эквивалентно чуть более чем 1 млн человек [9].

По данным IOM/World Bank, к сентябрю 2024 года миграционный поток сократился на 8% (с 673 285 до 618 097 человек). В связи с продолжающимся ужесточением миграционной политики Российской Федерации (депортации, секторальные запреты) этот тренд усилился. С учетом показателей конца 2024 и начала 2025 года, можно предположить, что за первое полугодие 2025 года в Россию выехало около 300–350 тыс. таджикских мигрантов. Общий поток трудовых мигрантов в Российскую Федерацию сократился на 15% относительно аналогичного периода 2023 года. Для Таджикистана этот спад особенно заметен: за январь–июль зарегистрировано 63 000 выехавших против 88 000 за тот же период предыдущего года [2].

Общее число трудовых мигрантов (включая работающих по патенту и сезонных рабочих) за первую половину 2025 года можно ориентировочно оценить в диапазоне 200–300 тысяч новых прибывших. Несмотря на общие тренды, возможен рост этого показателя по сравнению с первой половиной 2024 года, учитывая динамику выдачи рабочих разрешений и плановое квотирование [28]. За первые пять месяцев 2025 года (январь–май) бюджет России получил 60–63 млрд рублей от продажи трудовых патентов иностранным гражданам. Согласно прогнозу, по итогам всего первого полугодия 2025 года объем поступлений может составить примерно 72–76 млрд рублей [25]. Динамика налоговых доходов от миграции демонстрирует стабильный рост: если в 2017 году в бюджет РФ поступило 42 млрд рублей, то в 2024 году эта сумма достигла 124 млрд рублей. В первой половине 2025 года, по предварительной оценке, сборы уже составили около 72–76 млрд рублей [14].

В 2015 году (с января по октябрь) Москва получила 8,1 млрд рублей от продажи патентов мигрантам. К 2019 году поступления выросли до 18,3 млрд, а к 2022 году достигли рекордных 31,8 млрд рублей. Совокупно за период 2015–2022 годов бюджет столицы пополнился на 145 млрд рублей [28]. В 2025 году поступления в Москве составили 36,4 млрд рублей; далее запланирован рост до 39 млрд в 2026-м и до 42 млрд в 2027 году. Мэр Москвы Сергей Собянин публично заявлял, что доходы от системы патентов обеспечивают бюджету города более высокие поступления, чем налоги от зарегистрированных в столице нефтяных компаний. По его словам, доходы от патентов всего за полгода полностью окупают строительство и содержание миграционного центра [28].

Оформление патентов для трудовых мигрантов стало стабильным и значимым источником дохода как для федерального, так и для региональных бюджетов. Патентная система сегодня – это не только инструмент регулирования миграционных потоков, но и эффективный фискальный механизм. Поскольку средства от оплаты патентов идут в бюджет того субъекта РФ, где он был оформлен, Москва остается их основным получателем.

При ежемесячной стоимости патента (составляющей в 2024–2025 гг. порядка 6,6–7,5 тыс. рублей в зависимости от региона) миллионы трудовых мигрантов становятся значимыми налогоплательщиками. Парадокс заключается в том, что, воспринимаясь обществом лишь как рабочая сила, мигранты вносят весомый вклад в бюджетную систему, зачастую не имея права на социальную защиту в том же объеме, что и граждане РФ [21]. Таким образом, система патентов превратилась в важный элемент налоговой базы России, создав определенную финансовую зависимость региональных бюджетов от притока трудовой миграции.

Трудовая миграция из стран Центральной Азии играет критическую роль в компенсации дефицита рабочей силы в России. Однако для достижения устойчивого эффекта необходим переход от ситуативного реагирования к системной миграционной политике, ориентированной на глубокую социальную интеграцию, защиту прав работников и повышение эффективности их занятости.

Описанная выше финансовая значимость миграционных потоков и необходимость системного подхода к их интеграции находят свое наиболее яркое подтверждение в «полевых» условиях ключевых отраслей экономики. Именно здесь теоретические вызовы превращаются в ежедневную борьбу за ресурсы.

Строительная отрасль переживает серьезный кризис, вызванный комплексом факторов: от демографической ямы до фундаментальной трансформации ожиданий нового поколения работников. Ситуация обостряется на всех уровнях. Рабочих катастрофически не хватает, выпускники

профильных вузов зачастую не доходят до стройплощадок, а управленцы, ставшие дефицитным ресурсом, требуют кратного повышения зарплат [3]. По данным Натальи Лешиной, директора департамента HR GloraX, отрасль теряет двух специалистов каждый час. Около 67% выпускников строительных вузов выбирают иные сферы деятельности, а 23% строек фактически приостанавливаются из-за нехватки кадров. При этом вакансии на позиции квалифицированных рабочих, например сварщиков, могут оставаться открытыми более года [3]. В таких условиях компании вынуждены буквально сражаться за опытных каменщиков, бетонщиков, технадзоров и проектных директоров.

Международные организации, в частности, МВФ, и независимые аналитики подтверждают, что строительство остается крупнейшим сектором занятости для мигрантов из Таджикистана в России. Хотя официальная статистика, включая данные ФМС, ранее фиксировала долю занятых в этом секторе на уровне 20%, эти цифры могли существенно недооценивать реальные масштабы из-за сегментов теневой занятости [3]. Кризис диктует новые правила игры: преимущество получают руководители с предпринимательским мышлением, способные быстро адаптироваться к дефициту. Крайняя степень нехватки людей заставляет работодателей становиться лояльнее даже к тем кандидатам, которые ранее имели проблемы с законом [3].

В 2025 году в 8% российских компаний уже работает персонал с непогашенной судимостью. Для сравнения: 17 лет назад о наличии таких сотрудников сообщали лишь 3% предприятий. Согласно результатам последних опросов, сегодня принимать на работу бывших осужденных готовы уже 17% компаний [4]. Чаще всего таких соискателей трудоустраивают на добывающих, строительных, энергетических и производственных предприятиях, преимущественно на позиции рабочих и разнорабочих.

Кроме того, в рамках программы принудительных работ осужденные массово привлекаются в такие сферы, как строительство и сельское хозяйство. Например, в Татарстане они успешно трудятся на КАМАЗе, хлебозаводах и других крупных производствах [4]. Как отмечают аналитики, работодатели вынуждены прибегать к подобным мерам, чтобы покрыть потребности производства в условиях, когда ресурсы традиционного рынка труда практически исчерпаны.

Однако, несмотря на эти меры, без участия трудовых мигрантов любые кадровые усилия в строительной отрасли буксуют. Кадровый дефицит перестал быть частной проблемой отдельных компаний, превратившись в вызов системного масштаба. Кадровый потенциал в Центральной Азии по-прежнему велик – обществу и государству необходимо перестать его недо-

оценивать и научиться управлять им на принципах гуманности и эффективности.

Помимо расширения кадровой базы за счет категорий граждан, ранее исключенных из производственных процессов, работодатели все чаще обращаются к внутренним резервам, пересматривая традиционные гендерные стереотипы. В условиях дефицита мужских рук строительная отрасль начинает активно осваивать потенциал женского труда, что становится еще одним маркером адаптации рынка к новым реалиям.

В России участие женщин в строительной индустрии постепенно растет: сегодня они составляют около 15% от всех занятых в строительстве и ЖКХ. Это примерно 1,5 млн человек, или каждый шестой работник на стройплощадке. Наши соотечественницы уверенно осваивают широкий спектр специальностей: от традиционных отделочных работ до инженерного проектирования [33]. В качестве рабочих на стройке женщины чаще всего задействованы как штукатуры, маляры, плиточницы и каменщицы; реже встречаются крановщицы и машинистки строительной техники. Развитие профессиональных инициатив, таких как WorldSkills и проекты НО-СТРОЙ, дополнительно мотивирует женщин к освоению сложных технических навыков, включая сварку и управление тяжелой техникой. В ряде регионов, например в Тюменской области, число приглашений для женщин на строительные вакансии в 2023 году выросло на 30% [33].

Важным катализатором изменений стала либерализация законодательства. До 2021 года существовал список из 456 профессий, закрытых для женщин из-за тяжелых или опасных условий труда. С 2021 года большинство этих ограничений снято, хотя запрет на ручной подъем грузов более 10 кг по-прежнему сохраняется. На фоне дефицита кадров и автоматизации процессов доля женских резюме в отрасли выросла с 14% в 2022 году до 26% по итогам 2023 года [33].

Работодатели отмечают, что женщины зачастую являются наиболее дисциплинированными сотрудниками: они четко следуют инструкциям, строго соблюдают технику безопасности и демонстрируют высокую ответственность. Хотя физические ограничения сохраняются, этот аспект постепенно нивелируется за счет внедрения новых технологий и средств малой механизации. Таким образом, присутствие женщин в строительстве продолжит стабильно расти, трансформируя облик отрасли.

Трансформация кадрового рынка и поиск внутренних резервов, включая интеграцию женщин в производство, являются лишь частью более масштабного вопроса о сохранении и защите человеческого потенциала страны. Если экономика требует участия каждого трудоспособного гражданина сегодня, то социально-философский анализ заставляет нас обратить внимание на тех, кто составляет основу будущего общества – на де-

тей, чьи судьбы оказались тесно переплетены с глобальными политическими процессами.

Согласно данным Министерства просвещения Российской Федерации, на которые ссылается издание Worldcrunch, в период с 1993 по 2023 год более 100 000 российских детей были усыновлены иностранными семьями. Однако в последние годы данная практика постепенно сошла на нет и к 2024–2025 годам практически полностью прекратилась [33].

Историческая динамика процесса была неоднородной. В период с начала 1990-х до 2012 года только американскими семьями было усыновлено, по разным оценкам, от 45 до 60 тыс. российских детей. Если в 1990-е и начале 2010-х годов международное усыновление носило массовый характер, то после 2012 года (принятия Федерального закона № 272-ФЗ, известного как «закон Димы Яковлева») и особенно после 2022–2023 годов количество таких случаев стремительно сократилось [30].

Федеральное статистическое исследование 2023 года показало критическое снижение показателей: иностранные граждане усыновили лишь 0,27% детей (6 человек) от общего числа несовершеннолетних, переданных в новые семьи (2243 человека). Это на 89% меньше, чем в 2022 году, когда было зафиксировано 57 международных усыновлений [30]. Данные цифры относятся исключительно к международной практике и не учитывают показатели внутреннего усыновления российскими гражданами.

В социально-философском и правовом контексте это ставит перед государством важнейший вопрос ответственности за судьбы маленьких сограждан, оказавшихся за пределами родины. Идея мониторинга условий жизни этих детей морально оправдана. Российская сторона должна иметь механизмы влияния, гарантирующие безопасность детей и исключающие возможность их вовлечения в криминальные структуры или противоправные схемы (подобные печально известному «острову Эпштейна»). Вопрос защиты прав ребенка в условиях глобального перехода становится не просто юридическим, а экзистенциальным вызовом для современного общества.

Вопрос защиты прав детей и сохранения человеческого потенциала неразрывно связан с тем, как государство выстраивает отношения с теми, кто уже сегодня вносит вклад в его развитие. Переход от пассивного наблюдения к активному мониторингу судеб граждан должен сопровождаться и качественной трансформацией управления трудовыми ресурсами. В социально-философском аспекте миграция перестает восприниматься как стихийный процесс и становится осознанно регулируемым ресурсом социальной устойчивости, требующим внедрения современных институциональных механизмов.

Для обеспечения стабильного развития экономики и гармонизации общественных отношений необходимо внедрение комплексной стратегии, базирующейся на трех ключевых направлениях:

1. Упрощение и модернизация миграционных процедур.

Цифровизация становится главным инструментом вывода миграционных потоков из «серой» зоны. Внедрение платформ «одного окна» позволит интегрировать процессы получения патентов, прохождения медицинских осмотров и юридического оформления трудовых договоров в единую прозрачную систему. Снижение бюрократической нагрузки и издержек не только повышает привлекательность российского рынка труда, но и минимизирует коррупционные риски. Важным шагом в этом направлении должна стать автоматическая пролонгация разрешительных документов для добросовестных работников, не имеющих правонарушений

2. Развитие двусторонних межгосударственных соглашений.

Устойчивость системы обеспечивается через укрепление связей со странами-донорами трудовых ресурсов (Таджикистаном, Узбекистаном, Кыргызстаном). Переход к модели организованного набора позволяет мигранту следовать к конкретному работодателю под гарантии государства, минуя посредников и теневые рынки. Создание совместных рекрутинговых центров на родине мигрантов при активном участии Минтруда РФ обеспечит контроль качества трудового потока еще до момента пересечения границы.

3. Образование и профессиональная подготовка.

Социально-философская концепция интеграции подразумевает качественную подготовку «человека труда». Запуск программ предварительного обучения в странах исхода – по русскому языку, нормам трудового законодательства и культуре безопасности – снижает риск возникновения социальных конфликтов. В свою очередь, субсидирование краткосрочных курсов повышения квалификации уже на территории России и выдача признаваемых работодателями сертификатов позволяют мигрантам эффективнее встраиваться в высокотехнологичные сектора экономики, способствуя росту общего уровня производительности труда.

4. Интеграция и защита прав

Ключевым условием социальной устойчивости является повышение стандартов трудовой защиты. Это подразумевает обеспечение мигрантов качественным жильем, доступом к медицинской страховке и строгим соблюдением норм охраны труда. Усиление контроля за недобросовестными посредниками должно сопровождаться расширением программ адаптации. Работа консультационных центров и курсов русского языка помогает снизить риски маргинализации и способствует бесконфликтному встраиванию мигрантов в локальные сообщества [23].

5. Стимулы для работодателей

Для вывода рынка труда из «тени» необходима система экономических поощрений. Введение налоговых льгот и субсидий для компаний, официально нанимающих иностранных работников, сделает легальный найм выгоднее теневого. Важно также закрепить на региональном уровне признание значимого вклада легальных мигрантов в экономику и ввести понятие «приоритетных отраслей» (строительство, ЖКХ, АПК, транспорт), где потребность в иностранной силе является критической и требует адресной поддержки со стороны государства [19].

6. Региональная политика и диверсификация

Одной из главных задач является преодоление гиперцентрализации миграционных потоков. Необходимо стимулировать приток кадров не только в Москву и Санкт-Петербург, но и в регионы Сибири, Урала и Дальнего Востока, где кадровый голод ощущается наиболее остро. Создание в таких субъектах совместных миграционных центров позволит оперативно закрывать локальные потребности экономики и сбалансировать демографическую нагрузку на территорию страны.

7. Мониторинг и долгосрочное прогнозирование

Эффективное управление невозможно без точных данных. Создание единой системы учета и анализа потребности в кадрах по отраслям позволит государству действовать на опережение. Регулярная оценка реального вклада мигрантов в экономику (через показатели ВРП, НДФЛ и доходы от патентов) станет объективным основанием для корректировки миграционной политики, делая её гибким инструментом национального развития [21].

Человеческий капитал – это такая же часть себестоимости проекта, как бетон или кирпич, но гораздо более чувствительная. Быстрых решений здесь не существует. Необходимо восстанавливать связи с профильными колледжами и ПТУ Таджикистана, как это успешно практиковалось в советский период. Системная работа (практики, экскурсии на объекты, наставничество) поможет мотивировать людей оставаться в профессии, но она требует от компаний готовности вкладываться в людей «в долгую».

Компании, которые адаптируются к новой реальности, получают неоспоримое конкурентное преимущество. Им предстоит отказаться от устаревшей концепции «лояльного мигранта» в пользу модели «лояльного контракта»: прозрачного, краткосрочного, удобного и юридически защищенного. Возможно, именно в такой гибкости и заключается новая форма стабильности в нестабильном мире. Внутри организаций, министерств и ведомств кадровый резерв должен стать механизмом передачи знаний и внедрения свежих идей. Эффективность этой системы нельзя измерить

только количественно; это непрерывный процесс воспроизводства компетенций на всех уровнях управления.

Российский рынок труда продолжает сталкиваться с беспрецедентными вызовами. В условиях высокой конкуренции спрос на труд мигрантов в ключевых секторах будет только расти. Дальнейшее развитие ситуации зависит от того, насколько быстро государство и бизнес смогут перейти к новым формам взаимодействия. Очевидно одно: борьба за кадры в востребованных областях будет лишь усиливаться, требуя от всех участников процесса гибкости, гуманности и стратегического видения.

Таким образом, кадровый дефицит в современной России представляет собой не только экономическую проблему, но и социально-философский вызов, отражающий глубинные изменения в демографии, ценностях, институтах и механизмах социальной интеграции. По расчётам экспертов, ежегодно необходимо привлекать до 2 млн молодых работников для замещения выбывающих кадров и поддержания устойчивости экономики.

В социально-философском контексте это означает необходимость переосмысления модели воспроизводства человеческого капитала, роли государства в регулировании миграции и образования, а также формирования новой этики труда в условиях постиндустриальной трансформации общества.

Литература

1. Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр. А.Т. Бикбова [и др.]; общ. ред. Н.А. Шматко. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. – 562 с.
2. В Душанбе заявили, что РФ может стать менее желанной для трудовых мигрантов // ТАСС: [электронный ресурс]. – 2025. – 10 июня. – URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 08.04.2026).
3. В поисках кадров: почему на стройке не хватает рабочих, инженеров и управленцев // Фонтанка.ру: [электронный ресурс]. – 2025. – 24 июня. – URL: <https://fontanka.ru> (дата обращения: 08.04.2026).
4. В России стали чаще принимать на работу бывших преступников // Росбалт: [электронный ресурс]. – 2025. – 25 апр. – URL: <https://rosbalt.ru> (дата обращения: 08.04.2026).
5. В Таджикистане зарегистрировано более 120 браков таджикских женщин с иностранцами // ИА Asia-Plus: [электронный ресурс]. – 2026. – 17 февр. – URL: <https://asiaplustj.info> (дата обращения: 08.04.2026).
6. Владимир Путин подвел итоги 2023-го. Как это было // РБК: [электронный ресурс]. – 2023. – 14 дек. – URL: <https://rbc.ru> (дата обращения: 10.01.2026).
7. Военная экономика России лишает жизненно важную нефтяную промышленность рабочей силы // The Japan Times: [электронный ресурс]. – 2024. – 8 мая. – URL: <https://japantimes.co.jp> (дата обращения: 08.01.2026).

8. Война и рынок труда: число легальных трудовых мигрантов в России сократилось в первой половине 2023 года, несмотря на острую нехватку рабочей силы // Re: Russia: [электронный ресурс]. – 2023. – 7 нояб. – URL: <https://re-russia.org> (дата обращения: 08.04.2026).
9. Демографы ВШЭ оценили потребность России в мигрантах // РБК: [электронный ресурс]. – 2023. – 13 апр. – (Экономика). – URL: <https://rbc.ru> (дата обращения: 12.01.2026).
10. Дефицит кадров в строительстве оценивают в 200 тысяч человек // Коммерсантъ: [электронный ресурс]. – 2024. – 20 марта. – (Коммерсантъ Карьера). – URL: <https://kommersant.ru> (дата обращения: 08.04.2026).
11. Дефицит рабочей силы в России: анализ и прогноз / Ин-т экономики РАН; под ред. С.Г. Синельникова-Мурылева. – М.: ИЭ РАН, 2023. – 124 с.
12. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А.Б. Гофмана. – М.: Юрайт, 2023. – 469 с.
13. Занятость и безработица в Российской Федерации в 2023 году: краткий стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). – М.: Росстат, 2023. – URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 15.07.2025)
14. Зеркало заднего вида. Что ждет рынок труда в России? // Финам: [электронный ресурс]. – 2025. – 7 июля. – URL: <https://finam.ru> (дата обращения: 08.04.2026).
15. Итоги года с Владимиром Путиным: [стенограмма пресс-конференции и прямой линии Президента РФ от 14 дек. 2023 г.] // Президент России: официальный сайт. – 2023. – 14 дек. – URL: <https://kremlin.ru> (дата обращения: 12.01.2026).
16. Краткосрочная стабильность и долгосрочные проблемы. Демографическая ситуация в России // OSW: [электронный ресурс]. – 2024. – 3 июля. – URL: <https://osw.waw.pl> (дата обращения: 08.01.2026)
17. Межнациональные браки: история таджикского Штирлица и русской женщины // ИА Sputnik Таджикистан: [электронный ресурс]. – 2017. – 17 апр. – URL: <https://sputniknews.ru> (дата обращения: 18.01.2026)
18. Мигранты в России в панике: этнобордели разрушают их традиции // Огонек. – 2014. – 11 авг. – URL: <https://centrasia.org>. – Дата обращения: 18.01.2026).
19. Миграционные стратегии домохозяйств: тренды и вызовы // IQ.HSE: научно-образовательный портал НИУ ВШЭ. – 2024. – URL: <https://hse.ru> (дата обращения: 18.01.2026).
20. Миграционные стратегии и межнациональные браки: аналитические обзоры // IQ.HSE: научно-образовательный портал НИУ ВШЭ. – 2023–2024. – URL: <https://hse.ru> (дата обращения: 11.01.2026).
21. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации: официальный сайт. – М. – URL: <https://mintrud.gov.ru> (дата обращения: 08.04.2026).
22. Мониторинг экономической ситуации в России. № 5 (167): тенденции и вызовы социально-экономического развития / Ин-т эконом. политики им. Е.Т. Гайдара; под ред. С.Г. Синельникова-Мурылева. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2024. – 72 с.
23. Не всем мигрантам придется сдавать экзамен по русскому языку // Ведомости: [электронный ресурс]. – 2025. – 28 июля. – URL: <https://vedomosti.ru> (дата обращения: 18.01.2026).
24. Опросы работодателей: [аналитический обзор] // ВЦИОМ: [электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 10.01.2026).
25. Отчеты о рынке труда в России в 2023–2024 годах // HeadHunter (hh.ru): [электронный ресурс]. – 2024. – URL: <https://hh.ru> (дата обращения: 11.01.2026).

26. Оценки дефицита рабочей силы в России в 2023 году: аналитический доклад / Ин-т экономики РАН; Ин-т эконом. политики им. Е.Т. Гайдара. – М.: ИЭ РАН, 2023. – URL: <https://inecon.org> (дата обращения: 11.01.2026).
27. Российский рынок труда могут спасти только мигранты? // Росбалт: [сетевое издание]. – 2024. – 5 марта. – URL: <https://rosbalt.ru> (дата обращения: 08.04.2026).
28. Собянин: продажа патентов мигрантам приносит бюджету больше доходов, чем нефтяные компании // ТАСС: [электронный ресурс]. – 2016. – 29 янв. – URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 08.04.2026).
29. Тренды трудового поведения в 2023–2024 годах // HeadHunter (hh.ru): [электронный ресурс]. – 2024. – URL: <https://hh.ru> (дата обращения: 11.01.2026).
30. Усыновление российских детей иностранцами в ближайшем будущем прекратится – заявил уполномоченный по правам ребенка // Интерфакс: [электронный ресурс]. – 2024. – 4 июня. – URL: <https://interfax.ru> (дата обращения: 12.01.2026).
31. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия: (фрагменты) / пер. с нем. А. Б. Рахманова // Социологическое обозрение. – 2022. – Т. 21. - № 3. – С. 139–176.
32. Этнически смешанные семьи в Российской Федерации // Демографическое обозрение. – 2015. – Т. 1. - № 4. – URL: <https://hse.ru> (дата обращения: 12.01.2026).
33. Foreign Adoptions From Russia Have Been Completely Cut Off - And It's Not Just The War // Worldcrunch: [электронный ресурс]. – 2025. – 21 March. – URL: <https://worldcrunch.com> (дата обращения: 12.01.2026).
34. Short-term stability and long-term problems. The demographic situation in Russia // OSW: [электронный ресурс]. – 2024. – 3 июля. – URL: <https://osw.waw.pl> (дата обращения: 11.01.2026).

LABOR SHORTAGE IN MODERN RUSSIA AS A SOCIO-PHILOSOPHICAL PHENOMENON

Ulmasov Rakhmon

Doctor of Economics, Professor
of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, str. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 985 73 83 20 (m.)
ulmasovr@gmail.com

This paper presents a comprehensive interdisciplinary analysis of the labor shortage in modern Russia, viewed not merely as an economic imbalance but as a fundamental socio-philosophical challenge. Based on current statistical data for 2023–2025 (with a deficit reaching 4.8 million people) and expert forecasts up to 2030, the study examines the transformation of the Russian labor market under demographic constraints.

Special attention is paid to the shifting anthropological profile and value orientations of the "person of labor," marking a transition from industrial ethics to post-industrial models

of self-realization. The work analyzes in detail the role of labor migration from Central Asian countries (specifically Tajikistan) as a key factor in economic stability. It explores emerging social practices, including interethnic marriages, the evolving mentalities of the new generation of migrants, and the gender transformation of traditionally "male" sectors such as construction and industry.

The author argues for a transition from situational responses to a systemic state policy encompassing the digitalization of migration procedures, the development of interstate educational clusters, and the formation of a new "loyal contract" ethic. The paper concludes that effective human capital management and the humane integration of migrants are essential prerequisites for maintaining social solidarity and ensuring Russia's national security in an era of global change.

Keywords: labor shortage; social philosophy; labor migration; demographic transformation; social integration; economic sustainability; labor turnover; institutional adaptation.

НОРАСОИИ КАДРҲО ДАР РОССИЯИ МУОСИР ҲАМЧУН ФЕНОМЕНИ ИҚТИМОЙ-ФАЛСАФӢ

Улмасов Раҳмон

доктори илмҳои иқтисодӣ, профессори
кафедраи минтақашиносии хориҷӣ ва сиёсати хориҷӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 985 73 83 20 (м.)
ulmasovr@gmail.com

Дар ин мақола таҳлили ҳамаҷонибаи байнисоҳавии норасоии кадрҳо дар Русияи муосир, ки на танҳо ҳамчун номутаносибии иқтисодӣ, балки ҳамчун ҷолиши бунёдии иҷтимоӣ-фалсафӣ баррасӣ мешавад, пешниҳод шудааст. Дар асоси нишондиҳандаҳои омории актуалӣ барои солҳои 2023-2025 (камбуди кормандон дар сатҳи 4,8 миллион нафар) ва пешгӯӣҳои қоршиносон то соли 2030, таҳаввули бозори меҳнати Русия дар шароити қоҳиши демографӣ мавриди омӯзиш қарор гирифтааст.

Таваҷҷуҳи махсус ба тағйири симои антропологӣ ва арзишҳои меҳварии «инсонӣ меҳнатдӯст», гузариш аз ахлоқи индустриалӣ ба моделҳои постиндустриалии худшиносӣ зоҳир шудааст. Дар мақола нақши муҳоҷирати меҳнатӣ аз кишварҳои Осиёи Марказӣ, хусусан Тоҷикистон, ҳамчун омилҳои калидии устувории иқтисодӣ ба таври муфассал таҳлил карда мешавад. Таҷрибаҳои нави иҷтимоӣ: издивоҷҳои байнимиллӣ, тағйири тафаккури насли нави муҳоҷирон, инчунин таҳаввули гендерии соҳаҳои маъмулан «мардона» (сохтмон, саноат) баррасӣ мешаванд.

Муаллиф зарурати гузариш аз воқунишҳои вазъиятӣ ба сиёсати системавии давлатиро, ки рақамикунонии расмиёти муҳоҷират, рушди кластерҳои таълимии байнидавлатӣ ва шаклгирии ахлоқи нави «шартномаи вафодорӣ»-ро дар бар мегирад, асоснок мекунад. Мақола бо хулосае ба поён мерасад, ки идоракунии самараноки сармояи

инсонӣ ва ҳамгирии башардӯстонаи муҳочирон шартҳои ҳатмии ҳифзи ҳамбастагии иҷтимоӣ ва таъмини амнияти миллии Русия дар давраи тағйироти ҷаҳонӣ мебошанд.

Калидвожаҳо: норасоии кадрҳо; фалсафаи иҷтимоӣ; муҳочирати меҳнатӣ; таҳаввули демографӣ; ҳамгирии иҷтимоӣ; устувории иқтисодӣ; гардиши кадрҳо; мутобиқшавии институтсионалӣ.

УДК 141.7:316.42:001.891

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Холматова Лола Юрьевна

кандидат философских наук, доцент
кафедры философии и политологии

Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 908 00 15 32 (м.)

lola_rtsu@mail.ru

Статья посвящена комплексному теоретико-методологическому анализу ключевых исследовательских подходов к изучению динамики социальных изменений в условиях интенсивных процессов глобализации. Актуальность исследования обусловлена возрастающей сложностью и динамичностью современных общественных процессов, требующих применения комплексных исследовательских стратегий. В работе подробно рассматриваются основные теоретические базисы, используемые в рамках социальной философии и теоретической социологии для объяснения эволюции макросоциальных структур, включая системный, синергетический, мир-системный, цивилизационный и социокультурный подходы. Показаны их познавательные возможности в исследовании механизмов общественного развития, процессов самоорганизации, междивизиационного взаимодействия и трансформации ценностно-нормативных структур общества. Особое внимание уделяется влиянию глобализации на характер социальных изменений, формирование новых форм социальной организации, изменение идентичности и усиление взаимозависимости социальных систем. Обосновывается необходимость междисциплинарного подхода к исследованию современных социальных процессов, позволяющего учитывать их многомерность и нелинейный характер. Делается вывод о том, что интеграция различных методологических подходов способствует более глубокому пониманию закономерностей социальных изменений и позволяет сформировать целостное представление о трансформации современного общества в условиях глобализации.

Ключевые слова: социальные изменения; глобализация; методология исследования; системный подход; синергетический подход; мир-системный подход; цивилизационный подход; социокультурный подход; социальная трансформация; общественное развитие.

Проблема перемен, происходящих в различных сферах общественной жизни, выражаясь научным языком – социальных изменений, издавна привлекает внимание. Понятие «социальные изменения» является цен-

тральной категорией для описания социальной динамики. Не случайно их теоретическое описание выступает важным элементом любой социологической концепции. В наиболее общем виде социальное изменение можно определить как переход социального объекта из одного состояния в другое. Как справедливо указывает известный специалист в области анализа социальных изменений П.Штомпка, «изучение социальных изменений – основное в социологии. Возможно, вся социология концентрирует внимание на изменениях. Изменения – настолько очевидная черта социальной реальности, что любая научная социальная теория, какой бы ни была ее исходная концептуальная позиций, рано или поздно должна подойти к этому вопросу» [22, с.12].

В первую очередь необходимо определить научное содержание термина «социальные изменения» и специфику его использования в социологии. Для этого необходимо сделать два уточнения. Во-первых, термин «социальные изменения» пока мало узнаваем в постсоветских странах, где традиционно доминирует категория «социальное развитие», так как культивировалось многие годы и в общественных науках, и в практической политике. Но понятие «социальное развитие» характеризует лишь определенный тип социальных изменений, имеющих направленность в сторону улучшения, усложнения, совершенствования и т.д. «Однако существует множество других социальных перемен, о которых невозможно говорить, как об изменениях в сторону совершенствования. Это просто изменения, и они непосредственно не несут в себе ни положительного, ни отрицательного смысла, не направлены ни в сторону прогресса, ни в сторону регресса. Существует целая группа понятий, описывающих такие изменения, например: возникновение, становление, рост, упадок, исчезновение, переходное состояние и т.д.» [18, с.608]

С учетом этого социологическая наука отдает приоритет термину «социальные изменения», поскольку он лишен субъективной оценки, применим к любым сдвигам и фиксирует саму суть перемен в широком смысле.

Во-вторых, социальные изменения не следует понимать, как вообще любые изменения, происходящие в обществе. Хотя, нужно сказать, иногда в литературе, особенно популярной, не проводится различие между изменениями в обществе вообще, то есть изменениями, относящимися к любой сфере общества – экономической, политической, технологической, духовной и т.д. – и непосредственно социальными изменениями. Динамика добычи нефти, объемы производства, технические изобретения или новые шедевры искусства сами по себе не относятся к социальным изменениям, оставаясь в рамках экономики, науки и культуры. Однако они часто служат катализаторами реальных социальных сдвигов, так как трансформи-

руют структуру общества, систему стратификации, каналы связи и общественные настроения. Следовательно, под социальными изменениями в социологии понимаются не любые общественные трансформации, а исключительно сдвиги внутри предметного поля самой этой науки. Можно согласиться в целом с американским социологом Н. Смелзером в том, что социальное изменение – это «изменение способа организации общества» [16, с.611]. При этом данные процессы затрагивают не только макроструктуру общества в целом, но и устройство любых других социальных систем – групп, институтов, локальных общин и даже глобального мирового сообщества.

Таким образом, под социальными изменениями понимаем прежде всего изменения, происходящие на макроуровне, то есть определенные трансформации, происходящие с обществом как целостной социальной системой, затрагивающие в основном социальные институты и важнейшие базовые структуры, такие как экономику, политику, религию, науку, образование, социально-классовые отношения. Современные исследователи справедливо подчеркивают, что неотъемлемым атрибутом социальных изменений выступает временная протяженность или последовательность событий, поскольку любые действия людей «встроены во времени» [22, с.68].

Социальные изменения в эпоху глобализации представляют собой сложный и многоуровневый процесс, который затрагивает экономическую, политическую, культурную, и духовную сферы общества. Глобализация качественно меняет характер социальных изменений, делая их более быстрыми, взаимосвязанными и непредсказуемыми, поэтому для их осмысления в социальной философии и социологии использует несколько ключевых методологических подходов.

Поскольку глобализация превращает общество в сверхсложный организм, ключевое значение для исследователей приобретает системный подход. Его сущность заключается в рассмотрении общества как целостной, сложной и динамической системы, состоящей из взаимосвязанных элементов и подсистем. К таким подсистемам относятся экономика, политика, социальная структура, культура, образование, религия и другие сферы общественной жизни. Основоположниками системного подхода считаются Л. Берталанфи, разработавший общую теорию систем, а также Т. Парсонс и Н.Луман, применившие системные идеи к анализу общества.

С точки зрения системного подхода, социальные изменения представляют собой процесс преобразования структуры и функций общества под воздействием внутренних и внешних факторов. Глобализация рассматривается как мощный внешний фактор, влияющий на все подсистемы общества одновременно. Изменения в одной сфере неизбежно вызывают

трансформации в других сферах благодаря существующим между ними связям. Например, развитие цифровых технологий и глобальных информационных сетей приводит не только к экономическим изменениям, но и к трансформации образования, культуры, политической коммуникации и социальных отношений. Таким образом, системный подход позволяет проследить цепочку взаимосвязанных изменений и выявить их комплексный характер.

В рамках концепции Т. Парсонса природа социальных изменений объясняется через динамику нарушения и восстановления баланса внутри общественной системы, которая функционирует благодаря выполнению четырёх основных институциональных функций, известных как схема AGIL (адаптация, достижение целей, интеграция и поддержание латентных культурных образцов) [12, с. 18]. Согласно этой модели, импульс к социальным изменениям возникает тогда, когда система сталкивается с новыми масштабными вызовами внешней среды и вынуждена трансформировать функцию адаптации для сохранения своей жизнеспособности [11, с. 112]. В современных реалиях факторами, детерминирующими необходимость таких изменений, становятся международная конкуренция, миграционные процессы, стремительное развитие информационных технологий и усиление культурных контактов.

Инструментарий Парсонса базируется на структурно-функциональном подходе, который позволяет эксплицировать пять ключевых характеристик механики социальных изменений. Прежде всего, эти изменения обладают целостностью и взаимосвязанностью: трансформацию одного элемента невозможно анализировать изолированно, поскольку, например, технологические инновации (сфера адаптации) кардинально меняют рынок труда, что автоматически трансформирует систему образования и семейные ценности (сфера удержания латентных образцов) [12, с. 21]. Данный пример доказывает, что сдвиг в одной точке запускает цепную реакцию во всем социуме. Сам этот процесс отражает имманентную динамичность общества, социальные институты которого находятся в состоянии непрерывного движения. При этом направленность социальных изменений всегда детерминирована открытостью общественной системы, активно взаимодействующей с внешней средой и испытывающей её культурное и информационное давление. Наконец, логика социальных изменений подчинена механизму саморегуляции, а именно, сталкиваясь с временным хаосом или масштабными реформами, общество всегда стремится выработать новые законы, правовые нормы и способы интеграции, возвращающие систему в состояние необходимого динамического равновесия.

Однако, если классический подход Парсонса изучает социальные изменения преимущественно как эндогенный процесс адаптации отдельного общества, то мир-системный анализ И. Валлерстайна принципиально меняет вектор исследования, перенося фокус анализа на макроуровень. В рамках данной методологии социальные изменения трактуются «не как результат изолированного развития конкретных государств, а как следствие трансформации единой мировой социально-экономической и исторической системы» [3, с. 19]. Сформированная с XVI века капиталистическая «мир-система жестко детерминирует характер и темпоральность внутренних изменений в различных обществах в зависимости от их позиции в глобальной иерархии: в центре, полупериферии или периферии» [4, с. 348].

С позиций Валлерстайна, ключевой движущей силой социальных изменений на локальном уровне выступает международное разделение труда и движение мирового капитала. Страны центра, контролирующие финансовые и технологические ресурсы, осуществляют прогрессивные технологические и структурные трансформации. В то же время социальные изменения на периферии носят вынужденный, зависимый характер, «консервируя роль этих обществ как поставщиков сырья» [3, с. 74]. Таким образом, мир-системный подход позволяет анализировать социальные изменения через призму макроэкономических взаимосвязей, показывая, что современная глобальная реальность не нивелирует, а институционально воспроизводит и закрепляет неравенство в динамике развития различных обществ [8, с. 142]. Методологическая ценность данного направления заключается в выявлении каузальной зависимости между локальными социальными сдвигами и глобальными макроэкономическими тенденциями.

Вместе с тем жесткая экономическая детерминированность мир-системного анализа находит свое гибкое методологическое дополнение в рамках синергетического подхода, который «рассматривает общество как открытую, нелинейную и самоорганизующуюся систему, способную к качественному развитию посредством внутренних имманентных механизмов» [19, с. 12]. В отличие от классических моделей, основанных на принципах линейного детерминизма, синергетика исходит из того, что «современные социальные системы характеризуются коэволюцией, множественностью альтернативных путей развития и высокой степенью неопределенности» [14, с. 45]. Согласно фундаментальной концепции И. Пригожина, динамика сложных структур разворачивается через перманентное чередование состояний порядка и хаоса. «В периоды критической нестабильности система достигает флуктуационного пика – точки бифуркации, в которой даже незначительное флуктуационное воздействие способно радикально изменить траекторию дальнейшей эволюции всего социума» [13, с. 176-198]. Данное положение имеет принципиальное значение для экспликации

социальных изменений в условиях глобализации, сопровождающихся экспоненциальным ростом информационных потоков, усилением взаимозависимости обществ и глубокой трансформацией традиционных институтов.

В российском социогуманитарном дискурсе идеи синергетики получили глубокое развитие в трудах Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмова, доказавших, что «процессы общественного развития носят подчеркнуто нелинейный характер и напрямую связаны с эмерджентным возникновением новых форм социальной организации» [7, с. 54-71]. По мнению исследователей, в моменты фазовых переходов малые, но топологически правильно организованные резонансные воздействия на систему могут оказывать куда более существенное влияние на макродинамику, чем масштабные, но хаотические реформы. Развивая эту мысль, В.Г. Буданов позиционирует синергетику «как важнейший методологический инструмент постнеклассической науки, позволяющий операционализировать сложные, открытые и саморазвивающиеся социальные системы» [2, с. 88]. В современных реалиях подобный синергетический подход способствует не просто пассивной фиксации механизмов социальных изменений, но и эффективному сценарному прогнозированию возможных векторов будущего мироустройства в условиях нарастающей нестабильности.

Логическим продолжением анализа нелинейных динамических систем в контексте их внутреннего содержательного наполнения выступает социокультурный подход, признанный одним из наиболее перспективным и ценным методологическим направлением в исследовании макросоциальных сдвигов. Его ключевая специфика заключается в том, что он конструирует объяснительную модель социальных изменений на основе неразрывного диалектического единства социальных отношений и культурных ценностей. В рамках данной парадигмы «природа социальных изменений эксплицируется через перманентную трансформацию нормативно-ценностных систем, традиций, ментальных символов, паттернов поведения и коллективных представлений, которые определяют вектор и характер эволюции всего общества» [10, с. 114].

Фундаментальные теоретические основания такой интерпретации социальных изменений были заложены в трудах П.А. Сорокина, концептуализировавшего культуру как базовый имманентный фактор общественной динамики. Согласно его теории, «социальные изменения носят флуктуационный, волнообразный характер и представляют собой смену культурных суперсистем (идеациональной, чувственной и идеалистической), каждая из которых детерминирует особый тип мировоззрения, социальных практик и институциональных форм» [17, с. 48]. Примечательно, что в рамках этого подхода система эволюционирует не столько под давлением внешних факторов, сколько в силу принципа имманентного изменения – исчерпав внут-

ренный ценностный потенциал, общество закономерно генерирует переход в иную фазу развития.

Существенный вклад в углубление социокультурной оптики социальных изменений внес М. Вебер, доказавший в своих исследованиях каузальное «влияние религиозно-этических ценностей на макросоциальную эволюцию и характер модернизационных сдвигов (концепция «рационализации» западного мира)» [5, с. 61]. В современной социологии механика социальных изменений нашла отражение в теории структуризации Э. Гидденса, который рассматривает трансформацию общества «через призму изменения самих социальных практик во времени и пространстве, что приводит к рефлексивной перестройке локальных культурных взаимодействий под влиянием мировых процессов» [6, с. 124].

С позиций социокультурного анализа, социальные изменения в контексте глобализации представляют собой прежде всего глубочайший ментальный сдвиг, трансформирующий повседневный образ жизни, ценностные ориентации и модели идентичности. Несмотря на мощное давление универсальных информационных технологий, направленность социальных изменений не имеет вектора тотальной унификации. Напротив, динамика трансформаций диалектически сочетает интеграционные сдвиги со стремлением локальных обществ к защите собственной исторической памяти, языка и самобытности. В точке этого напряжения социальные изменения приобретают характер ««глокализации», отражающей адаптацию глобальных трендов к локальной социокультурной специфике и порождающей новые, гибридные формы социальной организации» [15, с. 94].

Подобная фиксация на поиске баланса между внешним давлением макросреды и удержанием локальных смысловых констант подводит исследовательскую мысль к необходимости привлечения цивилизационного подхода, где ценностные маркеры социальных изменений анализируются уже на уровне крупнейших геополитических макросубъектов. В условиях усложнения мировых процессов данный методологический ракурс позволяет глубоко исследовать динамику взаимодействия различных культур, выявлять имманентные механизмы сохранения локальной идентичности и всесторонне анализировать амбивалентные последствия глобального культурного обмена [18, с. 45]. Внешние интеграционные процессы объективно форсируют интенсивность контактов между народами, однако этот процесс диалектически порождает острую проблему сохранения национальных, автохтонных и цивилизационных особенностей перед лицом унификации, что напрямую отражается на направленности внутренних социальных изменений.

В данном контексте особое значение для анализа новейших социальных изменений приобретают идеи С. Хантингтона, который концептуали-

зировал мировое развитие не как гомогенизацию, а как «полицентричное взаимодействие и потенциальное столкновение различных культурно-исторических общностей» [20, с. 34]. По мнению исследователя, в постбиполярном мире именно культурные, религиозные и цивилизационные различия, а не идеологические или чисто экономические факторы, становятся базовыми детерминантами социальных и геополитических процессов.

Развивая эту логику, необходимо подчеркнуть, что с позиций цивилизационного подхода социальные изменения обусловлены не только макроэкономическими факторами или политической конъюнктурой, но и глубокой трансформацией ментальных матриц: культурных ценностей, поведенческих стереотипов, религиозных представлений и коллективной идентичности. Данный ракурс приобретает особую актуальность в реалиях глобализации, когда лавинообразное усиление трансграничных интеграционных процессов диалектически сталкивается со стремлением «локальных обществ сохранить и защитить собственную культурно-историческую самобытность» [23, с. 62].

Методологическое значение цивилизационного подхода заключается в возможности осуществления комплексного, многомерного анализа социальных изменений с обязательным учетом исторических традиций, этнокультурной специфики и духовных констант общественного развития. Подобная теоретическая модель позволяет «аргументированно объяснить укорененные различия в путях модернизации конкретных государства, а также наглядно выявить влияние макрокультурной идентичности на темпоральность, характер и направленность протекающих социальных изменений» [21, с. 104].

Таким образом, системный подход позволяет эксплицировать социальные изменения не как изолированные исторические прецеденты, а как «закономерный результат нелинейного взаимодействия внутренних элементов общественной системы и её адаптации к турбулентным условиям развития» [1, с.130]. В современных условиях данный методологический инструментарий приобретает особую эвристическую ценность: он деконструирует жесткую оппозицию между локальными и глобальными процессами, обнажая их синергетическую взаимосвязь. Прослеживая логику этих взаимовлияний, системный анализ не просто фиксирует динамику современности, но и «раскрывает имманентные механизмы структурной трансформации общества, позволяя прогнозировать векторы его дальнейшей эволюции и траектории сохранения системного равновесия» [10, с. 233].

Следовательно, ни один из существующих подходов не может претендовать на абсолютную монополию в объяснении природы социальных изменений, однако в своей совокупности они создают комплементарную исследовательскую матрицу. Классический системный подход Т. Парсонса

задает базовые координаты анализа, фиксируя фундаментальные институциональные функции и механизмы саморегуляции, позволяющие обществу удерживать баланс и менять структуру адаптации перед лицом внешних вызовов. В свою очередь, мир-системный анализ И. Валлерстайна преодолевает методологический национализм, расширяя оптику исследования до глобального уровня и доказывая, что характер и темпы внутренних социальных изменений в государствах жестко детерминированы их позицией в международном разделении труда. Синергетическая парадигма И. Пригожина, Е. Князевой и В. Буданова привносит в анализ принципы нелинейности и сценарного прогнозирования, переосмысляя масштабные социальные сдвиги как точки бифуркации и фазовые переходы открытых систем в условиях нестабильности. На этом фоне социокультурный подход П. Сорокина, М. Вебера и Э. Гидденса переносит фокус исследования на диалектику социальных практик и ценностных доминант, позволяя через концепт глокализации объяснить, как локальные сообщества рефлексивно трансформируют свои нормативные системы, сохраняя культурную идентичность. Финальным аккордом выступает цивилизационный подход С. Хантингтона, который наполняет макроструктурные модели глубоким ценностно-смысловым содержанием и доказывает, что именно культурно-исторические и религиозные константы выступают главными детерминантами направленности социальных изменений, определяя множественность путей модернизации и уникальный характер ответов конкретных обществ на вызовы единой глобальной реальности. В конечном счете, интеграция системных, макроэкономических, синергетических, социокультурных и цивилизационных векторов исследования открывает перед современной наукой новые эвристические горизонты, позволяя преодолеть линейный детерминизм и перейти к многомерному пониманию природы, направленности и внутренних механизмов социальных изменений, протекающих в усложняющемся глобальном мире.

Литература

1. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. – М.: Наука, 1973. – 271 с.
2. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. – М.: ЛКИ, 2007. – 232 с.
3. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П. М. Кудюкина; под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.
4. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. - Т. I. Капитистическое сельское хозяйство и истоки европейской мир-экономики в XVI веке. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 552 с.

5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 61-105.
6. Гидденс Э. Последствия современности. – М.: Практика, 2011. – 352 с.
7. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики: Человек, конструирующий себя и свое будущее. – М.: КомКнига, 2006. – 232 с.
8. Коротаев А.В., Халтурина Д.А. Современные тенденции мирового развития. – М.: Либроком, 2009. – 240 с.
9. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональная структура // Социологические исследования. – 2006. – № 7. – С. 111-119.
10. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И.Д. Газиева; под ред. Н.А. Головина. – СПб.: Наука, 2007. – 641 с.
11. Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой. – М.: Академический проект, 2002. – 832 с.
12. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева; Под ред. М.С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
13. Пригожин И. Перспективы исследования сложного // Синергетическая парадигма. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 176-198.
14. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
15. Робертсон Р. Глокализация: время-пространство и гомогенность-гетерогенность // Глобализация: контуры социокультурного единства. – М.: ИНИОН РАН, 2001. – С. 94-101.
16. Смелзер Н. Социология / Н. Смелзер; перевод с английского под редакцией В.А. Ядова. – М.: Феникс, 1994. – 688 с. – ISBN 5-7113-0091-6.
17. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ. В. В. Сапова. – М.: Академический проект, 2024. – 975 с.
18. Социология: учебник для вузов / Г.В. Осипов, А.В. Кабыща, М.Р. Тульчинский [и др.]; под редакцией Г.В. Осипова. – М.: Наука, 2003. – 432 с. – ISBN 5-02-006240-5.
19. Хакен Г. Синергетика как мост между естественными и социальными науками // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 11-24.
20. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
21. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем. К.А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1998. – 663 с.
22. Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка ; перевод с английского под редакцией В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с. – ISBN 5-7567-0053-6
23. Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. – М.: Экономика, 2003. – 411 с.

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF SOCIAL CHANGES UNDER GLOBALIZATION

Kholmatova Lola Yurievna

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
of the Department of Philosophy and Political Science
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, str. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 908 00 15 32 (m.)
lola_rtsu@mail.ru

The article is devoted to a comprehensive theoretical and methodological analysis of key research approaches to studying the dynamics of social changes under intense processes of globalization. The relevance of the study is driven by the increasing complexity and dynamism of contemporary social processes, which require the application of complex research strategies. The paper examines in detail the main theoretical foundations used within social philosophy and theoretical sociology to explain the evolution of macro-social structures, including systemic, synergetic, world-systems, civilizational, and socio-cultural approaches. Their cognitive potential in researching the mechanisms of social development, self-organization processes, inter-civilizational interaction, and the transformation of value-normative structures of society is demonstrated. Special attention is paid to the impact of globalization on the nature of social changes, the formation of new forms of social organization, identity shifts, and the increased interdependence of social systems. The necessity of an interdisciplinary approach to the study of modern social processes is substantiated, allowing for their multidimensionality and non-linear nature to be taken into account. It is concluded that the integration of various methodological approaches contributes to a deeper understanding of the regularities of social changes and allows for the formation of a holistic vision of modern society transformation in the context of globalization.

Keywords: social changes; globalization; research methodology; system approach; synergetic approach; world-systems approach; civilizational approach; sociocultural approach; social transformation; public development.

РАВИШҲОИ МЕТОДОЛОГӢ НИСБАТ БА ОМУӢЗИШИ ТАӢИРОТИ ИҶТИМОӢ ДАР ШАРОИТИ ҶАҶОНИШАВӢ

Холматова Лола Юревна

номзади илмҳои фалсафа, дотсенти
кафедраи фалсафа ва сиёсатшиносии
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 908 00 15 32 (м.)
lola_rtsu@mail.ru

Мақола ба таҳлили мукаммали назариявӣ ва методологияи равишҳои асосии таҳқиқотӣ ҷиҳати омӯзиши динамикаи тағйироти иҷтимоӣ дар шароити равандҳои бо-суръати глобализатсия бахшида шудааст. Муҳимияти мавзӯи таҳқиқот бо мураккабӣ ва динамикии афзояндаи равандҳои иҷтимоии муосир асоснок карда мешавад, ки истифодаи стратегияҳои мукаммали таҳқиқотиро талаб мекунанд. Дар қор заминаҳои асосии назариявие, ки дар доираи фалсафаи иҷтимоӣ ва социологияи назариявӣ барои шарҳи таҳаввули сохторҳои макроиҷтимоӣ истифода мешаванд, аз ҷумла равишҳои низомӣ, синергетикӣ, ҷаҳон-низомӣ, тамаддунӣ ва иҷтимоӣ-фарҳангӣ ба таври муфасссал баррасӣ шудаанд. Имкониятҳои маърифатии онҳо дар таҳқиқи механизмҳои рушди ҷомеа, равандҳои худсозӣ, ҳамкориҳои байни-тамаддунҳо ва трансформатсияи сохторҳои меъёрию арзишии ҷомеа нишон дода шудаанд. Таваҷҷуҳи махсус ба таъсири глобализатсия ба хусусияти тағйироти иҷтимоӣ, ташаккули шаклҳои нави ташкили иҷтимоӣ, тағйирёбии хувият ва пурзӯр шудани вобастагии мутақобилаи низомҳои иҷтимоӣ зоҳир шудааст. Зарурати равиши байнисоҳавӣ дар таҳқиқи равандҳои иҷтимоии муосир, ки имкон медиҳад бисёрҷабҳагӣ ва хусусияти ғайрихаттии онҳо ба назар гирифта шавад, асоснок карда мешавад. Хулоса бароварда мешавад, ки интегратсияи равишҳои гуногуни методологӣ ба дарки амиқтари қонуниятҳои тағйироти иҷтимоӣ мусоидат намуда, имкон медиҳад, ки тасаввуроти комил дар бораи трансформатсияи ҷомеаи муосир дар шароити глобализатсия ташаккул ёбад.

Калидвожаҳо: тағйироти иҷтимоӣ; ҷаҳонишавӣ; методологияи тадқиқот; равиши низомӣ; равиши синергетикӣ; равиши ҷаҳон-низомӣ; равиши тамаддунӣ; равиши иҷтимоӣ-фарҳангӣ; трансформатсияи иҷтимоӣ; рушди ҷомеа.

УДК 141.7:316.624 – 053.81:004.8

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВЫХ ФОРМ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Джураев Раджаббой Зухурович

кандидат философских наук, доцент
кафедры философии и политологии

Российско-Таджикский (Славянский) университет

734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

Тел: (+992) 931 13 18 64 (м.)

radjab_rtsu@mail.ru

Статья посвящена исследованию актуальной проблемы онлайн-девиации в информационном пространстве. Эта проблема связана с глобальной цифровизацией, развитием информационно-коммуникационных технологий и внедрением искусственного интеллекта во все сферы жизнедеятельности человека. Под их воздействием за последние годы значительно выросли новые формы девиантного поведения, особенно такие как интернет-аддикция, буллинг, кибербуллинг, шоплифтинг, участие в опасных челленджах и ряд других онлайн-девиаций.

В статье поднимается вопрос о влиянии цифровизации на поведение и отношения молодёжи, а также особое внимание уделяется изменениям, происходящим под воздействием информационных технологий и искусственного интеллекта, которые ведут к порождению новых психологических черт и моделей поведения у подрастающего поколения в цифровой сети.

Выявлены и проанализированы наиболее распространенные виды онлайн-девиации, представлены различные формы её проявления и уровни воздействия в цифровой среде. Авторы отмечают латентный характер этого феномена, сложность его выявления и тенденцию к дальнейшему росту, в связи с чем необходима разработка комплекса мер по противодействию данному явлению.

Подчеркивается, что возникновение новых форм онлайн-девиации представляет собой серьёзную угрозу в силу своего транснационального характера. Это требует разработки оперативных средств профилактики, комплексного подхода и скоординированных усилий на всех уровнях общества для эффективного противодействия ей, а также для повышения уровня медиаграмотности, культуры общения и поведения молодёжи в онлайн-пространстве

Ключевые слова: девиант; девиантное поведение; онлайн-девиация; информационно-коммуникационные технологии; искусственный интеллект; цифровые технологии; Интернет; интернет-зависимость; интернет-девиация; кибердевиация; киберагресс-

сия; кибератака; интернет-аддикция; киберпреступность; буллинг; кибербуллинг; киберсталкинг; троллинг; фишинг.

Современный этап развития цивилизации невозможно представить без стремительных темпов информатизации, цифровизации, совершенствования информационно-коммуникационных технологий, которые способствовали глобальной трансформации общества и используются во всех сферах жизнедеятельности человека.

Безусловно, внедрение и использование новейших информационно-коммуникационных технологий имеют позитивные результаты. Они способствуют социализации и формированию позитивных норм, используются для разработки образовательных программ, являются пространством культурного взаимодействия, в процессе которого человек получает возможность совершенствоваться, развиваться во всех направлениях науки, техники и практики.

С другой стороны, постоянное пребывание в различных социальных сетях и чрезмерное потребление информации различного характера могут оказать деструктивное воздействие на человека, способствовать ухудшению психического здоровья, памяти и мышления. Кроме того, медиапространство может быть использовано для пропаганды дезинформации, насилия и жестокости, которые способствуют возникновению новых видов девиантного поведения.

Следует отметить, что информационное пространство воздействует на каждого человека по-разному. Особенно это касается молодёжи как особой социально-демографической группы, чьи материально-духовные ценности находятся на стадии формирования. Они трансформируются под влиянием различных факторов, особенно информационно-коммуникационных технологий, которые могут содействовать формированию параллельных систем взглядов и новых моделей поведения, в том числе онлайн-девиаций.

Цифровые технологии как источник информации являются влиятельным инструментом воздействия на сознание людей. Они изменили не только нравственно-ценностные ориентации и способ общения, но и стали катализатором распространения новых идей и поведенческих стандартов, противоречащих духовным ценностям и правовым нормам, которые воспринимаются молодым поколением как продукт нового типа социализации.

Понятие «девиация» является основополагающим в терминологии девиантного поведения и понимается как отклонение от общепринятых норм. Оно употребляется в различных значениях. Так, по мнению Ц. П. Короленко и Т. А. Донских, «с учетом влияния на человека поведенческая

девиация подразделяется на конструктивное, нестандартное и деструктивное поведение» [10, с. 5].

Конструктивная девиация – это тип поведения, которое положительно оценивается обществом, например, смелые поступки, патриотизм, эмпатия. Нестандартное поведение связано с демонстрацией новых идей, новых моделей мышления и действий, выходящих за пределы существующих. К разновидностям деструктивной девиации относится онлайн-девиация, связанная с использованием информационных технологий, получивших распространение в медиaprостранстве.

В связи с этим в современных условиях большинство ученых и практиков отмечают, что как общество так и человек на фоне развития искусственного интеллекта в информационном пространстве, наряду с существующими традиционными видами девиантного поведения, сталкиваются с инновационными формами девиации которые являются как следствием, так и результатом развития информационно-коммуникационных технологий и широкого доступа людей к информационным ресурсам, вследствие которого «увеличились как уровень онлайн-девиации, так и круг потенциальных жертв» [6, с. 242]

Следует признать, что в результате оснащения улиц и общественных мест системами видеонаблюдения для обеспечения безопасности значительно снизился уровень правонарушений, в частности таких, как грабежи, разбои и убийства. Однако увеличилось количество онлайн-девиаций.

Онлайн-девиация в настоящее время вышла на новый уровень: она приобретает все более сложные формы и охватывает большие масштабы. Для этого процесса характерны такие эмоционально-психологические явления, как демонстрация насилия, агрессия, подражание новым ценностям и мнениям, которые могут приводить не только к деградации образа жизни, но и к психологическим расстройствам, а также к рискам в моральном развитии.

В этом отношении данный феномен является не только правовой, но и глубокой социальной проблемой.

В процессе глобального расширения цифровизации и искусственного интеллекта, как отмечает З. Бауман, «появляются люди с так называемой амбивалентной моралью и происходит стирание общей морали для всех, общество проживает свою жизнь с неразрешимыми моральными дилеммами» [1, с. 13].

Стоит подчеркнуть, что в результате формирования информационного общества и развития информационных технологий возникает необходимость пересмотра ранее существовавших подходов и концепций девиантного поведения, а также требуется их обобщение

В контексте бихевиористского подхода отмечается, что демонстрация медианасилия и жестокости оказывает деструктивное влияние на сознание молодёжи: способствует формированию негативных эмоций и вызывает желание подражать увиденному. Данный феномен называется трайлингом – это переход агрессивных мыслей в конкретные действия, при котором повышается степень восприятия сознанием деструктивных идей.

В отличие от бихевиористского подхода, теория социального научения постулирует, что медийная агрессия способствует формированию деструктивных стандартов поведения. Согласно этой теории, человек неосознанно перенимает модели действий, которые демонстрируют окружающие его люди. В дальнейшем данный феномен приводит к активизации мыслей, связанных с оправданием или рационализацией агрессии и насилия.

Согласно концепции культивирования, непрерывное и навязчивое влияние различной информации, распространяемой СМИ, трансформирует представления человека о действительности. Происходит «унификация – приведение взглядов различных людей к единообразию, к формированию искаженной информации, на основе которой молодёжь формирует свое индивидуальное представление о реальном мире» [11, с. 54].

В контексте теории стимулирующего воздействия онлайн-девиация зарождается в результате просмотра агрессивных сцен, которые способствуют повышению уровня возбуждения или снижению эмпатии, что стимулирует склонность к девиантному поведению.

Таким образом, существующие теории и подходы связывают возникновение данного феномена со следующими причинами:

Во-первых, в результате всеобщей глобализации происходит транснациональная интеграция и национальная дезинтеграция. Данная тенденция, как отмечается в литературе, «порождает такого человека, как человек глобальный или человек цифровой» [5, с. 91].

Во-вторых, расширяются границы научного знания, наука все больше приобретает междисциплинарный характер, что способствует возникновению новых научных идей и концепций.

В-третьих, научный прогресс и технологические достижения оказали существенное влияние на систему образования. Речь идет о дистанционной форме обучения, которая является перспективной, в том числе в условиях Таджикистана.

Модернизация и цифровизация системы образования, как отмечает Е. Ю. Мягкова, «привели к подмене реальных результатов образования формальными показателями, к увеличению количества людей, не умеющих читать и считать» [13, с. 70]. На наш взгляд, данный феномен не только может оказать влияние на речевые и когнитивные способности, но и способен

привести к деградации сознания и интеллектуальных способностей человека. Возникает вопрос: на каких уровнях информационные технологии могут оказать деструктивное влияние на подрастающее поколение и как именно они негативно воздействуют на состояние эмоционального, психологического, мотивационного и коммуникативного уровней молодёжи?

Эмоциональный уровень проявляется тогда, когда молодёжь в процессе онлайн-общения выражает свои негативные эмоции без чувства ответственности перед другими – то, что в обыденной жизни выражать бы не стала, так как в сети хорошо знает о своей безнаказанности, вседозволенности и латентном характере коммуникации.

Психологический уровень, как отмечается в большинстве исследований, характеризуется тем, что информационно-коммуникационные технологии негативно воздействуют на интеллектуальную активность человека, его обучаемость и успеваемость. В результате у подрастающего поколения формируется «цифровое слабоумие», или «цифровая деменция» [9, с. 83].

Социально-коммуникативный уровень отражает ситуацию, когда онлайн-общение и коммуникация происходят без обратной связи, без понимания чувств собеседника, а участники стремятся показать только себя, свои успехи и достижения. Как отмечает О.И. Северская, «одна из специфических черт виртуального общения заключается в том, что, сообщая какую-то информацию или отвечая на информационный запрос, мы не заинтересованы в адресате, главное – высказаться, себя показать, а на другого мы согласны посмотреть, как на некий объект» [16, с. 114]. Вследствие этого утрачивается навык искреннего общения, что приводит к возникновению новых поведенческих стандартов.

Интеллектуальный уровень, как было указано ранее, связан с тем, что коммуникационные технологии могут оказать деструктивное влияние не только на интеллектуальные способности, но и на когнитивные возможности человека в целом.

Поскольку в результате спонтанного, необдуманного усвоения потока информационного мусора, особенно идей постгендеризма и уничтожения пола, которые транслируются посредством информационных технологий, не только формируется культура агрессивного поведения, но и создаются мировоззренческие и нравственные постулаты для молодёжи, общечеловеческие нормативные ценности и принципы толерантности, вероятно, потеряют свое значение. Взамен могут возникнуть новые формы девиации, которые называются цифровым девиантным поведением.

По определению М. В. Костоломова, цифровое девиантное поведение – «это совокупность нетипичных, отклоняющихся от социальных норм эмоциональных, физических, социальных, интеллектуальных и мировоззренческих реакций человека на кардинальные изменения социальной ре-

альности, вызванные влиянием информационных технологий на все уровни человеческого бытия» [11, с. 48].

Онлайн-девиации присущ ряд особенностей:

—она представляет собой реальный феномен современности, имеющий латентный, трудновывяемый, развивающийся и глобальный характер;

— предоставляет транснациональный, дистанционный и неограниченный доступ к информации и её распространению;

— для участников онлайн-девиации характерно постоянное использование новейших информационных технологий и изменение методов девиантного влияния;

— участники онлайн-девиации имеют чёткую иерархию, распределение ролей и обязанностей, а также способны к изменению тактики и стратегии действий при появлении новых защитных технологий;

— действия в рамках онлайн-девиации имеют сложный характер и в основном осуществляются с целью манипуляции, психологического воздействия, шантажа, провокации, создания чувства дискомфорта и страха, а также распространения дезинформации или навязывания определенных идей, не говоря уже о краже денежных средств, продаже данных и кибератаках;

— среда общения отличается разнообразием, различными способами деятельности, отсутствием регламентированности и ответственности, а также ощущением вседозволенности, при котором агрессор получает психоэмоциональное удовлетворение и не осознает нанесённый моральный ущерб другому человеку;

— участники онлайн-девиации умело используют низкую медиаграмотность населения и недостаточный уровень развития общественного и индивидуального сознания в вопросах обеспечения безопасности конфиденциальных данных и защиты от онлайн-угроз. Как отмечает О. Седов, «у людей, несмотря на доступность информации, не сложилось понимания того, что такое киберграмотность и зачем она нужна» [10, с. 2]

В современных реалиях одной из актуальных и остро волнующих проблем является интернет-зависимость. Интернет становится для молодёжи «убежищем» от материальных и духовных проблем. Показатели свидетельствуют, что у подрастающего поколения интернет-зависимость развивается стремительнее, чем у взрослых. Подростки ежедневно по 4-6 часов проводят в социальных сетях и, к сожалению, не могут контролировать затраты временных ресурсов, которые превышают допустимые нормы. Таким образом, Интернет выступает в роли «хронофага – поглотителя времени». Возникает вопрос: почему молодёжь предрасположена к интернет-зависимости? Поскольку молодые люди находятся на стадии формирова-

ния новых социальных потребностей, такие занятия, как онлайн-общение, игры и просмотр видео, вызывают у них удовольствие и делают виртуальную среду более притягательной, что ещё больше способствует развитию интернет-аддикции.

Интернет-зависимость (или интернет-аддикция) – это систематическое использование социальных сетей, онлайн-игр и просмотр видеоконтента, которые вызывают удовольствие и постоянное желание находиться в сети.

Термин «зависимость» означает неспособность человека действовать по собственной воле, а «интернет-аддикция» – это болезненный, деструктивный процесс, характеризующийся неудержимой тягой к использованию Интернета. Данный термин был впервые предложен И.Голдбергом [16, с. 8].

Следует отметить, что интернет-аддикция возникает в силу разных причин: от низкой самооценки до духовного голода. Однако прежде всего она связана с доступностью информационных ресурсов, возможностью свободно высказывать свои мысли, говорить открыто и анонимно, а также со стремлением к получению удовольствия и удовлетворению эмоционально-волевых потребностей.

Однако наиболее значимыми факторами могут быть семейные проблемы и одиночество, так как онлайн-общение, интернет-игры и просмотр фильмов в сети помогают снять стресс, способствуют обретению душевного спокойствия и чувства свободы.

Интернет-зависимость проявляется в различных формах и подразделяется на следующие виды:

- болезненная навязчивая потребность в использовании социальных сетей и онлайн-общении;
- настойчивое стремление проводить время за компьютером;
- непрерывный поиск информации и сбор данных на удаленных серверах.

Стоит отметить, что каждый вид интернет-аддикции несет серьёзную опасность для физического, эмоционального, интеллектуального и социального развития человека. Он может приводить к утомляемости, чувству одиночества, а также к отчуждению от реальной жизни. С другой стороны, целесообразное использование Интернета и социальных сетей имеет позитивные последствия: повышает работоспособность мозга и развивает умение глубоко рассуждать.

В современном медиапространстве получили распространение различные виды цифровой девиации, каждый из которых имеет свои особенности, механизмы проявления и обусловлен взаимодействием комплекса факторов.

Наиболее распространенными видами онлайн-девиации среди подрастающего поколения являются:

—кибердевиация – это форма онлайн-девиации, совершаемая с использованием информационных технологий. В её структуре выделяют следующие виды:

—киберагрессия, или кибератака – умышленное вмешательство в компьютерную систему, распространение заражённых компьютерных вирусов и программ, взлом программного обеспечения или баз данных;

— девиации, совершаемые непосредственно с использованием информационных и телекоммуникационных технологий.

Первый тип девиации совершают лица, которые являются специалистами, обладают высокой технической квалификацией и необходимыми знаниями в области искусственного интеллекта. Как отмечает Ю. Ю. Комлева, «с момента своего возникновения кибердевиантность проявляется в различных формах, обусловленных цифровизацией и сетевизацией. Они значительно эволюционировали, став более сложными и разнообразными» [8, с. 21]».

Второй и третий типы девиации обычно совершают менее квалифицированные лица, для которых нет необходимости иметь глубокие знания в этой области.

Другим наиболее распространенным видом онлайн-девиации является буллинг (от англ. *bullying* – «травля», «запугивание»). Он характеризуется как агрессивное, систематическое поведение одного человека в отношении другого, имеющее целью унижение, запугивание и оказание психологического давления для того, чтобы вызвать страх и подчинить его себе.

С развитием коммуникационных технологий и внедрением искусственного интеллекта феномен буллинга трансформировался в кибербуллинг.

Кибербуллинг – это целенаправленная агрессивная модель поведения, предполагающая длительное использование цифровых технологий, игровых платформ и различных социальных сетей для распространения ложной информации, оскорбительных слухов, провокационных сообщений, угроз, а также для публикации личных данных или унижительных фотографий с целью напугать или опозорить жертву.

Кибербуллинг оказывает деструктивное влияние и представляет серьёзную опасность для психологического состояния человека. Он может вызывать сильные негативные эмоции, когда жертва чувствует себя униженной, оскорбленной, испытывает гнев, стыд и страх. В результате человек может потерять контроль над собой и сам стать троллем.

Кибербуллинг имеет ряд особенностей, в связи с чем он получил широкое распространение:

— абсолютная анонимность и дистанционность агрессора, благодаря чему он чувствует себя свободным и поэтому систематически нападает на жертву независимо от времени суток и своего местоположения;

— многократное использование и распространение одной и той же информации для активного привлечения внимания окружающих к своей личности;

— отсутствие физических следов, незаметность и скрытность процесса для окружающих;

— доступность для атаки: объектом кибербуллинга может стать любой человек независимо от возраста, пола и статуса, при этом жертва часто скрывает факт агрессии, так как не знает, как с этим справиться.

Субъектами кибербуллинга в большинстве случаев могут быть лица из ближайшего окружения человека – обиженные или завидующие люди, которые не способны к открытому общению или выяснению отношений. Поток информации, распространяемый в процессе кибербуллинга, направлен на нанесение вреда, унижение человека или продиктован желанием отомстить. Такая информация не имеет подтверждения и объективного характера. Подростковая психика, естественно, не способна к переработке и анализу огромного потока негатива, в результате чего возникает новая поведенческая стратегия – эскапизм, то есть стремление человека избежать проблемных ситуаций и стресса.

Помимо кибербуллинга возникли и другие формы онлайн-девиации, к которым можно отнести:

Троллинг (в переводе с англ. означает «ловля рыбы на блесну») – это форма социальной провокации и издевательства в Интернете, когда пользователь (тролль) размещает спорную или оскорбительную информацию, чтобы вызвать негативные эмоции и спровоцировать конфликты, выдавая ложь за правду. Характерной чертой данного феномена является «анонимность пользователя и невозможность его идентификации» [15, с. 49].

Флейминг (от англ. «огонь, пламя») является разновидностью троллинга, под которым понимается психонегативное воздействие на сознание объекта и агрессивно-эмоциональный обмен информацией в соцсетях. Он протекает в форме спора, дискуссии или необоснованной критики, содержащей оскорбления, и осуществляется в целях разжигания конфликта, без стремления к конструктивному диалогу

По мнению Е.Н. Галичкиной, троллинг выражается в «выдвижении провокационных утверждений, которые могут вызвать негативную эмоциональную реакцию», а флейминг – в «оскорбительной организации общения, использовании вульгарной лексики для отклонения от норм поведения» [4, с. 8].

Близким по содержанию к троллингу и флеймингу является хейтинг (от англ. *hating* – «ненависть») – это активное, агрессивное и необоснованное выражение ненависти, презрения, раздражения и сильного недовольства, а также целенаправленное унижение человека при коммуникации в медиaprостранстве, обычно без четкого определения собственной позиции.

Киберсталкинг (от англ. *stalking* – «преследование», «выслеживание») – это информационное воздействие на жертву, одна из разновидностей кибербуллинга. Данный феномен заключается в преследовании или оскорблении человека с использованием ложных обвинений, сплетен, клеветы, а также в сборе информации, которая может быть использована для запугивания или домогательств.

Фишинг (от англ. *phishing* – «рыбная ловля, выуживание») – это вид онлайн-мошенничества, при котором злоумышленник, выдавая себя за доверенное лицо организации (банков, госорганов), стремится получить доступ к личным данным, паролям, номерам кредитных карт и банковским счетам, чтобы похитить деньги или использовать информацию для других видов преступлений.

Данная онлайн-девиация в основном осуществляется путем распространения фальшивых электронных писем, SMS-сообщений, поддельных уведомлений и создания фальшивых сайтов от имени банков или известных брендов, которые маскируются под настоящие.

В связи с этим фишинг является методом социальной инженерии, при котором обманщик посредством психологических манипуляций – под всевозможными предлогами, включая шантаж и угрозы, например, заблокировать счет в банке или платежную карту, – заставляет своих жертв действовать необдуманно. В результате они делятся личной информацией, сообщают по телефону коды платежных карт или персональные данные, что позволяет мошенникам получить доступ к конфиденциальным сведениям для совершения кражи.

К разновидностям фишинга относятся вишинг и смишинг. Если фишинг выступает общим понятием для киберпреступлений, осуществляемых посредством отправки писем по электронной почте, то смишинг реализуется через SMS-сообщения, а вишинг – при помощи телефонного разговора.

Челлендж (от англ. *challenge* – «вызов», «испытание» или «сложная задача») – это форма онлайн-активности, которая может принимать девиантный характер, предлагая к выполнению деструктивные или вредные для здоровья действия. Она предполагает фиксацию процесса на фото или видео, а также последующее размещение и распространение материалов в социальных сетях и Интернете с предложением повторить данное задание.

Челленджи имеют рискованный характер и представляют угрозу для жизни и здоровья подрастающего поколения. Некоторые из них могут подталкивать людей, особенно молодёжь, к выполнению задач, для которых у них нет необходимых навыков. Они могут провоцировать на совершение таких опасных поступков, как причинение вреда самому себе, нанесение травм и порезов, употребление несъедобных продуктов, прыжки с большой высоты и ряд других деструктивных действий.

Челленджи опасны не только для физического здоровья, но и для психологического состояния. Они стимулируют человека к совершению оскорбительных и общественно опасных действий, вплоть до поступков суицидального характера (достаточно вспомнить игру «Синий кит»). Это обусловлено тем, что информация и видеоролики, распространяемые в рамках челленджей, выступают как инструмент психологического воздействия и манипуляции сознанием людей. Современный исследователь О. О. Святенко пишет, что «под влиянием таких факторов, как кибербуллинг, интернет-аддикция, челленджи, и особенно под воздействием онлайн-пространства у подростков нарушается самооценка, формируются тревожность, депрессивные состояния и даже суицидальные наклонности» [15, с. 88].

Наиболее социально опасной и тревожной онлайн-девиацией является шоплифтинг – тайное похищение товаров (магазинная кража) без оплаты и применения насилия, а также его демонстрация в социальных сетях с указанием суммы похищенного. «Героем» в данном случае признается тот, кто демонстрирует фотографию украденного и называет сумму ущерба. Посредством получения лайков он якобы повышает свой авторитет и зарабатывает уважение среди других участников, поскольку, как отмечают исследователи, «проводятся участниками групп соревнования по шоплифтингу, критерием определения победителя является сумма похищенного» [18, с. 72]. Нужно отметить, что шоплифтингом занимаются как взрослые, так и подрастающее поколение по различным причинам. В частности, это связано с клептоманией как психологическим расстройством, при котором человека постоянно тянет что-то украсть и при котором вовремя и после кражи он чувствует себя удовлетворенным.

Иной формой девиантного поведения, получившей широкое распространение среди молодёжи, является sniffing (от англ. *sniffing* – «нюхать, вдыхать»). При этой форме девиации состояние интоксикации достигается очень быстро путем вдыхания бытового газа и других токсических веществ. Разумеется, систематическое вдыхание различных токсических веществ может привести к деградации и нарушению функций головного мозга, лёгких, сердца, печени и почек, вплоть до летального исхода от сердечного приступа.

Следует признать, что новые виды девиантного поведения получили распространение не только среди молодёжи - они также проявляются в различных формах среди старших возрастных групп и отдельных личностей. К таким видам девиаций можно отнести:

Харассмент (от англ. *harassment* – «домогательство», «приставание») – это совокупность различных форм оскорбительного, унижительного вербального или невербального обращения, а также сексуального и психологического воздействия на человека. Он осуществляется в целях оскорбления, дискриминации, запугивания или создания тревожной обстановки. С данным явлением можно столкнуться на рабочем месте, в общественном транспорте или в социальных сетях. Харассментом в основном занимаются лица, занимающие более высокое положение в иерархии по отношению к своему объекту и проявляющие к нему сексуальный интерес. В отличие от абьюза, харассмент, как правило, происходит вне установившихся личных отношений.

Абьюз (от англ. *abuse* – «злоупотребление», «жестокое обращение») – это форма психологического давления, унижения, манипуляции, а также физического или сексуального насилия в отношении близких людей. Он совершается вопреки их воле и желанию с целью вынудить объект испытывать чувство вины и стыда.

Моббинг (от англ. *mobbing* – от *mob* «агрессивная толпа, банда») – это форма эмоционально-психологического насилия на работе или учебе, заключающаяся в регулярном преследовании человека, распространении слухов и оказании давления со стороны коллег, начальства или учебной группы с целью его унижения и последующего вытеснения из коллектива.

Близким по отношению к моббингу является боссинг (от англ. *bossing* – от *boss* «начальник, шеф», то есть «травля сверху»). Это вид психологического насилия и девиантного поведения со стороны руководителя по отношению к сотруднику, выражающийся в регулярном и целенаправленном оказании давления, унижении и создании невыносимых условий труда, чтобы заставить подчиненного уволиться. Боссинг отличается от буллинга тем, что жертва находится в подчиненном положении, что усугубляет её уязвимость. Боссинг проявляется в таких формах, как постоянная необоснованная критика со стороны руководителя, использование властных полномочий для запугивания или шантажа, отстранение от значимых событий, несправедливое отношение, ущемление прав и свобод, игнорирование мнения сотрудника, тотальный контроль и ряд других. Боссинг имеет негативные последствия как для отдельного человека, так и для коллектива и организации в целом. В результате данного феномена могут происходить отток кадров, снижение мотивации, производительности труда и престижа организации как в глазах работников, так и в обществе.

Также наблюдаются деградация эмоционально-психологического климата и конфликты различного характера.

Таким образом, в условиях глобальных изменений, модернизации информационных технологий, цифровизации и развития искусственного интеллекта закономерно растет и число связанных с ними онлайн-девиаций. Возникает потребность не только в формировании медиаграмотности, но и необходимость в обеспечении правовой, психологической и моральной безопасности в контексте цифровой среды. В связи с этим все более актуальной становится новая этическая проблема защиты общества, особенно подрастающего поколения, от угроз онлайн-девиации. Для её решения необходим комплексный подход, включающий целенаправленные действия на всех уровнях социума. Необходимы расширение государственного контроля в информационном пространстве и обеспечение доступности онлайн-защиты для всех слоев населения. Поскольку данная проблема является транснациональной, возникает необходимость в международном сотрудничестве, а также в координации сил и средств для эффективной борьбы с данным феноменом. Кроме того, немаловажное значение имеют сотрудничество и обмен информацией между правоохранительными органами различных стран по выявлению и пресечению деятельности участников, организаторов и источников финансирования онлайн-девиаций.

Особенно это касается деятельности вузов, чьи образовательные программы должны быть направлены на предотвращение подобных явлений и повышение информационной, технологической и медиаграмотности населения. Для этого в первую очередь необходимо:

- разработка и внедрение в школьные и вузовские программы специальных курсов (например, «Цифровая образовательная безопасность»), направленных на совершенствование знаний и навыков безопасного использования искусственного интеллекта и повышение устойчивости к психологическим манипуляциям;

- организация семинаров и круглых столов как для родителей, так и для подростков по формированию медиаграмотности и конструктивному взаимодействию в информационном пространстве в целях своевременного распознавания и игнорирования онлайн-девиаций;

- создание психологических служб при школах и вузах для работы с лицами, наиболее восприимчивыми к деструктивному влиянию в сети;

- ограничение доступа подрастающего поколения к деструктивным ресурсам, усиление правового регулирования, введение санкций, штрафов и блокировка платформ, занимающихся распространением информации девиантного характера;

— организация «Киберобщества» как добровольного объединения граждан для выявления, фиксации правонарушений в сети и передачи сведений о них в правоохранительные органы;

— развитие на индивидуальном уровне навыков осмысленного восприятия, критического анализа и взвешенной обработки полученной информации;

— выбор адекватных моделей поведения во время пребывания в виртуальном пространстве, формирование способности осознавать свои действия и оценивать влияние собственных высказываний на собеседника;

— формирование умения игнорировать агрессивные выпады оппонентов при онлайн-общении, отказ от участия в деструктивных дискуссиях и реагирования на необоснованную критику в свой адрес (вплоть до блокировки агрессора), а также отказ от подчинения манипуляциям и давлению злоумышленников;

— соблюдение конструктивной линии поведения, недопущение спонтанных действий и поступков под влиянием деструктивных эмоций;

— сохранение конфиденциальности, отказ от передачи личных и контактных данных незнакомым лицам, а также ограничение доступа посторонних к персональным профилям и страницам;

— игнорирование информации агрессивного характера, отказ от её изучения, распространения и реагирования на неё.

Таким образом, на наш взгляд, комплекс систематических и согласованных действий на всех уровнях, а также реализация предложенных профилактических рекомендаций могут способствовать снижению деструктивного информационного воздействия и минимизации рисков формирования онлайн-девиаций.

Литература

1. Бауман З. Текучая современность. – СПб: Питер, 2008. – 240 с.
2. Бек У. Что такое глобализация? - М.: Прогресс, 2001. – 250 с.
3. Внебрачных Р.А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмуртского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. – Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2012. – Вып. 1. – С. 48-51.
4. Галичкина Е.Н. Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Волгоград, 2012. – 40 с.
5. Зыков К.А., Абдалина Л.Ф. Феномен девиантного поведения в цифровой среде // Социальная и экономическая психология, 2022. - Т. 7. - № 4 (28). - С. 77-90.
6. Караваева А.В. Девиантное поведение молодежи в социальных сетях: кибербуллинг // Дневник науки, 2024. - № 8 (92). - С. 12-19.
7. Карпова Д.Н. Цифровая девиация как феномен современного мира // Социологические исследования, 2021. - № 6. - С. 96-104.

8. Комлев Ю.Ю. От цифровизации социума к киберпреступности, кибердевиантности и развитию цифровой девиантологии // Российский девиантологический журнал, 2022. - № 2 (1). - С. 17-26.
9. Коповая О.В. Формирование отклонений в поведении подростков под влиянием современного информационного пространства // Инициативы XXI века, 2013. - № 1. - С. 71-76.
10. Короленко Ц.П., Донских Т.А. Семь путей к катастрофе: деструктивное поведение в современном мире. - Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. - 224 с.
11. Костоломова М.В. Цифровая девиация как феномен новой социальной реальности: методологические основания и концептуализация понятия // Социологическая наука и социальная практика, 2020. - Т. 8. - № 2 (30). - С. 41-53.
12. Кузина С.В. Роль СМИ в формировании культурных приоритетов молодежи // Власть, 2007. - № 8. - С. 53-56.
13. Мягкова Е.Ю. Цифровое слабоумие: миф или реальность? // Слова и текст: психолингвистический подход, 2016. - № 16. - С. 68-73.
14. Позднякова М.Е., Брюно В.В. Развитие информационно-сетевой среды и девиантное поведение: киберпреступность как новая социальная угроза // Вестник Института социологии, 2024. - Т. 15. - № 4. - С. 235-254.
15. Святенко О.О. Влияние информационно-телекоммуникационной среды на формирование деструктивного поведения у подростков // Психология и педагогика служебной деятельности, 2024. - № 4. - С. 85-92.
16. Северская О.И. Есть контакт? О коммуникативных девиациях в цифровую эпоху // Коммуникативные исследования, 2016. - № 4 (10). - С. 107-119.
17. Седов О. Кибергигиена: как защититься от мошенников // РБК. Дискуссионный клуб. - URL: <https://www.rbc.ru> (дата обращения: 10.01.2026).
18. Сиврикова Н.В., Пташко Т.Г., Шевченко А.А. Девиантное поведение в виртуальном пространстве: кибербуллинг и киберлафтинг // Вестник Челябинского государственного педагогического университета, 2023. - № 3. - С. 145-158.
19. Федоров А.А. Киберсталкинг и фишинг как новые формы цифровых девиаций в молодежной среде // Вопросы науки и образования, 2024. - № 2 (169). - С. 45-52.
20. Черных А.И. Трансформация медиапотребления и интернет-аддикция у подрастающего поколения // Социологический журнал, 2023. - Т. 29. - № 3. - С. 89-104.
21. Шипунова Т.В. Подходы к объяснению преступности: противостояние или взаимодополнение // Социологические исследования, 2006. - № 1 (261). - С. 114-122.
22. Goldberg I. Internet Addiction Disorder (IAD) diagnostic criteria. - URL: unihelidelberg.de (дата обращения: 10.01.2026).

THE INFLUENCE OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON THE EMERGENCE OF NEW FORMS OF DEVIANT BEHAVIOR

Dzhuraev Rajabboy Zukhurovich

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
of the Department Philosophy and Political Science
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, str. M.Tursunzoda, 30
Ph.: (+992) 931 13 18 64 (m.)
radjab_rtsu@mail.ru

The article explores the pressing issue of online deviation within the information space. This problem is driven by global digitalization, the advancement of information and communication technologies, and the integration of artificial intelligence into all spheres of human activity. Under their influence, new forms of deviant behavior have grown significantly in recent years, most notably internet addiction, bullying, cyberbullying, shoplifting, participation in dangerous challenges, and various other online deviations.

The paper addresses the impact of digitalization on the behavior and attitudes of youth. Special attention is paid to changes occurring under the influence of information technologies and artificial intelligence, which lead to the emergence of new psychological traits and behavioral models among the younger generation in the digital network.

The most common types of online deviation are identified and analyzed, along with their various forms of manifestation and levels of impact within the digital environment. The authors highlight the latent nature of this phenomenon, the complexity of its detection, and its tendency for further growth, emphasizing the urgent need for a comprehensive set of countermeasures.

It is underscored that the emergence of new forms of online deviation poses a serious threat due to its transnational nature. This demands the development of rapid prevention tools, a comprehensive approach, and coordinated efforts at all levels of society to effectively counter this phenomenon, as well as to enhance media literacy, communication culture, and youth behavior in the online space.

Keywords: deviant; deviant behavior; online deviation; information and communication technologies; artificial intelligence; digital technologies; Internet; internet addiction; internet deviation; cyber-deviation; cyber-aggression; cyberattack; internet addiction; cyber-crime; bullying; cyberbullying; cyberstalking; trolling; phishing.

**ТАЪСИРИ ТЕХНОЛОГИЯҲОИ ИТТИЛООТӢ-
КОММУНИКАТСИОНӢ ВА ЗЕҲНИ СУНӢӢ БА ПАЙДОИШИ
ШАКЛҲОИ НАВИ РАФТОРИ ДЕВИАНТӢ (МУНҲАРИФ)**

Ҷӯраев Раҷаббой Зухурович

номзади илмҳои фалсафа, дотсенти
кафедраи фалсафа ва сиёсатшиносии
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 931 13 18 64 (м.)
radjab_rtsu@mail.ru

Мақола ба таҳлили муқаммалӣ иҷтимоӣ-фалсафии падидаи девиатсияҳои онлайнӣ дар шароити рақамсозии глобалӣ ва густариши низомҳои зеҳни сунӣ бахшида шудааст. Таҳти таъсири технологияҳои нави иттилоотӣ-коммуникатсионӣ трансформатсияи куллии фазои меъёрию арзишӣ ҷомеаи муосир ба амал меояд, ки ин боиси пайдоиши шаклҳои нави рафтори харобкор мегардад. Дар маркази таваҷҷуҳи таҳқиқот хусусият ва асосҳои онтологӣ чунин кибердевиатсияҳо, аз қабилӣ вобастагии интернетӣ, таҷовузи шабакавӣ, кибербуллинг ва иштирок дар челленҷҳои маҷозии хатарнок қарор доранд. Муаллиф таъсири харобкоронаи ҳастии рақамиро ба сохторҳои менталӣ ва моделҳои рафтори ҷавонони муосир муфасссал нишон дода, тағйироти амиқи аксиологӣ, хатарҳои деформатсияи субъектнокӣ ва ташаккули ҳувиётҳои суррогатиро дар шабака ошкор созад. Хусусияти фаромилӣ ва шабакавии таҳдиди мавриди назар, ки санҷиши онро бо усулҳои сунатӣ иҷтимоӣ-гуманитарӣ ба таври назаррас мураккаб мекунад, асоснок қарда шудааст. Хулоса бароварда мешавад, ки афзоиши аномияи иҷтимоӣ дар шароити воқеияти гибридӣ ногузир аст. Зарурати равиши байнисоҳавӣ барои таҳияи стратегияҳои пешгирикунандаи кибердевиатсияҳо, ки ба арзишҳои ахлоқӣ рақамӣ, баланд бардоштани салоҳияти расонаӣ ва ташаккули фарҳанги ҳамзистии маҷозӣ дар тамоми сатҳҳои ҷомеа асос ёфтаанд, далелнок қарда шудааст. Консептуализатсияи пешниҳодкардаи муаллиф имкон медиҳад, ки хатарҳои иҷтимоӣ-фарҳангӣ ва ҳудуди интиҳоби ахлоқӣ инсон дар тамаддуни техногенӣ амиқ бозбинӣ қарда шаванд.

Калидвожаҳо: девиант; рафтори девиантӣ (мунҳариф); девиатсияи онлайнӣ; технологияҳои иттилоотӣ-коммуникатсионӣ; зеҳни сунӣ; технологияҳои рақамӣ; Интернет; вобастагии интернетӣ; девиатсияи интернетӣ; кибердевиатсия; киберагрессия; кибератака; интернет-аддикция; киберҷинояткорӣ; буллинг; кибербуллинг; киберсталкинг; троллинг; фишинг.

УДК 81'243:37.091.3

ПОВЫШЕНИЕ МОТИВАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОЙ ЛИЧНОСТИ

Рахманова Мавджуда Джамшедовна

кандидат педагогических наук, доцент

кафедры английского языка

факультета истории и международных отношений

Российско-Таджикский (Славянский) университет

734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30

Тел.: (+992) 901 11 54 45 (м.)

mavjik_rahmonova-76@mail.ru

*«Успех в учении – единственный источник
внутренних сил, рождающий энергию для
преодоления трудностей желания учиться».*

Сухомлинский В.А.

Статья посвящена проблемам формирования и поддержания учебной мотивации при изучении иностранных языков в условиях глобализации. Автор подчёркивает возрастающую роль иноязычного образования как фактора личностного и профессионального развития обучающихся, а также анализирует причины снижения интереса к языковому обучению. Особое внимание уделяется теоретическим аспектам понятия «мотивация», ее видам (внутренней и внешней) и влиянию на успешность образовательного процесса. В работе раскрываются понятия «мотив» и «мотивация», приводятся определения из научной литературы, рассматриваются подходы отечественных и зарубежных исследователей к изучению этого феномена. Особое внимание в статье уделено государственной политике в сфере языкового образования, направленной на повышение его престижа, а также позиция президента Таджикистана Э. Рахмона относительно важности изучения языков для развития страны в целом. В статье обосновывается необходимость применения инновационных педагогических технологий, включая игровые методы, информационно-коммуникационные технологии, использование аутентичных материалов и создание коммуникативной среды. Рассматриваются практические приемы повышения мотивации, такие как индивидуализация обучения, внедрение ролевых и деловых игр, а также использование современных цифровых инструментов. Делается вывод о том, что устойчивое развитие мотивации является ключевым условием эффективного овладения иностранным языком и требует системного подхода со стороны преподавателя.

Ключевые слова: мотив; учебная мотивация; иностранный язык; иноязычное образование; инновационные методы обучения; коммуникативная компетенция; образовательный процесс.

В эпоху глобализации всех сфер общественной жизни знание иностранных языков открывает широкие перспективы для личностного и карьерного роста. Роль владения любым иностранным языком возрастает год за годом. Знание иностранного языка способствует формированию личности человека и расширению его кругозора, открывая двери к духовным ценностям иной культуры, к вербальной коммуникации с другими народами. Однако, знание его на достаточно продвинутом уровне требует больших энергетических усилий, усидчивости и труда. При этом одним из основных вопросов перед педагогом стоит, как мотивировать учащегося и как удерживать эту мотивацию на протяжении всего периода обучения. К сожалению, как показывает опыт, нынешняя молодежь недостаточно мотивирована к изучению иностранных языков, а те, кто начали его изучать с большим в начале рвением так и не достигают необходимого уровня из-за снижения мотивации. Это происходит не только потому, что учащийся вне языковой среды общения, но и по тому, что сам педагог не особо старается мотивировать учащегося к изучению иностранного языка. Чтобы этого не произошло, педагог обязан в своей практике применять инновационные формы и методы обучения, чтобы удовлетворить потребности учащегося в иноязычном общении.

В связи с этим, понимая всю важность развития иноязычного образования, уважаемый президент Таджикистана Э.Рахмон и правительство РТ от 30 августа 2019 года издало Постановление за № 438 «О Государственной программе совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан на период до 2030 года» [25]. Президент Таджикистана Эмомали Рахмон подчеркнул важность иноязычного образования и сделал акцент на изучении русского и английского языков как ключевых для развития страны. Его заявления и поручения касались различных аспектов иноязычного образования - от школьных программ до создания образовательных инициатив. Реализация данной программы повышает престиж образовательных языковых дисциплин. А вместе с тем и престиж страны.

Что такое мотив и мотивация? мотивация изучается в самых разных аспектах и трактуется авторами по-разному.

Мотив - это побуждение, намерение, цель. Мотивация же – это «двигатель прогресса», это средство активности и целенаправленной деятельности, это «ключ к успеху». «Мотивация – побуждение к действию; динамический процесс физиологического и психологического плана, управля-

ющий поведением человека, определяющий его направленность, организованность, активность и устойчивость» [20]. «Учебная мотивация – это частный вид мотивации, включённый в учебную деятельность» [22].

«Мотивация определяет отношение к овладению иностранным языком как способу самоутверждения, а иногда и как путь к личному благополучию» [3; 4, с. 157].

Вопросами мотивации занимались Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, В.Н. Мясищев, П.Я. Гальперин, В.Г. Асеев, Дж. Аткинсон, Л.И. Божович, А.Н. Леонтьев, А. Маслоу, Ж. Нюттен, З. Фрейд, П.М. Якобсон и другие. Большой вклад в разработку проблемы мотивации в области обучения иностранным языкам внесен И.А. Зимней, А.Н. Леонтьевым, А.А. Леонтьевым, Н. М. Симоновой и другими. Теоретическими аспектами развития языка и формирования учебной мотивации занимаются такие отечественные ученые, как П. Дж. Джемс, Т.В. Гусейнова, Р. Х. Абдуллаева, М. Т. Джаббарова, М. Н. Абдуллаева, И.Б. Эмомов и многие другие.

«Проблема повышения уровня учебной мотивации у обучающихся в образовательном процессе остается значимой и её решение актуально для педагогической науки» [12, с. 114].

Для того, чтобы развивать и повышать мотивацию, переходя от безразличного отношения к учебе к осознанной и положительной деятельности, педагогу-преподавателю необходимо продумывать приемы и способы подачи учебного материала, создавать условия, при которых у учащегося появляется не разовый интерес, а заинтересованность в освоении языка.

Известно, что сама по себе мотивация является внутренним осознанным побуждением и личными потребностями учащегося и поэтому ее трудно вызвать. Однако на нее возможно оказывать влияние.

Каждый педагог обязан повышать мотивацию учащихся посредством своего доброго нрава и отношения к молодежи; применения грамотно подобранного дидактического материала; вовлечения учащихся в творческую, самостоятельную, учебно-познавательную деятельность; использования на занятиях ролевых и деловых игр; контроля приобретенных компетенций. Преподаватель, желающий повысить мотивацию своих студентов всегда подбадривает их, верит в их силы и возможности, хвалит их, искренне радуется успехам своих подопечных и т.д. Сам преподаватель должен искренне быть заинтересован в успехах учащихся, относиться к своему делу с увлечением, тщательным образом готовиться к занятиям, творчески подходить к подбору дидактического материала, создавать атмосферу доверия и ситуацию успеха. «Интерес - мотив, который действует в силу своей осознанной значимости и эмоциональной привлекательности» [34].

Конечно, с проблемой мотивированности учащихся сталкиваются преподаватели разных дисциплин. Однако наиболее остро данная пробле-

ма стоит при изучении иностранных языков. Именно трудности, с которыми учащийся сталкивается в процессе изучения иностранного языка, кропотливый труд и выдержка, которые требуют систематичности и усидчивости, именно они вызывают сложности и влияют на угасание мотивации. Поэтому, учащийся может освоить иностранный язык, при условии, что сам будет заинтересован, сам будет чувствовать необходимость в этих знаниях.

При формировании и развитии мотивации необходимо учитывать некоторые факторы:

- ✓ особенности субъекта педагогического процесса обучения иностранному языку (возраст, уровень интеллектуального развития, пол, мироощущение);
- ✓ особенности личности преподавателя иностранного языка и его отношение к выбранной профессии;
- ✓ специфику преподаваемой дисциплины – «Иностранного языка»;
- ✓ умение организовать процесс обучения.

Мотивация бывает внутренней (та, что связана с личным желанием знать/уметь и стимулируется самим процессом овладения языком) и внешней (та, что обусловлена внешними обстоятельствами), выполняющая «стратегическую роль».

Вот, что пишет о внешней мотивации – она же и социальная мотивация – П.М. Якобсон: «Такая мотивация процесса учения связана с достаточно остро переживаемым чувством гражданского долга перед страной, <...> с представлением об учении как пути к осуществлению своего назначения в жизни» [35].

Примерами внешней мотивации являются:

- «мотив достижения – вызван стремлением человека достигать успехов и высоких результатов в любой деятельности, в том числе и в изучении иностранного языка. Например, для отличных оценок, получения диплома и т. д.;
- мотив самоутверждения – стремление утвердить себя, получить одобрение других людей. Человек учит иностранный язык, чтобы получить определенный статус в обществе;
- мотив идентификации – стремление человека быть похожим на другого человека, а также быть ближе к своим кумирам и героям (например, чтобы понимать тексты песен любимой группы);
- мотив аффилиации – стремление к общению с другими людьми. Человек может учить иностранный язык, чтобы общаться с друзьями–иностранцами;

- мотив саморазвития – стремление к самоусовершенствованию. Иностранный язык служит средством для духовного обогащения и общего развития человека» [29, с. 116].

При внутренней мотивации учащемуся нравится процесс познания, нравится изучать иностранный язык и общаться на нем. «Подпитываясь» внешней мотивацией, внутренняя становится бомбой замедленного действия. Однако, в учебном процессе, именно внутреннюю мотивацию, личный интерес к языку труднее всего сохранить.

Одним из способов ее сохранения, на наш взгляд, является изучение языковых единиц и конструкций, включение в содержание обучения страноведческого материала, создание условий иноязычного общения, приближенных к реальным, включение в план занятий деловых и ролевых тематических игр, просмотр видео фильмов с последующим выполнением заданий к нему, применение компьютерных технологий и т.д.

Практика показывает, что учащимся нравится познавать историю, культуру, обычаи, традиции, нравы и увлечения своих сверстников за рубежом. А страноведческий материал, при этом, эффективно позволяет решить многие задачи по повышению мотивационного аспекта учащихся к иностранному языку: увеличивается и упрочняется лексическая база, расширяются лингвострановедческие сведения, усиливаются социокультурные знания и т.д. То есть лингвострановедческий подход является одним из способов достижения намеченных целей по вопросу мотивации учащихся к изучению иностранного языка. Известный Исследователь Саланович Н.А. в своем исследовании пишет: «Такой подход к обучению иностранному языку во многом обеспечивает не только более эффективное решение практических, общеобразовательных, развивающих и воспитательных задач, но и содержит огромные возможности для вызова и дальнейшего поддержания мотивации учения» [28].

Не стоит забывать при этом, что при подготовке учащихся к межличностному и профессиональному общению, преподавателю необходимо продумывать ход занятия заранее, тщательно образом подходить к отбору учебного материала, корректно ставить перед учащимися учебные цели и задачи, а само содержание занятия должно быть актуальным, интересным и доступным.

Так как учебные мотивы можно сформировать в ходе учебной деятельности. А мотивированная деятельность, характеризующаяся эмоциональным отношением обучающегося к деятельности, активизирует мыслительную деятельность, способствует повышению внимания и восприятия, упрочняет способность лучше запоминать учебный материал, что, в свою очередь, повышает эффективность обучения.

Однако, надо помнить и о том, что излишне высокая мотивация способна свести все усилия «на нет». Учащийся должен чувствовать положи-

тельные эмоции и радость от достигнутого результата, от изучения иностранного языка, а при высоком уровне мотивации у учащегося усиливается интеллектуальная активность и напряжение, в результате которых появляются негативные эмоции, а эффективность работы падает.

Одним из действенных способов повышения мотивации учащихся при обучении иностранного языка также является игра, в ходе которой закрепляется лексико-грамматический материал, отрабатываются речевые конструкции, развиваются навыки аудирования и критического мышления. В ролевой/деловой игре учащийся способен проявить свои таланты, способности, мастерство и преодолеть языковой барьер и скованность. Именно учебная игра позволяет сделать учебное занятие более интересным и занимательным. При планировании ролевой и деловой игры на занятиях иностранного языка, не стоит забывать о следующих моментах:

- В данном виде занятия должны участвовать все учащиеся и даже слабые.
- Тематика и ход игры строится на уже изученном лексико-грамматическом материале.
- Данный вид занятия должен соответствовать педагогическим и дидактическим принципам.
- Игра должна соответствовать коммуникативным способностям участников игры.
- Проводить ролевые/деловые игры нужно в меру и планомерно, не в ущерб основному обучению языку.

Ролевая/деловая игра позволяет воспроизвести реальное иноязычное общение и сопровождается повышением мотивации к изучению иностранного языка. «Точно обозначенные предлагаемые обстоятельства создают общий побудительный фон, а конкретная роль, которую получает ученик, сужает его до субъективного мотива» [26]. «В отличие от ролевой игры, где участники действуют в рамках выбранных ролей, руководствуясь характером своей роли и внутренней логикой среды действия, а не внешним сценарием поведения, деловая игра предполагает структурированную и регламентированную процедуру... В деловой игре, как правило, перед игроками стоит необходимость достижения общей цели, ... в ролевой игре ролевые цели игроков могут не совпадать и даже противоречить» [11]. Деловая игра позволяет имитировать ситуации, которые могут возникать в будущей профессиональной деятельности участников.

Такая форма занятия способствует развитию у учащихся навыков сотрудничества и партнерства, навыков выражать (через определенную роль) свое отношение к ситуации, устанавливать коммуникативные связи с участниками процесса, развитию творчества, расширению лексической базы и многое другое.

Ролевая/деловая игра, созданная в благоприятных условиях, помогает преодолеть пассивность, страх, комплексы посредством вовлечения без принуждения в атмосферу иноязычного общения, где каждый играет свою роль, вносит свой вклад в совместный проект и, при этом, не боится получить плохие баллы за работу, где желание говорить на иностранном языке опережает умение, где рождается мотивация к иноязычному общению.

Кроме игр на занятиях иностранного языка вполне уместно и обособлено применение информационно-коммуникационных технологий. ИКТ создают условия комфорта для выполнения презентаций, проектов, самостоятельной работы, для освоения обучающих программ, развивая творческие способности наряду с устойчивой мотивацией.

Регулярное применение на занятиях иностранного языка компьютерных образовательных программ предполагает положительные результаты, повышение мотивации учащихся, и реализацию следующих дидактических возможностей – «возможность систематической работы с учебной информацией; предоставление преподавателю надежной обратной связи с учащимся; возможность интенсивной коммуникации; возможность создания собственных образовательных программ» [6, с.183].

Онлайн-обучение, различные приложения для изучения иностранных языков предлагают интерактивные задания, мультимедиа, обучающие игры, аудио- и видеоматериалы. Всё это делает процесс обучения более гибким, занимательным и многогранным. Учащиеся могут изучать иностранный язык в любом удобном для них месте, в любое время.

А как вам такой инновационный метод в обучении иностранному языку, как использование виртуальной реальности (VR): можно создавать реальную лингвистическую среду общения в актуальном времени. Студенты, при общении с носителями языка, могут развивать и совершенствовать свои коммуникативные навыки, что помогает им в дальнейшем быть увереннее, где стирается языковой барьер.

Интерактивные методики (КВН, викторины и дискуссии) действительно повышают уровень мотивации учащихся. Эти методы активизируют учебный процесс, делают его более увлекательным и вовлекающим, способствуют развитию интереса к изучению иностранного языка, развитию коммуникативных навыков и т.д.

Ниже предлагаются некоторые практические приемы, направленные на повышение мотивации студентов при изучении иностранного языка.

Первый прием - использование аутентичных материалов. Обучающиеся нередко утрачивают интерес к изучению языка, если воспринимают его исключительно как учебную дисциплину, ограниченную рамками учебника. Применение реальных текстов, аудио- и видеоматериалов позволяет продемонстрировать функционирование языка в естественной среде. К таким материалам относятся новостные статьи, песни, фильмы, а

также обсуждение актуальных тем. Использование аутентичных ресурсов способствует осознанию практической значимости языка и повышает вовлеченность обучающихся в образовательный процесс.

Второй прием - использование игр и конкурсных форм обучения. Эффективный образовательный процесс должен сочетать в себе как познавательные, так и развлекательные элементы. Игровые и соревновательные формы работы активизируют речевую деятельность, способствуют развитию лексических навыков и формированию грамматической точности. Кроме того, подобные методы создают благоприятную психологическую атмосферу и усиливают мотивацию к изучению иностранного языка.

Третий прием - организация коммуникативной среды. Обучающимся важно понимать практическую значимость изучаемого языка в реальной жизни. В этой связи преподавателю необходимо моделировать ситуации общения, в которых студенты смогут применять полученные знания на практике. К таким формам работы относятся дискуссии, ролевые игры и другие виды интерактивного взаимодействия, способствующие формированию коммуникативной компетенции.

Четвертый прием - индивидуализация образовательного процесса. Каждый обучающийся обладает индивидуальными особенностями, включая темп усвоения материала и уровень языковой подготовки. В связи с этим преподавателю следует адаптировать учебные материалы и методы обучения с учетом индивидуальных потребностей студентов. Это может включать использование дополнительных ресурсов, вариативных заданий, а также проведение индивидуальных консультаций.

Учитывая вышесказанное, мы приходим к выводу, что роль мотивации при иноязычном обучении крайне важна, она тесно связана с эффективностью обучения. Процесс овладения иностранным языком достаточно сложный и длительный, требующий настойчивости и усердия. Чтобы достичь положительных результатов преподаватель должен разрабатывать свои методы обучения, применять инновационные технологии обучения, обдуманно подходить к выбору учебного материала, учитывать передовой и инновационный опыт, создавать благоприятную образовательную среду, способствующую повышению мотивации учащихся, успешному овладению иностранным языком и достижению поставленных целей.

«Иностранный язык, как и родной язык, - это средство выражения мысли, а мысль приводится в движение мотивом, потребностью. Мотивированная мысль ищет средства выражения» [13, с.166]. Поэтому современный педагог должен искать и находить «все новые и новые пути в своей работе, чтобы мотивированная мысль учащихся находила свои средства выражения и организовать работу по формированию устойчивого интереса к изучению иностранных языков обучающимися планомерно, целенаправ-

ленно и систематически» [30]. «Создание интересной образовательной среды, учет индивидуальных потребностей и интересов, стимулирование достижений и четкое определение целей – все это поможет ученикам преодолеть трудности и достичь высоких результатов в изучении иностранного языка» [9].

Литература

1. Апелльт В. Мотивация, мотивы и мотивирующие факторы в преподавании иностранных языков // Психологические основы ускоренного обучения взрослых: материалы симпозиума. - М., 1982.
2. Бабанский Ю.К. Интенсификация процесса обучения: избранные педагогические труды. - М.: Просвещение, 2009.
3. Балданова С.Ц. Роль мотивации в изучении иностранного языка / Инфоурок [Электронный ресурс]. - URL: <https://infourok.ru/rol-motivacii-v-izuchenii-inostrannogo-yazika-2722874.html>.
4. Безбородова М.А. Мотивация в обучении английскому языку // Молодой ученый. - 2009. - № 8(8). - С. 156-160. [Электронный ресурс]. - URL: <https://moluch.ru/archive/8/567>.
5. Борисова З.С., Смолина Л.П. Некоторые пути развития интереса учащихся к изучению иностранного языка // ИЯШ. - 1990.
6. Васильева О.А. Компьютерные технологии в процессе обучения английскому языку в вузе// Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальная коммуникация». - Т.21(60). – 2008. - №1. – С.182-187.
7. Гончарова Е.Б. Формирование мотивации учебной деятельности подростков// Вопросы психологии. -2000.
8. Гусаева С.Б., Халимбекова М.К. Мотивация как запускной механизм, обеспечивающий эффективность учебной деятельности на уроке иностранного языка на среднем этапе обучения в школе // Форум молодых ученых. - 2019. - № 10. - С.1–5.
9. Дронова А.А. Использование приемов, повышающих мотивацию учеников к изучению иностранного языка / Всероссийское педагогическое издание «Учительский журнал» [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.teacherjournal.ru/categories/13/articles/3840>.
10. Дубровин Н.И. Мотивация при обучении иностранному языку и учебные материалы // ИЯШ. 1978. - № 1.
11. Загороднева Л.В. Ролевая игра и деловая игра в обучении. - 12.11.2024. [Электронный ресурс]. - URL: <https://solncesvet.ru/opublikovannyye-materialyi/rolevaya-igra-i-delovaya-igra-v-obucheni.21202565504>.
12. Зенкова Л.А. Учебная мотивация: исторические подходы к пониманию феномена и современное состояние проблемы/ Мир науки, культуры, образования. - №4(65). – 2017. – С. 114-116.
13. Зимняя И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе/Электронная библиотека МГППУ. - 22.04.2026. [Электронный ресурс]. - URL: <https://psychlib.ru/mgppu/zpo-1991/zpo-223.htm?printPage=165-207>
14. Зимняя И.А. Педагогическая психология: учебник для вузов. - 2-изд. доп., испр. и перераб. – М.: Логос, 2005.

15. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. Серия «Мастера психологии». - СПб.: Питер, 2002. - 512 с.
16. Константинова Н.А. Развитие мотивации студентов как средство повышения качества обучения иностранным языкам / Н.А. Константинова, И.Д. Михеев // Успехи современного естествознания. – 2008. - № 2. – с. 60-62.
17. Кудашова М.А. К вопросу о мотивах изучения иностранного языка учащимися старших классов // ИЯШ. - 1975. - № 5.
18. Кузовлева Н.Е. Профессиональная ориентация как один из факторов формирования мотивации в обучении иностранным языкам // ИЯШ. - 1986.
19. Логинова А.В. Способы повышения мотивации студентов к изучению иностранного языка / А.В. Логинова, Н.А. Отбанов // Молодой ученый. - 2015. - № 11 (91). - С. 1395-1397 [Электронный ресурс]. - URL: <https://moluch.ru/archive/91/19390>.
20. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. - СПб: Евразия, 1999. – 478 с. [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-vidy-funktsii-factory/viewer>
21. Мильруд Р.П. Основные способы стимулирования речемыслительной деятельности на иностранном языке// ИЯШ. - 1996. – Вып. 6. – С. 6–12.
22. Мотивация учения // Википедия: свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. - URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 22.04.2026).
23. Нелепа И.Г. Мотивация обучающихся при изучении английского языка // Молодой ученый. - 2019. - № 10 (248). - С. 55-58. [Электронный ресурс]. - URL: <https://moluch.ru/archive/248/57109>.
24. Нигматуллина Г.Р. Methods of increasing motivation in teaching English to younger students // Молодой ученый. - 2017. - № 16. - С. 474–476.
25. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 30 августа 2019 года № 438 «О Государственной программе совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. - URL: https://prg.kz/document/?doc_id=32573267.
26. Роль мотивации и способы ее усиления при обучении иностранному языку [Электронный ресурс]. - URL: <https://nsportal.ru/npo-spo/gumanitarnye-nauki/library/2015/09/01/rol-motivatsii-i-sposoby-ee-usileniya-pri-obuchenii>
27. Рябцева О.М. Пути повышения мотивации в изучении иностранного языка // Известия Южного федерального университета. Технические науки. - № 10 (135). – 2012. - № 10. – С. 125-129.
28. Саланович Н.А. Лингвострановедческий подход как средство повышения мотивации при обучении иностранному языку в старших классах средней школы: На материале фр. яз. : диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.02. – М., 1995. - 180 с.
29. Сергеева Н.Н., Угрюмова С.В. Классификация мотивов к изучению иностранного языка/ Педагогическое образование в России. - №3. – 2012. - С. 114-118 [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-motivov-k-izucheniyu-inostrannogo-yazyka/viewer>.
30. Соловьева Т.И. Основные методы и приёмы, повышающие мотивацию и стимулирование деятельности обучающихся в изучении иностранных языков/ Институт развития образования, повышения квалификации и переподготовки [Электронный ресурс]. - URL: <https://ropkip.ru/publication/292868>.

31. Томахин Г.Д. Понятие лингвострановедения. его лингвистические и лингводидактические основы // Иностранные языки в школе. - 2024. - №6. - С. 60-67. - URL: <https://rucont.ru/efd/892738> (дата обращения: 12.05.2026).
32. Фюмадель, М. Мотивация и преподавание иностранных языков// В кн.: Методика преподавания иностранных языков за рубежом. - Вып. 2. - М., 1976.
33. Хован М.Е. Способы мотивации при обучении иностранным языкам // Молодой ученый. - 2024. - № 44 (543). - С. 361-362. [Электронный ресурс]. - URL: <https://moluch.ru/archive/543/118865>.
34. Шумская О. А. Формирование мотивации к изучению иностранного языка // Молодой ученый. - 2016. - № 23 (127). - С. 544-545 [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-motivatsii-k-izucheniyu-inostrannogo-yazyka/viewer>.
35. Якобсон П.М. Психологические проблемы изучения мотивации поведения человека: Монография. – М.: Просвещение, 1969. - 316 с. [Электронный ресурс]. - URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007039948>
36. How to keep your students motivated/ British Council [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.britishcouncil.org/voices-magazine/how-keep-your-students-motivated>.
37. Iskrin S.A. Modeling of situations of communication in the process of teaching a foreign language // Foreign languages at school. – 2004. - No. 2. - P.95.
38. The top 5 ways to motivate the youngest ESL learners /How to become an ESL teacher [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.eslteacheredu.org/2017/11/the-top-5-ways-to-motivate-the-youngest-esl-learners/>.
39. Ways of motivating EFL/ESL students in the classroom / TeachingEnglish //British Council. BBC [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.teachingenglish.org.uk/blogs/alexenoamen/ways-motivating-efl-esl-students-classroom>.

INCREASING MOTIVATION TO LEARN A FOREIGN LANGUAGE AS THE MOST IMPORTANT FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF A COMPETITIVE PERSONALITY

Rakhmanova Mavjuda Jamshedovna

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
of the English Language Department
Faculty of History and International Relations
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, str. M.Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 901 11 54 45 (m.)
mavjik_rahmonova-76@mail.ru

The article is devoted to the problems of formation and maintenance of educational motivation in learning foreign languages in the context of globalization. The author emphasizes the growing role of foreign language education as a factor of personal and professional development of students, and also analyzes the reasons for the decline in interest in language

learning. Special attention is paid to the theoretical aspects of the concept of "motivation", its types (internal and external) and its impact on the success of the educational process. The paper reveals the concepts of "motive" and "motivation", provides definitions from the scientific literature, and examines the approaches of domestic and foreign researchers to the study of this phenomenon. The article pays special attention to the state policy in the field of language education aimed at increasing its prestige, as well as the position of the President of Tajikistan E. Rahmon regarding the importance of language learning for the development of the country as a whole. The article substantiates the need to use innovative pedagogical technologies, including game methods, information and communication technologies, the use of authentic materials and the creation of a communicative environment. Practical methods of increasing motivation are considered, such as individualization of training, the introduction of role-playing and business games, as well as the use of modern digital tools. It is concluded that the sustainable development of motivation is a key condition for effective mastery of a foreign language and requires a systematic approach on the part of the teacher.

Keywords: motive; educational motivation; foreign language; foreign language education; innovative teaching methods; communicative competence; educational process.

БАЛАНД БАРДОШТАНИ ҲАВАСМАНДӢ БА ОМУӢЗИШИ ЗАБОНИ ХОРИӢӢ ҲАМЧУН ОМИЛИ МУӢИМТАРИНИ РУШДИ ШАХСИЯТИ РАҚОБАТПАЗИР

Раҳмонова Мавҷуда Ҷамшедовна

номзади илмҳои педагогӣ, дотсенти

кафедраи забони англисӣ

факултети таърих ва муносибатҳои байналмилалӣ

Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30

Тел.: (+992) 901 11 54 45 (м.)

mavjik_rahmonova-76@mail.ru

Мақола ба мушкилоти ташаккул ва нигоҳ доштани ҳавасмандии таълимӣ ҳангоми омӯзиши забонҳои хориҷӣ дар шароити ҷаҳонишавӣ бахшида шудааст. Муаллиф нақши афзояндаи таҳсилоти хориҷиро ҳамчун омيلي рушди шахсӣ ва касбии донишҷӯен таъкид мекунад ва инчунин сабабҳои коҳиши таваҷҷӯҳ ба омӯзиши забонро таҳлил мекунад. Ба ҷанбаҳои назариявии мафҳуми «мотивация», намудҳои он (дарунӣ ва беруна) ва таъсири он ба муваффақияти раванди ташаккул-ҷисм диққати махсус дода мешавад. Дар қор мафҳумҳои «мотив» ва «мотивация» ошкор карда мешаванд, таърифҳои адабиети илмӣ оварда мешаванд, муносибатҳои муҳаққиқони ватанӣ ва хориҷӣ ба омӯзиши ин падида баррасӣ карда мешаванд. Дар мақола ба сиёсати давлатии соҳаи маорифи забон, ки ба баланд бардоштани нуфузи он равона шудааст, инчунин мавқеи президенти Тоҷикистон Э.Раҳмон аҳамияти омӯзиши забонҳо барои рушди кишвар дар маҷмӯъ диққати махсус дода шудааст. Дар мақола асосҳои зарурати истифодаи технологияҳои инноватсионии педагогӣ, аз ҷумла, усулҳои бозӣ, технологияҳои

иттилоотӣ-коммуникатсионӣ, истифодаи маводҳои аслий ва эҷоди муҳити коммуникатсионӣ зарур аст. Усулҳои практикии баланд бардоштани ҳавасмандкунӣ, ба монанди фардикунонии таълим ва бозихои корӣ, инчунин истифодаи асбобҳои муосири рақамӣ баррасӣ карда мешаванд. Хулоса ин аст, ки рушди устувори ҳавасмандкунӣ шартӣ асосии азхудкунии самараноки забони хориҷӣ мебошад ва муносибати систематикиро талаб мекунад.

Калидвожаҳо: ангеа; ангеаи таълимӣ; забони хориҷӣ; таҳсилоти хориҷӣ; усулҳои инноватсионии таълим; салоҳияти коммуникатсионӣ; раванди таълимӣ.

УДК 378.147:811.111

СПОСОБЫ РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ У СТУДЕНТОВ В ХОДЕ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Раджабова Мехри Рахматовна

кандидат педагогических наук, доцент
кафедры английского языка, факультета Истории и МО
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 918 67 47 87 (м.)
mehrisha30@gmail.com

В условиях современного образовательного процесса развитие критического мышления у студентов становится одной из ключевых задач преподавания иностранных языков, в частности английского. Статья посвящена рассмотрению эффективных способов формирования и активизации критического мышления в ходе изучения английского языка на старших курсах. В работе анализируются методы, способствующие развитию аналитических, интерпретационных и оценочных навыков студентов, включая использование проблемных вопросов, проектной и дискуссионной деятельности, интеграцию аутентичных материалов и ролевых игр. Особое внимание уделяется созданию учебной среды, мотивирующей к самостоятельному анализу информации, межкультурному взаимодействию, а также аргументированному выражению собственного мнения на английском языке. Представлены примеры заданий, которые позволяют студентам не только совершенствовать языковую компетенцию, но и применять критическое мышление для интерпретации и оценки информации из различных источников. Подчеркивается, что целенаправленное внедрение данных методов способствует формированию у студентов независимости мышления, гибкости ума, творческого подхода и способности к решению сложных коммуникативных задач, что чрезвычайно важно для их профессионального и личностного развития в современных условиях.

Ключевые слова: критическое мышление; студенты; английский язык; методы обучения; коммуникативные навыки; иноязычная компетенция; образовательные технологии.

Критическое мышление является одной из основных компетенций. В современном мире цифровизации и социальных трансформаций навыки критического мышления и анализа являются основными при формировании конкурентоспособной личности. В связи с этим современное образование делает акцент не просто на усвоении знаний, а на развитии у буду-

щих специалистов способностей к глубокому и самостоятельному анализу, интерпритации и оценке информации. В условиях глобализации данный навык имеет особое значение для межкультурного взаимодействия и позволяет объективно воспринимать новую информацию и успешно адаптироваться к многообразию взглядов и культурных особенностей, что особенно важно для студенческой молодежи в их будущей профессиональной деятельности, которая требует постоянного анализа источников, интерпретации полученной информации, а также умений самостоятельно принимать профессионально обоснованные решения.

Актуальность формирования у студенческой молодежи навыков критического мышления возрастает и в связи с тем, что современный студент уже не пассивный получатель знаний, а активный участник процесса образования. Современные образовательные заведения, вовлекая учащихся в учебный процесс, ставят своей целью интегрировать в учебные программы такие задачи, которые направлены на формирование и развитие аналитических способностей и навыков критического мышления. В условиях информационного потока, преимущество, в основном, отдается не тем, кто обладает скоростью и прочностью запоминания, а тем кто умеет эффективно отбирать, систематизировать, анализирует и оценивает поступающие данные. Поэтому способность критически мыслить становится неотъемлемым фундаментом успешного профессионального роста студента и его личностной самореализации.

Особого внимания заслуживает роль развития критического мышления у студентов в процессе изучения английского языка. Владение иностранными языками существенно расширяет когнитивные возможности человека, позволяя открыть доступ к получению разнообразной информации из разных источников, взаимодействовать и коммуницировать с носителями языка. Тем не менее, процесс изучения языка - это не только накопление нового лингвистического багажа знаний, это формирование гибкости мышления, готовности к межкультурной коммуникации, это способность критически переоценивать свои взгляды, убеждения, представления и стереотипы. Именно развитие критического мышления позволяет студенческой молодежи не ограничиваться механическим заучиванием и воспроизведением грамматики и лексики, а осознанно подходить к изучению иностранного языка: понимать контекст, интерпретировать смыслы, анализировать и оценивать авторские позиции и перспективы.

Особое внимание, на наш взгляд, необходимо уделить всестороннему изучению процесса формирования и развития навыка критического мышления у студентов на занятиях английского языка. Мы выделяем следующие основные задачи: - систематизация теоретических подходов к определению критического мышления; выявление специфических особенностей формирования данного навыка; выявление преимуществ и эффек-

тивности применения заданий на развитие критического мышления; анализ потенциальных трудностей и барьеров при формировании данной компетенции.

Для достижения поставленных целей необходимо:

- проанализировать теоретические основы и современные исследования по проблеме развития навыков критического мышления в образовательном процессе;
- раскрыть содержание, определить основные принципы и этапы формирования критического мышления;
- выявить специфику формирования критического мышления в процессе обучения английскому языку;
- теоретически обосновать наиболее эффективные методы и приемы интеграции критического мышления в методику преподавания английского языка;
- выявить потенциальные трудности, которые могут возникнуть у студенческой молодежи в процессе развития критического мышления;
- разработать рекомендации по преодолению возникших у студентов трудностей.

Понятие «критическое мышление» занимает центральное место в современном образовательном пространстве. Данная концепция трактуется как когнитивный процесс, включающий в себя совокупность когнитивных навыков (анализировать, сравнивать, синтезировать и обобщать информацию, делать выводы на основе полученных данных и т.д.). Согласно американскому философу и педагогу М.Липману, "критическое мышление - это саморегулируемое мышление, направленное на рациональный анализ, интерпретацию, оценку и создание новых идей" [20]. Некоторые ученые подчеркивают рефлексивный характер данного процесса: "это умение ставить под сомнение полученную информацию, соотносить ее с другими источниками, а также выявлять когнитивные предубеждения" [10].

Известный ученый Блум выделяет критическое мышление "как высший уровень мыслительной активности, отличающийся способностью к объективному оцениванию идей, выдвижению новых гипотез и самостоятельному принятию решений" [19]. Современные исследователи подчеркивают междисциплинарный и метакогнитивный аспект критического мышления, связывая его не только с когнитивными процессами, но и с личностными качествами обучающегося, его склонностью к саморефлексии, открытости новому опыту, толерантности к неопределенности.

Критическое мышление включает в себя 5 ключевых компонентов - анализ, синтез, оценка, интерпретация и аргументация. Анализ - умение разделять данные на составляющие элементы, выявляя связь между ними, отделяя факты от субъективного мнения. Синтез - умение объединять раз-

рознённые сведения в новую единую систему, предлагая новые гипотезы и предложения. Оценка связана с проверкой информации на достоверность и значимость путем сравнения ее с другими альтернативными источниками. Интерпретация - способность выявлять глубокие смыслы и скрытый подтекст из общего содержания. Аргументация заключается в умении логически и обоснованно доказывать свою позицию, приводить примеры и контраргументы [6].

При развитии критического мышления необходимо учитывать следующие этапы: определение проблемы, подача и анализ информации, формулирование собственных выводов и обоснование решений. На каждом этапе учитывается самостоятельность, способность произвести самоанализ и доступность к другим точкам зрения. Критическое мышление - это динамический процесс, который требует постоянного совершенствования навыков размышления и анализа, оценки и самообразования.

Критическое мышление способствует не только формированию основных когнитивных умений, но и служит фундаментом для успешного освоения новых знаний, обеспечения академической честности и культуры дискуссий. В процессе обучения критическое мышление проявляется через умение анализировать учебный материал, осуществлять самостоятельный поиск информации, сопоставлять различные точки зрения и формулировать обоснованные выводы.

"Критическое мышление играет важную роль в формировании способности к самостоятельному обучению, что крайне важно в условиях современного информационного общества. Умение критически воспринимать и перерабатывать информацию позволяет студентам противостоять манипуляциям, избегать когнитивных ловушек и принимать обоснованные решения не только в учебе, но и в повседневной жизни. Также критическое мышление способствует развитию коммуникативных навыков, культуре ведения полемики и уважительному отношению к альтернативным мнениям" [7].

Формирование критического мышления при изучении иностранного языка подразумевает не только овладение новыми лексико-грамматическими структурами, но и погружение в иную культуру мышления, в иные способы восприятия мира и коммуникации. В многоязычной среде обучающийся сталкивается с необходимостью переосмысливать привычные ценности и взгляды, учится анализировать и интерпретировать незнакомую информацию, сталкивается с альтернативными способами выражения мыслей и аргументации. Всё это способствует развитию аналитических взглядов и способность понимать, объяснять и находить смысл в информации, текстах, без которых невозможно полноценное критическое мышление.

На наш взгляд, если в процес обучения иностранному языку внедрить задания и упражнения нацеленные на развитие критического мышления, то это поспособствует в разы повысить уровень коммуникативной и лингвистической компетенции студентов. Такие упражнения и задания, как анализ и интерпретация текстов, решение проблемных кейсов, участие в дискуссиях и дебатах, написание эссе стимулируют учащихся к поиску необходимых ресурсов и источников, оценке достоверности полученной информации и выработке личных аргументированных позиций. Кроме того, данные методики позволяют "развивать у студентов умение формулировать вопросы, сомневаться в очевидных на первый взгляд утверждениях, обосновывать ложность или истинность тех или иных утверждений на основе анализа реальных жизненных примеров" [9].

"Применение заданий на развитие критического мышления способствует вовлечению студентов в активное общение, формирует у них навыки аргументированной дискуссии, умение работать с разными источниками информации, строить логические связи и противостоять фейкам и манипуляциям. Такие задания неразрывно связаны с коммуникативным методом обучения, так как требуют от учащихся не только лингвистической, но и интеллектуальной активности, подталкивают их к осмысленному взаимодействию и сотрудничеству в группе [2].

Однако, несмотря на значимость критического мышления, субъекты образовательного процесса могут всё же столкнуться некоторыми препятствиями. Ключевой проблемой здесь может быть отсутствие навыков самостоятельного анализа, обусловленного тем, что ранее информация усваивалась пассивно. Пассивность, страх ошибиться, нежелание высказывать свое мнение или вступать в дискуссию часто становятся серьезными препятствиями для развития критического мышления. Кроме того, существенным препятствием можно назвать низкий уровень владения иностранным языком, языковой барьер, возникший в связи с малым лексическим запасом, неуверенность в грамотности высказываний и т.д. Всё это мешает при понимании иноязычной речи, выражении своих мыслей на иностранном языке. А, соответственно, затрудняется восприятие.

Трудности могут также возникнуть из-за непонимания и не принятия иной культуры. Студенты могут не уловить иронию, скрытые намеки или подтекст, что мешает глубокому восприятию информации и препятствует развитию критической рефлексии.

Одним из эффективных способов развития критического мышления являются дискуссии и дебаты на английском языке. "Такой формат позволяет студентам научиться аргументировано выражать свои мысли, слушать и понимать оппонента, развивать навыки конструктивного диалога, критически анализировать высказывания других участников. В процессе подго-

товки к дебатам студенты изучают различные точки зрения на одну и ту же проблему, исследуют факты, приводят собственные аргументы, что формирует навык анализа и оценки информации" [14].

Эффективность дискуссии зависит от того, насколько интересны и актуальны темы. Если тема дискуссии, учитывая принцип доступности, "цепляет" молодежь, то они с удовольствием осуществляют поиск необходимой информации. Поэтому преподаватель должен быть заинтересован в этом и тщательно подбирать темы дискуссии. Студенты в ходе дискуссий учатся разделять факты от субъективного мнения, они проверяют предложенную информацию, доказывают, отстаивают, делают свои выводы и умозаключения. Дискуссии и дебаты, проводимые как в парах, так и в группах всегда дают хороший результат.

Специальная работа с иноязычными текстами крайне важна при оценке владения иностранной речью. Для того, чтоб определить скрытые смыслы и подтекст необходимо проработать весь текст: работать и с содержанием, и со структурой, и со стилем. Для упрочнения сформированных навыков и развития способностей логически строить свои высказывания, анализировать, обосновывать свои доводы, делать выводы нужно выполнять задания, которые помогут студентам выявить ключевые идеи, выделить необходимую информацию и приёмы. Чтобы учащиеся научились подвергать анализу и критике полученную из разных источников информацию, они должны использовать материалы зарубежных источников, материалы средств массовой информации, социальные посты и публичные выступления [9, с. 41].

Вербицкая Н.А. рассматривает работу с профессиональными текстами и отмечает, что студенты не должны просто переводить текст, они должны уметь выявлять скрытые смыслы, сильные и слабые стороны аргументов автора [4, с.113]. Важным инструментом развития критического мышления являются вопросы открытого типа, которые способствуют развернутой аргументации, анализу. В ходе работы с текстами, фильмами, аудиоматериалами преподаватель может задавать открытые вопросы. При этом у студентов развивается способность к осознанному анализу своих мыслей, чувств, поступков, чтобы лучше понять себя, находить и учиться на ошибках и принимать оптимальные решения. Регулярная практика таких заданий помогает студентам формировать навык самостоятельного мышления, прививает привычку подвергать информацию критической оценке.

Для развития критического мышления и формирования навыков командной работы при решении профессиональных задач преподаватель моделирует ситуацию приближенную к реальной и предлагает на реальных примерах на английском языке выявить проблему, описать и проанализировать ее, осуществить поиск необходимой информации из разных источ-

ников для принятия решений, выработать стратегию поведения, обосновать свою идею и позицию и сделать выводы.

"Данная работа предполагает чтение и обсуждение ситуации, выявление проблемных точек, анализ интересов участников, выработку возможных решений, а также последующую презентацию результатов. Такой подход развивает у студентов аналитическое и критическое мышление, способствует формированию устойчивых навыков коммуникации на английском языке, учит эффективно взаимодействовать в команде, выслушивать разные точки зрения и принимать коллективные решения" [8, с.113].

С развитием критического мышления тесно связана проектная деятельность. В процессе проектной деятельности студенты также учатся видеть проблему, фильтровать ложные данные, проверяют выдвинутые гипотезы, обосновывают свою позицию в решении проблемы, принимают решения и делают выводы. "Проектная деятельность - это один из современных методов в обучении иностранного языка, которая является долгосрочной, целенаправленной формой учебной активности, подразумевающая самостоятельную или групповую работу студентов над поставленной задачей, пусть она является исследовательской, социально ориентированной или творческой" [5, с. 10]. "Организация учебных проектов требует от студентов поиска и анализа информации, планирования деятельности, распределения ролей, формулирования и обоснования предложений, создания итогового продукта (доклада, презентации, видео и др.)" [11].

Организовывая работу в группе у студентов можно развить не только межличностные компетенции, но и коммуникативные. "Проектная деятельность способствует формированию ответственного отношения к учёбе, проявлению инициативы, самостоятельности и творческого подхода" [18, с. 79]. Элементы самооценки также позволят студентам выявить собственные достижения для дальнейшего развития.

Для эффективного развития критического мышления на занятиях английского языка необходима атмосфера доверия и возможности для самовыражения. Преподаватель, на основе грамотно подобранного учебного материала, учитывая принципы дидактики, таким образом поддерживает стремление студенческой молодежи к познанию нового, поощряет их активность и инициативу, что, в свою очередь, подталкивает их к самостоятельному поиску информации и оценку различных точек зрения.

Несомненно полезными для формирования и развития навыков критического мышления на занятиях английского языка являются такие виды работ, как:

- подготовка и критический разбор аргументированных эссе на выбранную тему;
- аналитическая работа с противоречивой информацией;

- систематизация материалов занятий с применением сравнительных таблиц;
- проведение дискуссий по актуальным вопросам;
- моделирование диалогов и вовлечение студентов в ситуации общения, которые требуют аргументированной защиты противоположных точек зрения;
- оценка достоверности информационных ресурсов;
- выполнение творческих проектов с последующим коллективным обсуждением.

"Каждое из таких упражнений должно завершаться обсуждением, в ходе которого студенты высказывают свое мнение, аргументируют позиции, комментируют высказывания друг друга, учатся давать обоснованную обратную связь" [12].

Ключевым фактором в формировании критического мышления является систематическая оценка навыков анализа, аргументации, самостоятельного поиска решений. Для поиска оптимальных решений преподавателю рекомендуется комбинировать разнообразные инструменты оценивания: устные и письменные задания, самооценку, взаимное оценивание в группе. Для повышения объективности оценивания и мотивации студентов необходимо разработать критерии успешного выполнения заданий на развитие критического мышления. В них можно включить: логика аргументации, практическая значимость результатов, новизна и своеобразие выдвигаемой идеи, умение вести конструктивный диалог и проводить аргументированный анализ позиций других коммуникантов.

Подводя итоги, можно констатировать, что для формирования и развития критического мышления в процессе иноязычного обучения необходим системный и целенаправленный подход, объединяющая разнообразные методы и формы работы, а также практические упражнения. Наиболее продуктивным, на наш взгляд, является не только процесс совершенствования навыков овладения лингвистической компетенции, но и навыки осознанной и целенаправленной оценки полученной информации, навыки аргументированных выводов, способность ведения конструктивного диалога. Формирование и развитие у студентов устойчивых когнитивных способностей реализуется посредством глубокого анализа текстов и применения дискуссионных методов. Это способствует дальнейшему прогрессу, успешной адаптации студента к реалиям современного мира.

Литература

1. Ахмедова А.М. Эффективность метода проектов в обучении иностранному языку в неязыковом вузе// Вопросы педагогики. - 2022. - №2-2. - С.18-21.

2. Байрамов А.С. Динамика развития самостоятельности и критичности мышления у детей младшего школьного возраста. -Баку, 1968. -296 с.
3. Баранова К.М. Развитие критического мышления на уроке иностранного языка // Просвещение. Иностранные языки. - 2026. - №4. - С. 14-19.
4. Вербицкая Н.А. Контекстный подход и развитие системного мышления студентов на занятиях по иностранному языку// Гуманитарные науки и педагогика в цифровую эпоху. - 2026. - С.112-117.
5. Зимняя И.А., Сахарова Т.Е. Проектная методика обучения иностранному языку//Иностранные языки в школе. - 1991. - №3. - С.9-15.
6. Индивидуально-личностные факторы успешности освоения иностранного языка студентами-лингвистами /Бериша Н.С., Новиков А.Л., Новикова И.А., Шляхта Д.А. // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. - 2022. - Т. 7, вып. 1. -С. 4-15. DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2022-7-1-4-15>.
7. Истомина Е.М. О необходимости формирования критического мышления у студентов на занятиях иностранного языка // Наука ЮУрГУ: материалы 67-й науч. конф. - Челябинск, 2021. - С. 1063-1067.
8. Курбанова Ф.А. Роль содержания образования в формировании и развитии критического мышления школьников // Изв. Южн. федер. ун-та. Педагогические науки. - 2023. - № 10. - С. 113-118.
9. Леонтьев А.А. Развитие мышления в процессе обучения // Сибир. психол. журн. - 2021. - № 40. - С. 40-45.
10. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика (уровень бакалавриата)»: приказ Минобрнауки России от 07.08.2014 № 940. -М., 2014. -12 с.
11. Полат Е.С., Бухаркина М.Ю. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. - М.: Академия, 2010. - 272 с.
12. Сериков В.В. Личностно-ориентированное образование: феномен, концепция, технологии. - Волгоград, 2020. - 148 с.
13. Спиридонова А.В. Развитие навыка критического мышления на уроках английского языка с помощью критического чтения// Проблемы модернизации язычного образования. - 20024. - С. 102-108.
14. Старостина Н.Н. Теоретико-методические основы изучения процесса социализации личности // Научное обозрение. Педагогические науки. - 2022. - № 5. - С. 170-173.
15. Тихонова О.В. Развитие критического мышления студентов в процессе проектного обучения: международный опыт и междисциплинарный подход//Вестник высшей школы. - 2023. - № 8. - С. 33-39.
16. Туласынова Н.Ю. Использование аутентичных видеоматериалов в процессе обучения английскому языку // Международный научно-исследовательский журнал. - 2024. - № 1 (139). - С. 51.
17. Туласынова Н.Ю. Развитие критического мышления студентов в процессе обучения иностранному языку: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 - Общая педагогика, история педагогики и образования. - Якутск, 2010. - 203 с.

18. Чернопинская М.А. Проектная методика в процессе обучения языку специальности// Практика преподавания иностранных языков на неязыковых факультетах вузов. - 2021. - С. 78-82.
19. Benjamin S. Bloom Taxonomy of Educational Objectives. - New York, USA: Longmans, Green and Co, 1956. - 207 p
20. Matthew Lipman Thinking in Education. - New York: Cambridge University Press - 2003. - 318 p.
21. Sarah Benesch. Critical English for Academic Purposes: Theory, Politics, and Practice. – Routledge: Mahwah, N.J., 2001. – 184 p.

WAYS TO DEVELOP STUDENTS' CRITICAL THINKING WHILE LEARNING ENGLISH

Radjabova Mekhri Rakhmatovna

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
of the English Language Department
Faculty of History and International Relations
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, str. M.Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 918 67 47 87 (m.)
mehrisha30@gmail.com

In the context of the modern educational process, the development of critical thinking among students is becoming one of the key tasks of teaching foreign languages, in particular English. The article is devoted to the consideration of effective ways of forming and activating critical thinking during the study of English in senior courses. The paper analyzes methods that contribute to the development of students' analytical, interpretative and evaluative skills, including the use of problematic issues, project and discussion activities, the integration of authentic materials and role-playing games. Special attention is paid to the creation of a learning environment that motivates independent information analysis, intercultural interaction, as well as reasoned expression of one's own opinion in English. Examples of assignments are presented that allow students not only to improve their language competence, but also to use critical thinking to interpret and evaluate information from various sources. It is emphasized that the purposeful implementation of these methods contributes to the formation of students' independence of thinking, mental flexibility, creative approach and ability to solve complex communicative tasks, which is extremely important for their professional and personal development in modern conditions.

Keywords: critical thinking; students; English; teaching methods; communication skills; foreign language competence; educational technologies.

РОҲҲОИ РУШДИ ТАФАККУРИ ИНТИҚОДӢ ДАР ДОНИШЧӢҶЕН ҲАНГОМИ ОМУӢЗИШИ ЗАБОНИ АНГЛИСӢ

Рачабова Мехри Раҳматовна

номзади илмҳои педагогӣ, дотсенти
кафедраи забони англисӣ
факултети таърих ва муносибатҳои байналмилалӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 918 67 47 87 (м.)
mehrisha30@gmail.com

Дар шароити раванди муосири таълим рушди тафаккури интиқодӣ дар донишҷӯен яке аз вазифаҳои калидии таълими забонҳои хориҷӣ, аз ҷумла забони англисӣ мегардад. Мақола ба баррасии роҳҳои самараноки ташаккул ва фаъолсозии тафаккури интиқодӣ дар чараени омузиши забони англисӣ дар курсҳои олӣ бахшида шудааст. Дар кор усулҳои таҳлил карда мешаванд, ки ба рушди малакаҳои таҳлилӣ, тафсири ва арзебии донишҷӯен, аз ҷумла истифодаи масъалаҳои проблемавӣ, фаъолияти лоиҳавӣ ва мувоҳисавӣ, ҳамгироии маводҳои асли ва бозии нақшӣ мусоидат мекунанд. Ба муҳити таълимӣ диққати махсус дода мешавад, ки ба таҳлили мустақили иттилоот, ҳамкориҳои байнифарҳангӣ, инчунин ба ифодаи фикру ақида ба забони англисӣ ҳавасманд мекунанд. Намунаҳои вазифаҳои оварда шудаанд, ки ба донишҷӯен имкон медиҳанд, ки на танҳо салоҳияти забонро такмил диҳанд, балки тафаккури интиқодиро рушд медиҳанд. Таъкид карда мешавад, ки татбиқи мақсадноки ин усулҳои ташаккули мустақилияти тафаккур, чандирии ақл, муносибати эҷодӣ ва қобилияти ҳалли масъалаҳои мураккаби коммуникатсионӣ дар донишҷӯен мебошад, ки барои рушди касбӣ ва шахсии онҳо дар шароити муосир ниҳоят муҳим аст.

Калидвожаҳо: тафаккури интиқодӣ; донишҷӯен; забони англисӣ; усулҳои таълим; малакаҳои муошират; салоҳияти хориҷӣ; технологияҳои таълимӣ.

УДК 373.21:37.091.33:502.12

**ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ
В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ДОШКОЛЬНИКОВ:
ТЕОРИЯ, МЕТОДИКА, ПРАКТИКА**

Курбонова Зарина Ширинбековна

кандидат педагогических наук, старший преподаватель
кафедры педагогики, психологии и методики преподавания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 919 40 09 58 (м.)
kzarinash75@gmail.com

В статье рассматриваются инновационные подходы к экологическому воспитанию дошкольников в условиях современного образовательного пространства. Подчеркивается, что экологическая проблема приобретает глобальный характер и требует формирования экологической культуры уже на ранних этапах развития личности. Анализируются теоретические основы экологического воспитания, его трансформация из узко-предметного направления в интегративный компонент дошкольного образования, направленный на развитие экологического мышления и ценностного отношения к природе. Особое внимание уделяется психолого-педагогическим аспектам взаимодействия ребёнка с природной средой, роли эмоционально-ценностного опыта и личной активности дошкольников. В работе систематизируются современные инновационные методы экологического воспитания, включая деятельностно-ориентированный подход, проектную деятельность, игровые технологии, цифровые экологические игры, интерактивные доски, мультимедийные презентации, виртуальные экскурсии, видеоматериалы экологической направленности, а также STEM/STEAM-подход. Показано, что использование данных технологий способствует повышению познавательной активности детей, формированию причинно-следственного мышления, развитию наблюдательности и ответственности за окружающую среду. Обосновывается эффективность интеграции традиционных и цифровых методов обучения, обеспечивающих практико-ориентированный характер экологического воспитания. Отмечается важность роли педагога как организатора экологически насыщенной образовательной среды и координатора детской исследовательской деятельности. Подчеркивается значение взаимодействия дошкольной организации и семьи в формировании устойчивых экологических привычек у детей. Делается вывод о том, что инновационные подходы создают условия для формирования у дошкольников основ экологически грамотного поведения, устойчивого интереса к природе и осознанного отношения к её сохранению.

Ключевые слова: экологическое воспитание; дошкольники; инновационные подходы; цифровые технологии; игровые методы; проектная деятельность; STEM/STEAM; экологическая культура.

Экология.... Экологическое воспитание, экологическое образование, экологическое мышление, экологическая политика... как много появилось за последнее время терминов, отражающих суть сегодняшней проблемы не только одного государства, но и всей планеты.

Совсем недавно Реймерс Н.Ф. отметил, что из науки о взаимоотношениях организма и среды его обитания, формально возникшей в 1866 году (когда ей Э. Геккелем было дано название «экология»), она превращается в науку о выживании человечества, всех и каждого на нашей планете.

«Не природе нужна наша защита. Это нам необходимо её покровительство: чистый воздух, чтобы дышать, кристальная вода, чтобы пить, вся природа, чтобы жить» [16, с. 45].

«Никакие материальные блага не способны заменить здоровой среды жизни...Что может сделать каждый - не навредить! Не быть равнодушным! Не разрушать! Посадивший деревце, его не сломает» [16, с. 45].

Эта проблема охватила все сферы жизнедеятельности всего человечества. Сегодня нельзя уже мыслить в более узком формате, так как необходимо рассматривать все подходы, средства решения данной проблемы.

Условия развития современного общества требуют обратить внимание на проблемы экологической культуры, что своеобразно отражается на дошкольном воспитании. «В экологии есть два раздела: экология биологическая и экология культурная или нравственная. Убить человека биологически может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение экологии культурной. И нет между ними пропасти, как нет чётко обозначенной границы между природой и культурой» [12, с.150].

Подходы к воспитанию подрастающего поколения необходимо начинать уже с дошкольного возраста. Именно дети способны подойти к изучению и исследованию поставленного вопроса, используя совершенно новый взгляд на создавшуюся ситуацию. Казалось бы, проблема экологии давно устарела и вроде найдены всевозможные пути и средства, но все-таки остались моменты, которые так и не имеют конкретного решения. Одним из таких моментов считается рассмотрение инновационных подходов к экологическому воспитанию дошкольников.

На современном этапе экологическое воспитание уже перестало рассматриваться как кратковременное и эпизодическое явление или элемент обучения. Сегодня с уверенностью можно сказать, что экологическое воспитание приобрело статус интегративного компонента во всестороннем развитии ребенка. Только по данной причине следует отметить инновационные подходы, способствующие формированию личностно-значимого отношения к природе.

Экологическое воспитание – это формирование экологического сознания, это формирование понимания норм и правил поведения в природе. Если обратиться к высказыванию Д.Л. Арманды, это звучит следующим текстом: «Приходя в гости к природе, не делай ничего, что счел бы неприличным делать в гостях» [2, с.60].

В недалекие 2000-е года вопрос об экологическом воспитании подрастающего поколения был остро поднят на уровень государственной проблемы. Именно тогда, экологическое воспитание как часть ознакомления детей с окружающим миром была интегрирована в программу воспитания и обучения дошкольников. Тогда стали рассматриваться альтернативные подходы к формированию у дошкольников экологического сознания и мышления; применялись практические приемы, менялась методика ознакомления с природой. Но, в основном вопросы формирования у дошкольников экологического сознания для воспитателей дошкольных учреждений оставались непонятными. Можно было услышать высказывания типа “В чем разница? Мы же и так учим детей аккуратно и бережно относиться к природе”. Подобное неприятие экологического воспитания как отдельного направления в воспитании дошкольников побудило вывести данный предмет на уровень высших учебных заведений, где будущих воспитателей знакомили с методикой обучения детей и формирования у них экологического мышления.

Общеизвестно, что ребенок всегда намного ближе к природе потому, что он выступает частью ее самой. На данном подходе основано воспитание детей посредством природных объектов, в частности, формирование нравственных качеств. Только главным в данном процессе выступает не просто передача знаний, а формирование опыта взаимодействия, влияющего на отзывчивость, ответственность и элементарные навыки экологически грамотного поведения.

В дошкольных учреждениях процесс воспитания и обучения детей включает игровые технологии. Ребенок всегда обучается в игре. Стоит обратить внимание как ребенок воспринимает природные объекты. Для него это часть его детского мира.

«Дети должны жить в мире красоты, игры, сказки, музыки, рисунка, фантазии, творчества. Этот мир должен окружать ребёнка и тогда, когда мы хотим научить его читать и писать. Да, от того, как будет чувствовать себя ребёнок, поднимаясь на первую ступеньку лестницы познания, что он будет переживать, зависит весь его дальнейший путь к знаниям.

Когда думаешь о детском мозге, представляешь нежный цветок розы, на котором дрожит капелька росы. Какая осторожность и нежность нужны, чтобы, сорвав цветок, не уронить каплю», отмечал известный педагог В.А. Сухомлинский [20, с.120].

Многие ученые, исследователи, писатели и поэты посвятили свои произведения и труды данному аспекту экологического воспитания подрастающего поколения. Конечно, долгое время их изречения, рассуждения о связи ребенка с природой оставались в «тени», так как человечество гналось за достижениями в экономической сфере, стремясь достичь большего и взять от природы большее. Но, наступил момент, когда пришлось пересмотреть подобное обращение. И закономерно встал вопрос ознакомления детей с рациональным использованием природных богатств.

Как построен обучающий процесс природоведческого направления в ДОУ? На занятии по ознакомлению с окружающим миром детям сообщается тема занятия, проводится беседа, организуется поисково-элементарная деятельность, проводятся дидактические игры природоведческого содержания, проводятся природоведческие экскурсии (где детей знакомят с окружающей природой, объясняют, как можно поступать, а как нельзя), организуется труд в уголке природы и на участке.

Когда в программу был добавлен аспект экологического воспитания, занятия по ознакомлению с окружающим были разделены на две части: - занятие по ознакомлению с окружающим миром; - занятие по экологическому воспитанию. Данные занятия проводились раз в неделю поочередно. Такой процесс организации экологического воспитания не может принести хороший результат, так как детям свойственно быстро отвлекаться на более интересные события.

Процесс формирования экологической культуры в дошкольном возрасте очень сложный, в котором первоочередно следует обратить внимание на психологический аспект. Ежедневно детям объясняют правила поведения в природе, бережного отношения к братьям меньшим, а в реальности дети видят обратное – взрослые ломают ветки дерева, чтобы наказать ребенка, подмести территорию учреждения или поставить цветущие ветки в вазу (не смотря на то, что до этого момента воспитатель говорила, что каждый цветок на ветке – это будущая ягодка); прогоняют кошку или собаку за то что она грязная и голодная; убивают ящерицу, лягушку, змей, насекомых, так как боятся их; выливают грязную воду под дерево и т.д.

Эмоционально-ценностное отношение ребенка к природе содержит обучающий компонент. Учеными отмечено, что ребенок, любящий природу, сочувствующий природным объектам (как живым, так и неживым), всегда толерантен по натуре, не унижает слабых и всегда готов оказать поддержку. Пришвин М.М. отмечал: «Потому мы и радуемся, попадая в природу, что тут мы приходим в себя» [15, с. 85].

С учетом вышесказанного, стоит рассмотреть существующие новые подходы к реализации задач экологического воспитания:

- Деятельностно-ориентированная модель: считается наиболее актуальной при воспитании дошкольника. Данный подход содержит игровые деятельностные моменты, способные создать основу для развития мотивации у ребенка. Что же входит в содержание данного инновационного подхода? Это и наблюдения, и экспериментально-опытная деятельность, и исследовательская деятельность. Что предусматривается данными формами вовлечения ребенка в мир природы? Наиболее употребляемой формой выступают наблюдения за природой. Во время прогулок дети выходят на улицу (участок), где они могут непосредственно познакомиться с природой под руководством взрослого. Изучение окружающей обстановки, облаков, туч, кроны деревьев, присутствующих насекомых, птиц, животных помогает ребенку расширить свои познания о флоре и фауне, о ее особенностях.

Если обратиться к проведению мини-исследований, то эта форма организации обращает внимание детей на детали, требующие детального рассмотрения. К примеру, на занятиях по ознакомлению с окружающим миром детям было поручено прорастить фасоль. С этой целью воспитатель раздала каждому ребенку фасоль (по 2 штуки – разного сорта). В процессе занятия каждый ребенок посадил фасоль в пластиковую тарелку с влажным ватным диском. Ухаживая за нею, ребенок наблюдает прорастание корешка, листьев и т.д. В процессе данной деятельности ребенок осознает ценность каждого природного объекта. Кроме того, проходит ознакомление со строением бобовых. Далее ребенок наблюдает за ростом стебля, цветением и появлением стручка с бобами. Такая деятельность помогает ребенку не просто услышать, но и прочувствовать рост растения. Дети узнают, насколько важен уход за растением – как много надо воды, тепла, света, солнца для того, чтобы получить урожай.

Также, проведение опыта в дошкольном учреждении обеспечивает формирование у ребенка познавательного интереса к исследованиям. Детям на занятии раздали по одному цветку белой розы. Предварительно воспитатель объяснила, что вода играет важную роль в жизни всего живого, а затем предложила проверить реальность данного факта. Для этого в группу принесли ведро с подкрашенной водой. И каждый ребенок положил свой цветок в ведро. На следующее утро все цветы приобрели другой цвет, так как втянули в себя воду из ведра. Подобный подход к объяснению раскрывает детям наглядно причинно-следственные связи в природе.

- Проектная деятельность, также один из инновационных подходов, помогает осуществить образовательно-воспитательную деятельность в отношении дошкольников. Данный вид деятельности организуется и проходит с учетом адаптации под индивидуально-возрастные особенности детей. Например, организация и проведение проекта «Наш зеленый водоем». Совместно с детьми на площадке был создан маленький водоем. Дети вы-

ложили камнями круг, по краям этого круга в горшочках были посажены растения (влаголюбивые). Затем этот круг заполнили водой, а весной запустили икру лягушки, также в центр поставили маленький аквариум с рыбками. Дети учились ухаживать за обитателями водоема. Летом они наблюдали как из икры вылупляются головастики, а затем и лягушата. При наблюдении каждого нового явления воспитатель обсуждала с детьми подробности, объясняя логическую связь между ними.

Проектная деятельность положительна тем, что создает положительную атмосферу, а также помогает детям глубоко осознать суть природных процессов.

- И конечно, особое место отводится игровым технологиям. Эта технология опирается на игровую деятельность дошкольника, одновременно в нее включена и экологическая деятельность. Разнообразие игр, применяемых в дошкольном возрасте, позволяет расширить объем знаний по экологии. В центре применяемых игр должны находиться дидактические игры экологического содержания.

В пособии Н.Рыжовой «Наш дом - Природа» есть дидактическая игра «Море». Данная игра раскрывает взаимосвязь морской экосистемы и человеческой деятельности. Дети, оперируя фигурками китов, наглядно видят результаты деятельности человека, а соответственно, делают конкретные выводы при обсуждении [19, с.96].

Подвижная дидактическая игра «Камбала и детки» рассказывает детям как рыбы прячутся от врагов, т.е. дает информацию о поведении того или иного живого существа в естественной среде.

Конечно, данные игры не единственные в направлении экологического воспитания, так же как и формы работы с детьми дошкольного возраста: наблюдение за растительным и животным миром и за трудом взрослых, экскурсии на природу, познавательные занятия, чтение литературы, заучивание стихотворений, пословиц и поговорок и т.д.

Сегодня в данный список можно включить более инновационные формы, а именно:

Цифровые экологические игры. Этот вид игр основан на том, что всем дошкольникам сегодня доступны электронные гаджеты. Дети играют в игры, скачанные на электронное устройство, а потому свободно могут ориентироваться в работе с ними. Поэтому цифровые экологические игры для них могут выступить эффективным средством знакомства с окружающим миром. Благодаря интерактивному формату и доступной подаче информации ребёнок получает возможность в увлекательной форме изучать природные явления, знакомиться с объектами живой и неживой природы, а также осваивать основы экологически грамотного поведения. Такие игры затрагивают различные аспекты экологического воспитания: бережное ис-

пользование природных ресурсов, сортировку отходов, заботу о животных и растениях, предупреждение загрязнения окружающей среды.

В процессе игровой деятельности дошкольники не только расширяют круг представлений о природе, но и учатся устанавливать причинно-следственные связи, анализировать последствия собственных действий и принимать элементарные решения в различных ситуациях (выполнение заданий, связанных с уходом за растениями, очисткой территории от мусора, экономным использованием воды или помощью животным, что способствует формированию первых навыков ответственного отношения к окружающему миру).

Кроме того, использование цифровых экологических игр положительно влияет на развитие когнитивных процессов у дошкольника. В связи с чем экологические знания воспринимаются ребёнком легче, вызывают устойчивый интерес и постепенно становятся частью его повседневного опыта.

Не менее значимое место среди современных средств экологического воспитания детей дошкольного возраста отводят **интерактивным доскам**. Их использование позволяет сделать образовательный процесс более наглядным и доступным, поскольку многие природные процессы и явления, недоступные для непосредственного наблюдения, могут быть представлены в визуальной форме. С их помощью педагог имеет возможность демонстрировать изображения растений, животных, природных зон, а также знакомить детей с экологическими проблемами через игровые задания, познавательные упражнения и тематические викторины.

Особое значение имеет активное участие ребёнка в процессе освоения материала. В ходе работы с интерактивной доской дошкольники самостоятельно выполняют различные действия: распределяют изображения природных объектов, определяют среду обитания животных, устанавливают взаимосвязи между поведением человека и состоянием окружающей среды. В таких заданиях детям предлагается распределить отходы по контейнерам для раздельного сбора или выбрать действия, способствующие сохранению чистоты в природе. Все это способствует развитию познавательной активности, самостоятельности, наблюдательности и помогает лучше осмыслить экологические явления.

Мультимедийные презентации также выступают эффективным средством экологического просвещения дошкольников, поскольку позволяют сделать подачу материала более понятной, эмоционально насыщенной и доступной для восприятия. Использование изображений, анимационных элементов, звукового сопровождения и кратких пояснений помогает ребёнку легче воспринимать новую информацию и удерживать его внимание.

Содержание презентаций может охватывать широкий круг экологических тем: особенности времён года, жизнь растений и животных, охрану окружающей среды, природные процессы и экологические проблемы. Так, при изучении сезонных изменений дети получают возможность проследить, как меняется природа в течение года: распускаются листья весной, осенью меняется окраска деревьев, а животные готовятся к зимнему периоду. Подобная визуализация способствует лучшему пониманию природных закономерностей и формированию элементарных экологических представлений.

Преимуществом мультимедийных презентаций является также комплексное воздействие на восприятие ребёнка. Одновременное сочетание зрительных образов, звукового сопровождения и эмоционального отклика способствует более прочному усвоению изучаемого материала и повышает интерес дошкольников к познанию окружающего мира.

Одной из современных и результативных форм экологического воспитания дошкольников выступают *виртуальные экскурсии*. В ситуации, когда отсутствует возможность отвести детей на экскурсию в определенное место их применение дает возможность знакомить детей с природными объектами и явлениями, которые невозможно наблюдать в условиях дошкольной образовательной организации.

Современные цифровые технологии создают условия для своеобразного «путешествия» по лесам, горам, океанам, природным заповедникам и национальным паркам, где дети могут наблюдать особенности окружающей среды и знакомиться с её обитателями.

Виртуальное наблюдение за жизнью животных, сезонными изменениями в природе, а также различными природными явлениями способствует развитию у дошкольников способности устанавливать причинно-следственные связи, расширяет кругозор и формирует основы экологического мировосприятия. Так, дети могут увидеть влияние климатических изменений на животных Арктики, проследить последствия загрязнения водоёмов для морских обитателей или наблюдать процесс восстановления природной среды после лесных пожаров. Подобная визуализация помогает лучше осмыслить взаимосвязь природных процессов и деятельности человека.

Особая значимость виртуальных экскурсий заключается в формировании эмоционально-ценностного отношения к природе. Реалистичные изображения, эффект присутствия и возможность наблюдать природные объекты в их естественной среде вызывают у детей сопереживание живым существам, интерес к окружающему миру и стремление бережно относиться к нему. Использование цифровых технологий позволяет приблизить природу к ребёнку, создавая условия для познания даже тех объектов, зна-

комство с которыми в реальной среде затруднено или невозможно. Например, дети получают возможность увидеть подводный мир, не покидая стен образовательного учреждения, что существенно расширяет их представления о многообразии природы.

Краткие видеоматериалы экологической направленности также являются эффективным средством формирования экологической культуры дошкольников. Их применение соответствует возрастным особенностям детей, поскольку непродолжительный формат облегчает восприятие информации и способствует сохранению внимания на протяжении просмотра.

Экологические видеоролики могут раскрывать различные темы: природные явления, особенности жизни животных и растений, правила поведения в природе, причины загрязнения окружающей среды и способы её охраны. Например, использование видеороликов помогает наблюдать процесс роста растений, знакомиться с круговоротом воды в природе, узнавать об образе жизни животных или видеть последствия небрежного отношения человека к окружающей среде. Наглядность материала делает экологические знания более доступными и понятными для ребёнка.

Просмотр коротких видеоматериалов способствует развитию эмоциональной отзывчивости, формированию бережного отношения к живой природе и пониманию значимости экологически грамотного поведения. После просмотра организуется обсуждение, проводится беседа, дети делятся мнением, выводами, что развивает речь, мышление и коммуникативные навыки.

В современных условиях всё большее значение приобретает **STEM/STEAM-подход в экологическом воспитании** детей дошкольного возраста. Его сущность заключается в интеграции знаний из области науки, технологий, инженерии, искусства и математики, что позволяет организовать процесс познания окружающего мира в практической и исследовательской форме. В экологическом воспитании такой подход помогает детям не только усваивать готовую информацию, но и самостоятельно изучать природные процессы, проводить наблюдения и простейшие эксперименты.

Практическая направленность STEM/STEAM-подхода позволяет организовывать различные исследования. Например, дети могут наблюдать способы очистки воды, используя пластиковые стаканчики, угольки, песок и поролон, выращивать растения в неодинаковых условиях (выращивание луковиц в темноте и на подоконнике), исследовать свойства почвы, а также устанавливать влияние света, влаги и температуры на рост растений. Использование элементов конструирования способствует созданию моделей экологически безопасных домов, систем экономии воды или способов переработки бытовых отходов.

Творческая составляющая STEAM-подхода открывает возможности для художественного осмысления экологических вопросов. Дети создают рисунки, макеты природных объектов, тематические поделки из вторичных материалов, участвуют в коллективных экологических проектах. Подобная деятельность способствует развитию исследовательских умений, самостоятельности, инициативности и помогает ребёнку осознать взаимосвязь человека и природы. В результате экологическое воспитание приобретает практический характер и становится частью личного опыта ребёнка, что значительно повышает его эффективность.

Учитывая вышесказанное, мы приходим к выводу, что инновационные подходы в экологическом воспитании дошкольников способствуют более эффективному формированию экологической культуры, познавательной активности и бережного отношения к природе. Применение цифровых технологий, игровых методов, проектной деятельности, виртуальных экскурсий и STEM/STEAM-подхода позволяет сделать процесс экологического воспитания более наглядным, практико-ориентированным и соответствующим возрастным особенностям детей, формируя основы экологически грамотного поведения уже в дошкольном возрасте.

Литература

1. Аксенова З.Ф. Войди в природу другом: экологическое воспитание дошкольников. - М.: ТЦ Сфера, 2011. - 128 с.
2. Арманд Д.Л. Нам и внукам. - М.: Мысль, 1964. - 252 с.
3. Бобылева Л.К. К природе - с добротой: экологическая беседа со старшими дошкольниками. - М.: Дошкольное воспитание, 2016. - 48 с.
4. Веракса Н.Е., Комарова Т.С., Дорофеева Э.М. От рождения до школы. Инновационная программа дошкольного образования. - М.: МОЗАИКА-СИНТЕЗ, 2019. - 368 с.
5. Горькова Л.Г., Кочергина А.В., Обухова Л.А. Сценарии занятий по экологическому воспитанию дошкольников. - М.: ВАКО, 2005. - 240 с.
6. Гончарова Е.В. Современные технологии экологического образования периода дошкольного детства. - Ростов н/Д: РГПУ, 2011. - 288 с.
7. Зверев И.Д., Суравегина И.Т. Экологическое образование дошкольников. - М.: Академия, 2011. - 120 с.
8. Зайцев Г.К. Уроки экологического воспитания для дошкольников. - СПб.: Питер, 2014. - 377 с.
9. Ковинько Л.В. Секреты природы - это так интересно! - М.: Линка-Пресс, 2004. - 72 с.
10. Козлова С.А., Куликова Т.А. Дошкольная педагогика. - М.: Академия, 2001. - 416 с.
11. Лопатина А.А., Скребцова М.В. Сказы матушки земли: экологическое воспитание через сказки, стихи и творческие задания. - М.: Амрита-Русь, 2008. - 256 с.
12. Миллер Дж. Т. Экология: наука о связях в природе и обществе / Дж. Т. Миллер; пер. с англ. - М.: Мир, 1993. - 336 с.

13. Николаева С.Н. Теория и методика экологического образования детей. - М.: Академия, 2002. - 336 с.
14. Николаева С.Н. Методика экологического воспитания дошкольников. - М.: Академия, 2012. - 224 с.
15. Пришвин М.М. Дневники. 1926–1927. - М.: Художественная литература, 1990.
16. Реймерс Н.Ф. Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы). – М.: Россия молодая, 1994. - 367 с.
17. Реймерс Н.Ф. Надежды на выживание человечества: концептуальная экология. – М.: Россия молодая, 1992. - 367 с.
18. Рыжова Н.А. Экологическое образование в детском саду. - М.: Карапуз, 2011. - 432 с.
19. Рыжова Н.А. Наш дом - природа: блок занятий «Я и природа». - М.: Карапуз-Дидактика, 2005. - 189 с.
20. Сухомлинский В.А. Сердце отдаю детям. - Киев: Радянська школа, 1974. - 288 с.
21. Серебрякова Т.А. Экологическое образование в дошкольном возрасте. - М.: Академия, 2008. - 208 с.
22. Ясвин В.А. Психология отношения к природе. - М.: Смысл, 2000. - 480 с.

INNOVATIVE APPROACHES IN ENVIRONMENTAL EDUCATION OF PRESCHOOLERS: THEORY, METHODOLOGY, PRACTICE

Kurbonova Zarina Shirinbekovna

Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer
at the Department of Pedagogy, Psychology and Teaching Methods
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, str. M.Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 919 40 09 58 (m.)
kzarinash75@gmail.com

The article discusses innovative approaches to the environmental education of preschoolers in a modern educational environment. It is emphasized that the environmental problem is becoming global in nature and requires the formation of an ecological culture already at the early stages of personality development. The article analyzes the theoretical foundations of environmental education, its transformation from a narrowly subject area into an integrative component of preschool education aimed at developing ecological thinking and value-based attitude to nature. Special attention is paid to the psychological and pedagogical aspects of a child's interaction with the natural environment, the role of emotional and value experience and personal activity of preschoolers. The work systematizes modern innovative methods of environmental education, including an activity-oriented approach, project activities, game technologies, digital environmental games, interactive whiteboards, multimedia presentations, virtual tours, video materials of an ecological orientation, as well as a STEM/STEAM approach. It is shown that the use of these technologies contributes to the improvement of children's cognitive activity, the formation of causal thinking, the development of observation

and responsibility for the environment. The effectiveness of the integration of traditional and digital teaching methods, providing a practice-oriented nature of environmental education, is substantiated. The importance of the teacher's role as an organizer of an ecologically saturated educational environment and coordinator of children's research activities is noted. The importance of interaction between preschool organizations and families in the formation of sustainable environmental habits in children is emphasized. It is concluded that innovative approaches create conditions for the formation of the foundations of environmentally sound behavior among preschoolers, a steady interest in nature and a conscious attitude to its conservation.

Keywords: environmental education; preschoolers; innovative approaches; digital technologies; game methods; project activities; STEM/STEAM; environmental culture.

РАВИШҶОИ ИННОВАТСИОНӢ ДАР ТАРБИЯИ ЭКОЛОГИИ КӢДАКОНИ ТОМАКТАӢ: НАЗАРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, АМАЛИЯ

Қурбонова Зарина Ширинбековна

номзади илмҳои педагогӣ, омӯзгори калон
кафедраҳои педагогика, психология ва методикаи таълим
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 919 40 09 58 (м.)
kzarinash75@gmail.com

Дар мақола равишҳои инноватсионӣ ба тарбияи экологии кӯдакони томактабӣ дар фазои муосири таълимӣ баррасӣ карда мешаванд. Таъкид карда мешавад, ки мушкilotи экологӣ хусусияти глобалӣ пайдо мекунад ва ташаккули фарҳанги экологиро аллакай дар марҳилаҳои аввали рушди шахс талаб мекунад. Асосҳои назариявии тарбияи экологӣ, таъдбири он аз самти танг-предметӣ ба ҷузъи интегративии таҳсилоти томактабӣ, ки ба рушди тафаккури экологӣ ва муносибати арзишӣ ба табиат равона шудааст, таҳлил карда мешаванд. Ба ҷанбаҳои психологӣ-педагогии муносибатҳои кӯдак бо муҳити табиӣ, нақши таҷрибаи эҳсосӣ-арзишӣ ва фаъолияти шахсии кӯдакони томактабӣ диққати махсус дода мешавад. Дар қор усулҳои муосири инноватсионии тарбияи экологӣ, аз ҷумла муносибати ба фаъолият нигаронидашуда, фаъолияти лоиҳавӣ, технологияҳои бозӣ, бозӣҳои рақамии экологӣ, тахтаҳои интер-фаъл, презентатсияҳои мультимедиявӣ, экскурсияҳои виртуалӣ, видеоматериалҳои ба экологӣ нигаронидашуда, инчунин stem/STEAM-равӣш системавӣ карда мешаванд. Истифодаи ин технологияҳо нишон дода шудааст, ки ба баланд бардоштани фаъолияти маърифатии кӯдакон, ташаккули тафаккури сабабӣ, рушди мушоҳида ва масъулият барои муҳити атроф мусоидат мекунад. Самаранокии интеграцияи усулҳои анъанавӣ ва рақамии таълим, ки хусусияти амалии тарбияи экологиро таъмин мекунанд, асоснок карда мешавад. Аҳамияти нақши педагог ҳамчун ташкилкунандаи муҳити экологӣ ва координатори фаъолияти тадқиқотии кӯдакон қайд карда мешавад. Аҳамияти ҳамкорӣҳои ташкили томактабӣ ва оила дар ташаккули одатҳои устувори экологӣ дар кӯдакон таъкид карда мешавад. Хулоса ин аст,

ки равишҳои инноватсионӣ барои ташаккули асосҳои рафтори аз ҷиҳати экологӣ босавод, таваҷҷӯҳи устувор ба табиат ва муносибати огоҳона ба ҳифзи он дар кӯдакони томактабӣ шароит фароҳам меоранд.

Калидвожаҳо: тарбияи экологӣ; кӯдакони томактабӣ; равишҳои инноватсионӣ; технологияҳои рақамӣ; усулҳои бозӣ; фаъолияти лоиҳавӣ; STEM/STEAM; фарҳанги экологӣ.

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 20.06.2026. Подписано в печать 30.06.2026.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литературная.
Формат 60x84 ¹/₈. Услов. печ.л. 29.
Тираж 100 экз. Заказ № 120.

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе,
ул. Мирзо Турсунзаде, 30.
Тел.: (+992) 908 00 15 32 (м.)
Электронная версия журнала:
<https://vestnik.rtsu.tj>
E-mail: uchoniezapiski_rtsu@mail.ru